

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1952

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Украинской ССР*

Редакционная коллегия:

действит. член АН УССР *П. П. Ефименко* (ответственный редактор),
член-корр. АН УССР *Л. М. Славин*, доктор истор. наук *М. Я. Рудинский*.

Редактор *М. С. Зильбан*

Техредактор *Е. К. Сиваченко*

Корректор *Л. М. Балинкис*

**БФ 05616. Зак. № 1699. Тираж 1500. Формат бумаги 70×108. Печ. листов 9,6. Учетно-издат. листов 8,5. Бум. листов 3,5. Подписано к печати 20/XI 1952 г.
Цена 6 руб. 15 коп.**

Типография Издательства АН УССР, Киев, Чудновского, 2.

ОТ РЕДАКЦИИ

Советская археологическая наука развивается в последние годы необычайно быстрыми темпами. Огромный интерес советского народа к памятникам прошлого и широкая поддержка археологических исследований со стороны советского правительства создали исключительно благоприятные условия для плодотворной исследовательской работы.

За последние годы советскими археологами проведены многочисленные новые исследования и сделаны открытия, из которых значительная часть имеет мировое научное значение.

Благодаря работам советских ученых, применяющих новые, более совершенные научные методы исследования, опирающиеся на глубокую творческую разработку марксистско-ленинской теории, археология в настоящее время в состоянии решать сложные вопросы происхождения народов, их древней истории и культуры.

Выдающиеся достижения советских археологов многократно отмечались присуждением Сталинских премий.

Однако, несмотря на ряд достижений, в работах многих советских археологов вскрыты серьезные недостатки и ошибки, часть которых возникла из-за попыток «увязать» порочное «новое учение о языке» Марра с историей материальной культуры.

Гениальная работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» указала археологии, как и всей советской науке, правильный путь дальнейшего развития, дала ей средство для преодоления ошибок и недостатков. Освободившись от марровских пут и широко развертывая критику и самокритику, наша археологическая наука поднимается на новую, более высокую ступень своего развития.

Небывалый размах исследовательские работы получают сейчас, когда археологи вышли на трассы великих строек коммунизма. Гигантские строительные работы развертываются на обширных территориях нашей Родины, необычайно насыщенных археологическими памятниками.

Археологи Украинской ССР много работают над изучением памятников материальной культуры, освещавших древнюю историю Украины. Их работы находят свое отражение в первую очередь в издаваемых Институтом археологии Академии наук УССР сериях «Археологія» (вышло семь томов) и «Археологічні пам'ятки УРСР» (вышло четыре тома). Однако эти издания, в частности вторая серия, посвященная публикации отчетов об археологических исследованиях, в связи с большим объемом отдельных томов выходят в свет несколько замедленными темпами.

Между тем с каждым днем увеличивается потребность в печатном органе, который был бы в состоянии хотя бы кратко, но быстро откликаться на основные археологические открытия и исследования, что способствовало бы возможно более скорому внедрению их в советскую науку, педагогическую практику и музейную экспозицию.

В связи с развернувшимися в районе строительства Каховской гидроэлектростанции и Южно-Украинского канала археологическими исследованиями, давшими уже многочисленные и очень значительные открытия, представляется очень важным без задержки публиковать соответствующие сообщения.

Ощущается также острая потребность в освещении работы исторических и краеведческих музеев и соответствующих кафедр университетов и педагогических институтов Украинской ССР.

Выполнить все эти задачи призваны «Краткие сообщения Института археологии».

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН УССР НА ВЕЛИКИХ СТРОЙКАХ КОММУНИЗМА

В 1950 г. по инициативе товарища Сталина Совет Министров СССР принял постановления о сооружении мощных гидроэлектростанций на Волге, Аму-Дарье, Днепре и на Дону, о создании новых грандиозных оросительных и обводнительных систем, о строительстве Волго-Донского судоходного канала. Перед всем миром во всем своем величии раскрылся сталинский план преобразования природы юга СССР, осуществление которого является важнейшим шагом в создании материальной базы коммунизма в нашей стране.

Преобразование природы засушливых районов юга СССР, орошение и освоение земель степей и пустынь является исторически назревшим мероприятием, которое с огромным энтузиазмом встретили народы нашей страны, которые трудятся на благо нашей Родины.

Одновременное строительство нескольких грандиозных гидроэлектростанций и оросительных систем, равных которым не было в истории человечества, возможно лишь только в нашей стране, где народное хозяйство достигло гигантских успехов, где производительные силы, развитие науки и техники достигли исключительно высокого уровня.

В связи с огромным размахом строительных и земляных работ перед археологами Советского Союза встали новые ответственные задачи — в сжатые сроки и на высоком научном уровне провести археологическое изучение территорий новостроек.

Велики и неотложны задачи украинских археологов. Строительство Каховской ГЭС и Южно-Украинского канала развертывается на одной из богатейших в археологическом отношении территорий нашей страны. Здесь представлены первоклассными памятниками все эпохи древней истории, начиная от раннего палеолита. Особенно ценные здешние памятники неолита (например, известная Каменная Могила на Мелитопольщине), эпохи бронзы (как известно, на Азово-Черноморском побережье находился один из очагов древней металлургии), скифских и сарматских племен (они оставили здесь тысячи курганов), древнегреческих и греко-скифских городов и поселений (достаточно вспомнить такой выдающийся памятник, как Ольвия). На юге Украинской ССР расположены многочисленные поселения и могильники ранних славян, раскопки которых имеют огромное значение в связи с изучением вопросов происхождения и ранней истории восточнославянских племен — предков русского, украинского и белорусского народов.

Нет сомнений, что на трассах каналов, которые перережут юго-восточную часть Украины, будет обнаружено еще более значительное количество новых выдающихся памятников древней истории, что исследование площади будущих водохранилищ обогатит нашу науку новыми археологическими сокровищами.

Уже начиная с осени 1950 г. Институт археологии АН УССР организовал широкую археологическую разведку, продолжавшуюся всю

зиму и весну 1951 г. Необходимо было тщательно обследовать всю территорию новостроек, нанести на археологическую карту Украины все ранее открытые стоянки, селища, городища, отдельные важнейшие находки, обнаруженные на трассах запроектированных каналов, площадях затопления, в местах строительства гидроэлектрических и насосных станций. В результате разведывательных работ были обнаружены сотни археологических памятников и определены объекты для стационарных исследований в 1951 г.

С середины лета 1951 г. Институт приступил к экспедиционным работам большого масштаба: необходимо было до начала больших земляных работ раскрыть и исследовать наиболее важные из обнаруженных памятников.

Полевые исследования проводились в трех районах: в зоне затопления будущего Каховского водохранилища — на участке от Никополя до Берислава и Каховки, главным образом по правому, а отчасти и по левому берегам Днепра; к северу от Мелитополя, в долине р. Молочной, выше места будущей плотины; по берегам р. Ингулец, где уже с лета 1951 г. развернулись подготовительные работы по сооружению каналов, соединяющих Днепровскую гидротехническую систему с Ингульцом и Побужьем.

Семь археологических экспедиций, работавших в этих районах (Бериславская, Горностаевская, Гавриловская и Никопольская на Днепре, Молочанская и Терпеньевская на р. Молочной, Снигиревская на Ингульце), провели значительные и весьма успешные исследования, обнаружили на этой территории, богатой вещественными остатками древних эпох, но недостаточно изученной до последнего времени, новые первоклассные памятники¹.

Работы на новостройках юга Украинской ССР с весны 1952 г. развернулись полным ходом. Перед археологами стоят новые ответственные задачи, ибо то, что сделано в 1951 г., было только началом изучения памятников территории строительства. В 1952 г., наряду с раскопками и разведками, организуется систематический археологический надзор за земляными работами на строительстве, соответствующим образом фиксируются все обнаруживаемые при этом памятники далекого прошлого.

При организации археологических работ нужно учесть высокий уровень механизации на строительстве, где будут работать сотни экскаваторов, скреперов, бульдозеров, земснарядов. Организация археологического надзора в этих условиях потребует продуманной и тщательно разработанной методики.

Поскольку для выполнения всех этих задач собственных сил археологов, безусловно, нехватит, нужно будет организовать на местах работ широкий актив из учителей, музеиных работников, краеведов, студентов, учеников, рабочих, служащих, инженеров строительства. Прежде всего должны быть широко организованы пропаганда археологических

¹ Работы Института археологии на великих стройках коммунизма проходили в обстановке самого внимательного отношения со стороны руководителей строительства Каховской ГЭС тт. С. Н. Андрианова и П. А. Медведева и строительства Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов — тт. А. Е. Бочкина и В. Н. Симакова, которым институт выражает свою глубокую признательность.

В настоящем выпуске публикуются краткие предварительные сообщения о работах Бериславской, Горностаевской, Гавриловской, Никопольской экспедиций на Днепре (см. статью А. В. Добропольского), о Молочанской (А. И. Тереножкин) и Терпеньевской (М. Я. Рудинский) экспедициях. Сообщение Л. М. Славина об исследованиях Снигиревской экспедиции будет опубликовано в 3-ем выпуске «Кратких сообщений Института археологии».

знаний, разъяснение задач, стоящих перед археологами, демонстрация достигнутых ими успехов на территории строительства.

Археологические исследования на строительстве Каховской гидроэлектростанции и Южно-Украинского канала коллектив Института археологии будет проводить совместно с Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, с историческими и краеведческими музеями Украины. Такое объединение сил, несомненно, будет способствовать достижению больших результатов.

Вместе со всем нашим народом, сооружающим великие стройки коммунизма, советские археологи выполняют стоящие перед ними новые почетные и ответственные задачи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА КАХОВСКОЙ ГЭС В 1951 г.

А. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Исторические постановления советского правительства о великих стройках коммунизма на юге Украинской ССР и в северном Крыму открыли перед советскими археологами огромные перспективы и возможности для исследования памятников материальной культуры с целью освещения древней истории Северного Причерноморья и Приазовья.

Уже с осени 1950 г. Институт археологии начал широкую разведку археологических памятников на всей территории строительства Каховской ГЭС, Южно-Украинского канала, Молочанского водохранилища, обводных и оросительных каналов. В результате этих работ были открыты и обследованы сотни древних памятников и определены объекты для стационарных исследований в 1951 г.

Для изучения обнаруженных памятников институт организовал семь экспедиций: Бериславскую, Горностаевскую, Гавриловскую, Никопольскую на Днепре в зоне строительства Каховской ГЭС, Молочансскую и Терпеньевскую на территории будущего водохранилища на р. Молочной и Снигиревскую на Ингульце в зоне строительства Верхне- и Нижне-Ингулецких оросительных каналов¹.

На всем пространстве от Запорожья до Каховки в связи с сооружением плотины образуется громадное водохранилище, которое затопит прибрежные террасы Днепра. Опыт археологических исследований в 1927—1933 гг. на территории Днепрогэса им. В. И. Ленина показал, что берега Днепра изобилуют ценнейшими археологическими памятниками различной давности.

Здесь в результате семилетней работы археологической экспедиции удалось изучить культурно-историческое развитие населения порожистой части Днепра, начиная с древнейших времен заселения ее человеком. В процессе этого изучения возникли новые вопросы, которые необходимо решить путем исследования прилегающих к Надпорожью территорий. Поэтому территория строительства Каховской ГЭС, расположенная южнее, представляет особый научный интерес. Разведкой, проведенной в 1949—1950 гг.² на территории строительства Каховской ГЭС, было установлено наличие археологических памятников, которые в результате земляных работ будут уничтожены или затоплены водами Каховского озера.

¹ Экспедиции работали под общим руководством директора Института археологии АН УССР действ. члена АН УССР П. П. Ефименко; начальники экспедиций: В. А. Мизин, Д. Т. Березовец, А. В. Добровольский, Е. В. Махно, А. И. Тереножкин, М. Я. Рудинский и Л. М. Славин.

² Экспедиция под руководством Б. Н. Гракова.

Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г. проводились в 13 пунктах: в Днепропетровской обл.—у х. Хмельницкого, Никопольского района, в селах Усть-Каменка, Грушевка и Кут, Апостоловского района; в Херсонской обл., на правом берегу Днепра — в селах Осокоровка, Золотая Балка, Гавриловка, Дудчаны, Нововоронцовского района, в с. Змеевка, Бериславского района, и в предместье Берислава — Слободке; в Херсонской обл., на левом берегу Днепра — в селах Бабино и Нижний Рогачик, Верхнерогачинского района, и в с. Любимовка, Каховского района.

Памятники палеолитического времени на этой территории в 1951 г. обнаружены не были. Лишь в нескольких пунктах были найдены отдельные изделия из кремня, указывающие на заселение этой местности в неолитическое время, однако стоянок этого времени открыть не удалось.

Основная масса археологических памятников, обнаруженных разведочными отрядами, относится к эпохе бронзы и скифо-сарматскому времени, в небольшом количестве были найдены памятники раннеславянские и времени Киевской Руси.

К памятникам эпохи бронзы, исследованным в 1951 г., в основном относятся погребения; только в трех пунктах были обнаружены следы поселений.

В с. Змеевка (И. А. Антонова) был обнаружен культурный слой эпохи бронзы. На территории поселения в Слободке (В. А. Мизин), относящегося ко II—IV вв. н. э., обнаружены остатки каменных сооружений и изделий эпохи поздней бронзы, а на левом берегу р. Каменки, против с. Усть-Каменка, на поселении раннескифского времени — следы поселения эпохи бронзы (Е. В. Махно).

В с. Осокоровка (В. Д. Рыбалова) под каменными закладками были найдены погребения скорченников, окруженные кромлехами с керамикой эпохи бронзы.

В с. Золотая Балка (А. В. Добровольский) на территории поселения II в. до н. э.—I в. н. э. оказались два погребения в неглубоких ямах, перекрытых небольшими кучами камней; в ямах сильно скорченные скелеты. Возле одного из них найдены: бронзовая пуговица с ушком, три длинные спиральки и у левого уха — бронзовая серьга в виде завитка. В другом месте были обнаружены кромлехи с каменными гробницами внутри и остатками погребений (Р. И. Выезжев).

Под слоем скифского времени на поселении у с. Нижний Рогачик (Д. Т. Березовец) были обнаружены три погребения, относящиеся к эпохе бронзы. Все скелеты скорченные. При одном из них найдена глиняная курильница на ножке, при втором — небольшой сосудик, при третьем — кремневая пластина. В связи с тем, что над головой одного из этих скелетов сохранилась куча камней, можно предполагать, что эти погребения были под каменными закладками.

На затапляемой территории в долинах рек Каменки, Базавлука и Подпольной разведочными отрядами были зафиксированы курганные могильники. В результате раскопок установлено, что некоторые из них содержат погребения эпохи бронзы.

Возле х. Хмельницкого был исследован могильник (И. П. Костюченко), состоявший из пяти курганов. В общей сложности в нем найдено 50 скорченных захоронений. Кости находились в довольно глубоких ямах под насыпью (при них встречались сосуды древнеямного типа) или же были найдены на уровне горизонта и в насыпи (при них были два сосуда катаkomбного и несколько сосудов срубного типов).

На довольно низкой террасе у восточной окраины с. Усть-Каменка был исследован курган (Е. В. Махно). В нем было 24 погребения, из

заторых 16 относятся к эпохе бронзы. Скорченные погребения эпохи бронзы находились в ямах под насыпью и в толще насыпи. Судя по керамике, их можно отнести к катакомбному и срубному временам.

Очень интересными оказались курганные могильники в селах Грушевка и Кут.

Грушевский могильник состоял из десяти курганов, расположенных на довольно низкой прибрежной террасе. В 1951 г. был исследован один курган (Д. И. Блифельд). В ямах под насыпью оказалось 11 скорченных погребений, некоторые из них имели следы посыпки краской. В четырех из них оказались сосуды древнеямного типа, а в одном — детском погребении — костяные пронизки. В насыпи были обнаружены шесть скорченных погребений, в одном из которых находился сосуд, по форме напоминающий древнеямные сосуды, но с несколько уплощенным дном. Несколько сосудов были обнаружены в насыпи кургана.

Могильник в с. Кут (Д. Т. Березовец) состоял из 32 курганов, из которых в 1951 г. было исследовано 14. В них находились погребения скифского времени, а в 11 курганах оказались также и погребения эпохи бронзы. Погребения эпохи бронзы находились в ямах-подбоях и катакомбах, все костяки скорченные. В ямах встречались детские скелеты, а также сосуды. Одно погребение было тройное — взрослого и двух детей.

В этих детских погребениях были найдены: костяные пронизи, глиняная бусина и ретушированная кремневая пластина. В погребениях в подбоях сосуды отсутствовали. В четырех погребениях взрослых были найдены: два сверленных каменных топорика, восемь кремневых стрел и каменный растиральник. В одном детском ямном погребении был найден очень интересный сосуд, по орнаменту напоминающий керамику стоянки на Дурной Скале в порожистой части Днепра, относящийся к самому раннему этапу бронзового века на Украине.

У х. Шевченко, возле с. Нижний Рогачик, был обнаружен могильник, состоящий из девяти курганов. Один из этих курганов был раскопан (Г. П. Гроздилов). В основании кургана находился кромлех, в центре оказалось разрушенное погребение.

В результате раскопок этих памятников получен интересный в научном отношении материал, который дает возможность пополнить наши знания об эпохе бронзы понизья Днепра.

Значительная работа была проведена по изучению скифских памятников — поселений и могильников. Три поселения были исследованы на левом берегу р. Конки, в окрестностях сел Нижний Рогачик и Бабино, и одно — на левом берегу р. Каменки. Интересный курганный могильник был исследован в с. Кут.

Поселение у с. Нижний Рогачик (Д. Т. Березовец) характеризуется культурным слоем, состоящим из костей животных, обломков лепных сосудов и привозных амфор. Следов жилищ не было обнаружено. В двух пунктах поселения открыты бескурганные погребения (в одном пункте было три таких погребения, в другом — четыре). Костяки лежали в вытянутом положении, ориентированные головой на юго-восток. Возле них обнаружены лепные сосуды, бусы и один железный нож. Материалы, полученные в результате раскопок, дают возможность отнести это поселение к V—IV вв. до н. э.

Остатки таких же поселений были исследованы у с. Бабино (Д. И. Блифельд) и х. Шевченко (Г. П. Гроздилов). Эти поселения были разрушены водами р. Конки и дали незначительный материал.

На левом берегу р. Каменки, против с. Усть-Каменка, исследовано поселение (Е. В. Махно), находившееся на склоне надпойменной террасы и занимавшее площадь до 7 га. Здесь найдены остатки жилых

помещений и 20 ям хозяйственного назначения, кости животных, фрагменты лепных сосудов, орнаментированные валиком с оттисками пальцев, невыразительные фрагменты амфор, глиняные и каменные пряслица, зернотерки и растиральники. Здесь же была найдена одна бронзовая двухперая с шипом стрела, что дает возможность датировать это поселение V—IV вв. до н. э.

Наиболее интересным памятником этого времени оказался курганный могильник в с. Кут (Д. Т. Березовец). Могильник существовал в эпоху бронзы, но был использован и в скифское время. Погребения скифского времени находились в катакомбах трех видов: четырехугольной в плане формы, овальной продольной и овальной поперечной по отношению ко входной яме. В зависимости от формы катакомбы погребения отличались инвентарем и некоторыми иными признаками. В четырехугольных в плане катакомбах, находившихся на глубине до 6 м от поверхности, встречены наиболее богатые, но, к сожалению, разграбленные погребения. В них всегда находилось несколько погребенных, количество которых в связи с разграблением можно было определить только по количеству черепов. В этих погребениях были найдены низкопробные золотые изделия: диадема и два перстня, а также бронзовые и железные стрелы.

В катакомбах овальной в плане формы, удлиненных по отношению к выходной яме, костяки лежали на спине с протянутыми конечностями. Их бывало до пяти в одной катакомбе. Возле скелетов находили: бусы, бронзовые браслеты и стрелы, возле одного в ногах стоял лепной сосуд.

В овальных в плане катакомбах, поперечных по отношению к входной яме, обычно находились одиночные протянутые скелеты. Для этих погребений стрелы не характерны; встречались свинцовые и глиняные пряслица, бусы, серьги из низкопробного золота и бисер.

Характерным признаком всех этих погребений является наличие костей лошади (ребра) возле головы костяков и железных ножей с костяными рукоятками — иногда до трех штук — возле погребенного. Катакомбы четырехугольной формы не засыпались землей, а вход закладывался камнями, катакомбы же овальной формы забивались лесом, а вход — черноземом.

Детские вытянутые захоронения этого же времени находились в неглубоких ямах (впускные). Погребальный инвентарь состоял из стеклянных и пастовых бус и бронзовых сережек с подвесками в виде кувшинчиков из пасты. Изредка встречались лепные сосуды.

Большие работы были проведены по исследованию памятников сарматского и раннеславянского времени: поселений, городищ и могильников.

На северной окраине с. Золотая Балка было исследовано открытое поселение (А. В. Добровольский, Р. И. Выезжев, О. Г. Шапошникова), расположенное на берегу Днепра по обеим сторонам Крутой балки и на склоне от плато к прибрежной террасе. Здесь были найдены остатки каменных и глиниобитных строений. К северу от балки, на берегу Днепра, были обнаружены остатки трех каменных складских помещений и большого жилого дома, нижняя часть стен которого была каменная, а верхняя — глиниобитная. Возле каменного дома оказалось и небольшое глиниобитное жилое помещение. На склоне от плато к нижней террасе были исследованы остатки жилого каменного помещения площастью 100 м² и одно жилое помещение с глиниобитными стенами.

На правом берегу Крутой балки оказалось довольно большое каменное здание с двумя пристройками из камней, поставленных на ребро. По углам пристроек стояли четыре ступообразные «базы» для деревян-

ных колонн. Площадь перед главным входом этого здания вымощена камнем. Внутри здания, по его длинной оси, обнаружены три круглые, идущие вглубь, выкладки камней. В этих выкладках можно видеть базы для деревянных столбов. В юго-восточном углу здания лежало кучкой 18 небольших лепных сосудов (плошки). Есть основание предполагать в этом здании сооружение культового назначения.

Южнее Крутой балки, на берегу Днепра, было исследовано еще одно складское каменное помещение.

В складских зданиях отсутствовали отопительные сооружения, и на полу никаких остатков культуры не найдено.

В жилых помещениях обнаружены открытые очаги, иногда состоящие из специально изготовленных из глины, обожженных круглых, довольно большого размера «жаровен», которые устанавливались на каменные плитки и обкладывались по краям камнями. Возле очагов встречались закопанные большие сосуды лепной работы; вокруг очагов на полу сосредоточены и различные остатки культуры: фрагменты сосудов красного и коричневого лака, амфор, лепных сосудов, среди которых были и лощеные, орнаментированные валиком в виде дуги и вертикальных отрезков, каменные зернотерки и растиральники, железные ножи, светильники привозные и местной работы, бусы и особой формы изделия из глины с изображением головок животных (лошади и барана).

Привозная керамика дает возможность датировать это поселение в пределах II в. до н. э.—I в. н. э.

Золотобалковское поселение представляет особый интерес в связи с тем, что оно не имеет оборонительных сооружений, в то время как поселения, на которых найдены остатки культуры этого же времени, расположенные ниже по Днепру, являются укрепленными городищами.

В с. Гавриловка проводились исследования городища (К. А. Бреде) — одного из самых больших городищ (20 га) понизья Днепра.

Центральная часть городища, примыкающая к реке, четырехугольной формы, окружена валом с каменной стеной и рвом (акрополь). Выше, уже на плато, эта часть городища была защищена еще одной каменной стеной, а еще выше — земляным валом, который, окружая городище, концами своими спускался к реке.

В этом году раскопки производились в центральной части — между валом центральной части и каменной стеной к западу от нее; исследовались также вал и ров центральной части.

Городище сильно разрушено выборкой камня стены основного вала и сооружений, расположенных в центральной части, поэтому исследования этого года были направлены главным образом на отыскание лучше сохранившихся участков. На территории между каменной стеной и центральной частью городища удалось открыть остатки стен трех больших каменных зданий и проследить направление окружающей каменной стены, а также ее конструкцию. В процессе работ добыт значительный керамический материал: фрагменты сосудов красного и коричневого лака, амфор, лепных сосудов. Здесь найдено было и одно изображение головки барана, которая представляла собою фрагмент глиняного изделия, близкого к найденным на Золотобалковском поселении. В одном месте были найдены две обожженные очажные жаровни, не использованные для отопительного сооружения и лежавшие одна на другой. Эта находка представляет большой интерес, так как она свидетельствует о том, что такие жаровни употреблялись для устройства очага и изготавливались специально с этой целью.

Археологический материал, добытый на этом городище, дает возможность датировать его приблизительно тем же временем, что и Золотобалковское поселение.

Значительные работы были проведены на Любимовском городище (Л. Д. Дмитров). На его территории были обнаружены остатки каменных строений, камней оборонительной стены и вала, окружавшего городище. Стена состояла из двух рядов каменной кладки (панцырей), между которыми находилась забутовка из более мелких камней. С внутренней стороны городища к валу были пристроены помещения.

Добыт большой вещественный материал, состоящий из фрагментов лепной керамики, привозной чернолаковой и краснолаковой, обломков амфор, каменных скрепов, растиральников и т. д., дающий возможность датировать это поселение последними веками до н. э. и первыми веками н. э. На городище найдена также керамика времени Киевской Руси и более поздний материал средневековья. Среди находок обращает на себя внимание головка барана от глиняного изделия, подобного найденным на Золотобалковском поселении и Гавриловском городище. Такие изделия известны из поселений Средней Азии и Закавказья, но совершенно неизвестны в городах-колониях Причерноморья.

На левом высоком берегу р. Каменки, против с. Усть-Каменка, был обнаружен большой могильник. В 1951 г. на этом могильнике было исследовано 20 курганов. В 16 курганах в центре были погребения в ямах с подбоями, а в четырех — погребения в грунтовых ямах. Детские погребения находились под полами курганов.

В основном, погребенные лежали протянуто, на спине; некоторые скелеты были неполные или сдвинуты с места.

Погребения ориентированы на запад и юг, а два детских — на восток. В погребениях находились привозные краснолаковые и сероглиняные лощеные, а также от одного до трех лепных серых сосудов. Сосуды в детских погребениях встречались обязательно, во многих погребениях (мужских) сосудов вовсе не было.

Кроме сосудов, в состав погребального инвентаря входили железные трехперые наконечники стрел, оселки, бронзовые и железные пряжки, железный кинжал, ожерелья, бронзовые фибулы, браслеты, подвески в виде колокольчиков, трубочек, скарабеев и львов, бронзовы зеркала и т. п. Почти при всех погребениях были найдены кости животных и железные ножи возле них. Могильник можно датировать приблизительно рубежом н. э.

На правом берегу Днепра были исследованы поселения культуры полей погребений черняховского типа.

Поселение в с. Дудчаны (Т. Д. Белановская) расположено на берегу надпойменной террасы. Здесь были произведены только предварительные раскопки, в результате которых обнаружены остатки жилищ, сделанных из камня и глины, кости животных, фрагменты лепных сосудов, орнаментированных пальцевыми оттисками по венчику, фрагменты сосудов черняховского типа, обломки поздних желтоглиняных амфор, растиральники и т. п.

Интересным оказалось поселение в Слободке — предместье г. Берислава (В. А. Мизин), расположенное на высоком берегу Днепра. Здесь были открыты основания каменных строений. Одно из оснований являлось остатком большого четырехугольного здания, к которому вели три длинных коридора, обозначенных большими камнями, поставленными на ребро. К этому зданию со всех сторон примыкали такие же помещения, но меньших размеров. На площади поселения обнаружены также остатки иных каменных сооружений. Среди культурного инвентаря были кости животных, фибулы, изделия из железа, пряслица, каменные зернотерки, растиральники, бусы и т. д. Найдены фрагменты сосудов лепных и черняховского типа, фрагменты поздних небольших узкогорлых амфор из желтой глины с красными надписями на них. До-

бытый материал дает возможность датировать это поселение II—IV вв. н. э.

На территории строительства Каховской ГЭС были обнаружены следы пребывания славян времен Киевской Руси. Из раскопок Любимовского и Маяцкого городищ, а также некоторых пунктов левого берега Днепра известны отдельные фрагменты керамики; в с. Змеевка было обнаружено и жилище этого времени (А. В. Бураков). Это небольшое четырехугольной формы помещение, сделанное из глины, в одном из углов которого находилась печь. Здесь найдены фрагменты характерной для того времени керамики и мелкий бытовой инвентарь. Раскопки памятника были начаты только перед концом работ, дальнейшие исследования обещают очень интересный материал, который даст возможность осветить вопрос о пребывании наших предков на нижнем Днепре.

Исследования в 1951 г. показали, что территория строительства Каховской ГЭС богата археологическими памятниками, особенно второй половиной I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. Исследования только начаты, и, конечно, делать какие-либо обобщающие заключения еще рано, но уже сейчас можно утверждать, что изучение этой территории даст возможность решить многие вопросы древней истории степей Причерноморья.

Кроме описанных работ, специальный отряд института занимался исследованием запорожских сечей в связи с наступающим трехсотлетием воссоединения Украины с Россией.

На территории строительства Каховской ГЭС были произведены также палеонтологические исследования.

К исследованию территории Каховской ГЭС Институт археологии АН УССР привлек ученых многих учреждений УССР, а также Москвы и Ленинграда. В работах принимали участие, кроме сотрудников Института археологии АН УССР, сотрудники Эрмитажа, Ленинградского университета, Академии архитектуры УССР, Института истории Украины АН УССР, Института зоологии АН УССР и сотрудники исторических и краеведческих музеев Киева, Херсона, Никополя, Запорожья, Днепропетровска.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В 1951 г.
НА ТЕРРИТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА МОЛОЧАНСКОГО
ВОДОХРАНИЛИЩА**

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

С целью подготовки исследования историко-археологических памятников в районе будущего водохранилища на р. Молочной Институтом археологии АН УССР осенью 1950 г. была проведена предварительная разведка, выявившая до 125 курганов, расположенных отдельно или группами. По берегам р. Молочной курганы находятся не только на возвышенностях, как это обычно наблюдается в районе степных рек, но и в самой пойме. Насыпи курганов имели малые, средние и крупные размеры, самые высокие из них достигали 6—7 м. Наибольшая их концентрация наблюдалась к западу от г. Большой Токмак, вблизи с. Долиновка, между селами Терпенье и Ново-Филипповка.

Раскопки в 1951 г. показали, что количество курганов, попадающих в зону затопления, оказалось большим, нежели можно было предполагать по данным разведки.

Главной целью Молочанской экспедиции Института археологии АН УССР, проведенной под руководством автора¹, было исследование курганов, являющихся наиболее многочисленными памятниками исторического прошлого на р. Молочной. Исследования проводили несколько отрядов между с. Ново-Филипповка и совхозом «Аккермень» (к востоку от с. Терпенье) и у сел Троицкое и Долиновка. Работы экспедиции продолжались с 12 июля по 15 октября 1951 г.

Всего экспедицией было раскопано 60 больших, средних и малых (в том числе и совершенно распаханных) курганов, которые в совокупности дали свыше 250 древних захоронений.

Самую значительную группу составили погребения, относящиеся к эпохе бронзы,— к древнеямному, катакомбному и так называемому киммерийскому времени, среди прочих два захоронения относятся к скифской поре, более 40 погребений — к сарматскому времени и несколько погребений — ко времени поздних кочевников (X—XII вв. н. э.).

Во всех курганах средних и крупных размеров основные захоронения относятся к древнеямному времени. Эти могилы чаще всего имеют вид неглубокой четырехугольной ямы, покрытой истлевшим бревенчатым накатом. Только в ближайших окрестностях с. Ново-Филипповка они, как правило, были перекрыты не бревнами, а большими

¹ В Молочанской экспедиции в качестве научных сотрудников приняли участие Н. П. Амбургер, М. И. Вязьмитина, О. Д. Ганина, В. А. Ильинская, Е. Ф. Покровская, И. С. Каменецкий, Л. С. Клейн, С. М. Мазин, А. И. Рассадович, А. А. Формозов, А. И. Фурманская и Т. Н. Чернышева.

песчаниковыми плитами, доставленными с известной Каменной Могилы, расположенной невдалеке, в пойме р. Молочной.

Одна из таких могил, обнаруженная в небольшом кургане около с. Ново-Филипповка¹, оказалась особенно интересной. Она была накрыта большой, но нетолстой треугольной плитой, имеющей вид антропоморфного изваяния с широкими плечами и округлым выступом на месте головы.

Это изображение принадлежит по своему типу к известной группе каменных стел, которые обычно принято относить к киммерийскому времени и даже этнически связывать с киммерийцами [1]. Как в раскопках Г. Л. Скадовского на Белозерском лимане, так и в кургане у с. Ново-Филипповка с антропоморфной плитой было связано характерное захоронение, что свидетельствует о древнеямном возрасте такого рода каменных изображений. Значение новой находки для решения издавна спорного вопроса об их времени тем более велико, что до сих пор не было известно ни одного памятника, который подтверждал бы объективными археологическими данными киммерийскую принадлежность этих изображений. Очень интересен факт, подтвержденный и другими подобного рода находками, о связи стел с захоронениями древнеямной культуры.

Кроме основных, в курганах встречалось по нескольку впускных древнеямных могил с широким уступом на поверхности погребенного чернозема.

Захоронения в основных могилах всегда были одиночные, а во впускных — иногда и коллективные, с двумя и даже тремя костяками. Погребенные лежат, как правило, на спине, с согнутыми вверх коленями и посыпаны красной краской, комья которой встречались в могилах. Большинство захоронений без инвентаря. Лишь изредка в могилах оказывались отдельные предметы: круглодонные сосуды, амулеты в виде клыков хищников, кремешки, створки речных раковин. Кроме того, в одной могиле был найден отличный кремневый нож, а в другой — хорошо сохранившийся медный нож копьевидной формы.

Катаkomбные захоронения также были обнаружены в большом количестве при раскопках. Все они были впускными в насыпи более древних курганов и располагались ближе к краям, т. е. в местах, где было легче пройти насыпь и дойти до ненарушенного грунта. Наряду с малыми и тесными катакомбами встречались и очень большие с обширными входными ямами и со столь же обширными погребальными камерами. Вход в погребальную камеру закладывался камнями, перегородками из палок, а в одной катаомбе он был заложен лопаткой быка.

Погребенные в катаомбах лежали то по древнеямному обряду на спине, с ногами, согнутыми коленями вверх, то на боку с подогнутыми конечностями, лицом в сторону входа. Кроме одиночных захоронений, были и коллективные (до четырех в одной камере), которые, очевидно, совершались в различное время с раскрытием входа в катаомбу, о чем свидетельствует нарушенное положение некоторых костяков. Кроме устройства погребального сооружения, катаомбные захоронения отличаются от древнеямных тем, что с погребенными уложено большее количество вещей: сосудов, кремневых наконечников стрел, костяных молоточкообразных булавок, костяных бус, длинных костяных пронизей со спиральными нарезками, бронзовых вещей, ритуальной пищи.

В нескольких катаомбах сохранились полуистлевшие деревянные предметы: остатки луков, сосудов и рукоятей орудий. В одной из ка-

¹ Раскопки М. И. Вязьминой.

такомб был найден кусочек грубой шерстяной ткани в широкую полоску черного и красного цветов; найдены небольшие обрывки крученого шнура. Наличие всех этих предметов расширяет наше представление о материальной культуре катакомбной эпохи, так как до сих пор были известны только изделия из камня, кости, бронзы или меди и керамика.

Из находок значительный интерес представляет обнаруженный в большой катакомбе самого крупного кургана на территории совхоза «Аккермень» великолепный стеатитовый полированный топор с проухом, почти одинаковый по форме и размерам с одним из топоров Бессарабского клада [2].

Череп погребенного в одной из катакомб другого кургана на том же поле был сплошь покрыт тонким слоем смолы. Наличие покрытия черепов смолой наблюдалось и в некоторых катакомбах, что знакомит нас с ранее неизвестной чертой местного погребального обряда.

Основная масса катакомбных погребений в районе р. Молочной отличается характерными архаическими чертами, генетически связывающими эти погребения с культурой древнеямного времени. С одной стороны, это отчетливо отражается в погребальном ритуале, в положении умершего на спине с согнутыми ногами коленями вверх, которое заменяется иногда скорченным положением на боку или даже вытянутым. С другой стороны, об этом же свидетельствуют и вещественные остатки, особенно керамика. В древнеямных погребениях найдены сосуды, приближающиеся по форме к катакомбным, а в катакомбных погребениях, в свою очередь, обнаружены сосуды древнеямного типа и все переходные их формы к катакомбным, а также сосуды, свойственные собственно катакомбной культуре. Таким образом, имеется возможность проследить, как сосуды с дном яйцевидной формы сменяются плоскодонными с веревочным орнаментом.

Генетические связи древнеямной и катакомбной культур, выявленные О. А. Граковой [3], получают блестящие подтверждения в материалах Молочанской экспедиции и позволяют глубже изучить историю различных вопросов материальной культуры древних племен нашего степного юга.

Подобно катакомбным все «киммерийские» захоронения являются впускными в насыпи древнеямных курганов. Могилы их отличаются крайне небольшой глубиной, так что часто костяки оказываются непосредственно под дерном или под пахотным слоем и разрушаются при вспашке. Погребенные, как обычно для эпохи поздней бронзы, лежат чаще всего в сильно скорченном положении на правом или левом боку без обсыпки красной краской и сопровождаются одним-двумя глиняными сосудами. Среди последних преобладают простые невысокие банки без орнамента, реже встречаются сосуды острореберной формы с городчатым орнаментом и сосуды баночной формы, украшенные валиком.

По погребальному обряду и обычаям хоронить в простых ямах без гробниц и в могилах в виде бревенчатого сруба все эти могилы более всего напоминают подобные же погребения конца бронзового века в курганах Причерноморья, к западу от Днепра, на основании чего мы и считаем возможным хотя бы предварительно включить молочанские захоронения этого типа в группу киммерийских памятников, хотя по времени они, вероятно, относятся к более ранней поре, чем исторические киммерийцы (VIII—VII вв. до н. э.).

В районе р. Молочной, как почти всюду в степной полосе, бросяется в глаза отсутствие погребений времени скифской архаики. В наших находках это время отмечено одним случайным бронзовым двух-

лопастным втульчатым наконечником стрелы, найденным в насыпи кургана. Однако открытая экспедицией Б. Н. Гракова (раскопки П. Д. Лизберова) раннескифская могила в кургане около с. Константиновка, близ Мелитополя [4], позволяет надеяться, что подобные, даже отдельные погребения будут встречаться и в дальнейшем на изучаемой территории.

К IV в. до н. э. относится одна сравнительно богатая скифская могила, открытая под насыпью небольшого кургана вблизи совхоза «Аккермень» (раскопки В. А. Ильинской). Погребение было совершено с соблюдением всего пышного степного кочевнического обряда. Вскрыта глубокая катакомба, в которой вместе с умершим обнаружено большое количество утвари и предметов вооружения, в том числе бронзовое зеркало, бронзовые браслеты, копья, колчан с набором бронзовых наконечников стрел, деревянные сосуды и деревянное блюдо с положенным на него боком быка, в который был воткнут железный нож с костяной рукояткой.

Редкость позднескифских могил здесь, повидимому, объясняется тем, что главные кладбища кочевых скотов находились в то время на Никопольщине, в степях к востоку и западу от Днепра.

Благодаря новым раскопкам на р. Молочной впервые в археологии УССР получили широкое освещение памятники сарматских племен, которые до последнего времени встречались преимущественно в Поволжье и на Северном Кавказе.

Раскопки большого количества сарматских погребений были значительным достижением Молочанской экспедиции. Этим успехом экспедиция целиком обязана Е. Ф. Покровской, обнаружившей могильники сарматов около северной окраины с. Ново-Филипповка и к востоку от совхоза «Аккермень», которые оказались совершенно распаханными. Часть сарматских погребений оказалась впускной в насыпи древнеямных курганов у того же с. Ново-Филипповка, совхоза «Аккермень», у сел Троицкое (раскопки Клейна) и Долиновка (раскопки Фурманской). Всего удалось раскопать немного более 40 сарматских погребений.

Могилы в распаханных курганах были преимущественно одиночные с одиночными захоронениями. Они различались между собою по устройству погребального сооружения и по обряду захоронения. Здесь встречались характерные роксоланские захоронения в квадратных могильных ямах с диагональным положением костяка, узкие и широкие, глубокие могилы то с южной, то с северной ориентировкой погребенного и, наконец, могилы с подбоем.

К сожалению, часть, вероятно, наиболее богатых могил оказалась разграбленной еще в глубокой древности.

Сарматские мужские, женские и детские погребения сопровождались довольно большим количеством вещей, судя по которым их датируют временем первых веков н. э.

В мужских погребениях найдены короткие железные мечи с кольцевидным навершием, колчанные наборы трехлопастных небольших железных наконечников стрел и глиняные сосуды. Женские захоронения сопровождались бусами, браслетами, бронзовыми и железными фибулами, маленькими металлическими зеркалами и большим количеством глиняной, изредка и металлической посуды.

Вещественные остатки интересны для выяснения вопросов развития местного производства. В этом отношении особенно важна местная керамика, остававшаяся до настоящего времени не изученной. Привозные вещи знакомят нас с тем широким кругом торговых связей, какие уста-

новились у сарматских племен после передвижения их из-за Дона в степи Причерноморья.

Надо полагать, что полученные уже материалы по археологии сарматских племен, а также и все то, что дадут дальнейшие раскопки на территории бассейна р. Молочной, позволят выяснить состав племен, перекочевавших в Приазовье, детально изучить их материальную культуру и ее местное развитие. Очевидно, у р. Молочной находились главные сарматские могильники, здесь же, вероятно, находились и их основные места зимовок, признаки которых были обнаружены в окрестностях с. Ново-Филипповка и совхоза «Аккермень».

В насыпях древнеямных курганов были также открыты в небольшом количестве могилы кочевников более позднего времени, вероятно, печенегов и половцев. Одних, возможно, в более ранний период хоронили в гробовницах, сложенных из досок, и погребенные имели ориентировку головою на запад. Некоторые погребения сопровождались копьем и саблей. Археологические материалы о поздних кочевниках, добытые экспедицией, пока не велики. Однако можно ожидать, что где-нибудь на Молочной, в которой К. В. Кудряшов [5] небезосновательно предполагает половецкую реку Сутень, упомянутую в связи с известным походом Владимира Мономаха в 1103 г., будут в ходе дальнейших исследований открыты и большие кочевнические могильники.

Первые большие раскопки в долине р. Молочной позволяют видеть в ней один из главных центров возникновения культуры древнеямных племен и место формирования на ее основе культуры катакомбных племен. С неменьшей уверенностью в ней можно также видеть район главного сосредоточения сарматских племен, кочевья которых широко распространялись по всему степному пространству к востоку от Днепра.

Раскопки на Молочной дали много краинологических материалов хорошей сохранности для различных исторических эпох. В этих материалах советская антропология испытывает исключительно острый недостаток.

Важные историко-археологические открытия были сделаны в результате исследований на строительстве Днепрогэса. В течение ряда последних лет на нижнем Днепре и в Приазовье работала Степная скифская экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР под руководством Б. Н. Гракова. Однако основными источниками наших знаний об истории и археологии степных племен до сих пор оставались преимущественно результаты раскопок курганов, произведенных еще в дореволюционное время. Эти материалы далеко уже не отвечают требованиям и высокому уровню современной исторической науки, выдвинувшей перед археологией после выхода в свет гениального труда И. В. Сталина по языкоznанию задачи изучения социально-экономического строя, раскрытия конкретного исторического процесса и этногенеза современных народов.

Этим определяется значение новых материалов, добытых Молочанской экспедицией в 1951 г., и тех, которые будут получены в результате еще более крупных исследований и раскопок в течение ближайших лет на строительстве Молочанского водохранилища. Они в комплексе с материалами, какие дают археологические исследования, проводимые в больших масштабах на всех других великих стройках юга УССР, на Волго-Донском, Сталинградском и Куйбышевском строительствах, вероятно, позволят заново пересмотреть основные вопросы истории древних племен и народностей на всем обширнейшем пространстве степей нашей Родины.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. В. М. Даниленко, До кіммерійської проблеми, «Археологія», т. V, изд-во АН УССР, К., 1951, стр. 218 и сл.
 2. О. А. Кривцова-Гракова, Бессарабский клад, Труды ГИМ, М., 1949, стр. 15, табл. III.
 3. О. А. Кривцова-Гракова, Генетическая связь ямной и катакомбной культуры, Сборник статей по археологии СССР, Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 33 и сл.
 4. П. Д. Либеров, Курганы у села Константиновка, КСИИМК, вып. XXXVII изд-во АН СССР, 1951, стр. 137.
 5. К. В. Кудряшов, Полоцкая степь, Географиздат, М., 1948, стр. 91.
-

КАМЕННАЯ МОГИЛА

(Предварительное сообщение о работах 1951 г.)

М. Я. РУДИНСКИЙ

Каменная Могила (рис. 1) — чрезвычайно интересный в геологическом отношении останец в пойме р. Молочной у с. Терпенье, Мелитопольского района,— представляет собою выдающийся памятник древней истории юга Украинской ССР.

В результате эрозии в толще песчаника, покрывающего вершину Каменной Могилы, и под плитами над склонами ее холма образовались гроты и навесы, которые были использованы обитателями побережий реки уже в глубокой древности. На потолках и карнизах этих гротов и навесов они оставили многочисленные изображения, являющиеся ценнейшими документами первобытной идеологии и искусства. По разнообразию способов их исполнения, сосредоточению в определенных местах, в особенности по выдержанности приема нанесения рисунков не на внешних поверхностях камней, а только на потолках и карнизах гротов и нависавших скал, Каменная Могила занимает совершенно особое место среди близких ей по времени и характеру памятников СССР.

Первые сведения о Каменной Могиле как об археологическом памятнике относятся к 1890 г., когда она была обследована Н. И. Веселовским. К сожалению, в силу необычности памятника он не был понят исследователем, а краткое сообщение [5] в отчете о работах за 1890 г. не вызвало интереса в исследовательских кругах и было забыто.

Вновь Каменная Могила была открыта спустя 45 лет (1934 г.) В. Н. Даниленко. В следующем году при его участии Мелитопольский музей провел небольшие раскопки за южной оконечностью холма Каменной Могилы, на территории стоянки эпохи бронзы. Участие В. Н. Даниленко в работах Азово-Черноморской экспедиции Института археологии АН УССР, руководимой О. Н. Бадером (1936), дало возможность обнаружить на Каменной Могиле не только большое число мест сосредоточения изображений (в частности, известной плиты с изображением так называемого мамонта), но и многослойную стоянку на правом берегу р. Молочной в нескольких десятках метров от Каменной Могилы [6]. В 1947 г. Мелитопольской экспедицией Института археологии под руководством В. Н. Даниленко на этой стоянке было вскрыто около 100 м². Мощность отложений, заключающих в себе остатки культуры, достигает 3,5 м. Нижние горизонты относятся, как кажется, к концу так называемой мезолитической поры. Над неолитическими слоями лежат остатки культуры эпохи бронзы, а выше —斯基фо-сарматского времени. Совершенно очевидно, что в вопросе определения хронологических рамок памятников первобытного искусства Каменной Могилы дальнейшее исследование этой стоянки имеет первостепенное значение.

Изучением и описанием ряда памятников Каменной Могилы мы обязаны О. Н. Бадеру, посвятившему ее археологическим документам ряд обстоятельных работ [2]. Новой интерпретации каменномогильских изображений посвящена недавно опубликованная статья В. Н. Даниленко [3].

Несмотря на признанное всеми выдающееся значение памятника и на то, что, по существу, он был лишь затронут предварительными исследованиями, ни работы Азово-Черноморской экспедиции в 1936—1938 гг., ни раскопки Мелитопольской экспедиции в 1947 году, к сожалению, не были продолжены.

Каменная Могила находится в зоне затопления. Молочанская плотина пройдет в нескольких метрах от южной оконечности холма. Через пять лет он скроется под водами Молочанского водохранилища, зеркало которого будет лежать выше его вершины на 20 м.

В публикациях, посвященных Каменной Могиле, не дано ни одного даже самого схематического плана с обозначением открытых экспедициями в 30-х годах гротов, навесов и отдельных плит с изображениями. В связи с этим первоочередной задачей экспедиции 1951 г. было снятие полного плана Каменной Могилы с нанесением на него всех камней, покрывающих ее холм и ближайшее окружение¹. В результате геодезической съемки, территория Каменной Могилы покрыта сеткой со стороны квадрата в 10 м и с порядковой нумерацией квадратов 1—308, начиная от северо-западного угла (рис. 2).

Второй нашей задачей было изучение Каменной Могилы как интересного островного образования в пойме р. Молочной. Наблюдая нагромождение камней в разных точках холма и у его подножья и фиксируя их в фотографиях, зарисовках и планах, мы стремились к возможно полному уяснению процесса образования холма Каменной Могилы и разрушения покрывающего ее пласта песчаника, что имеет существенное значение для понимания памятника.

Наши работы в 1951 г. по изучению произведений первобытного искусства Каменной Могилы носили предварительный характер. Отсутствие плана с указанием ранее открытых местонахождений плит с рисунками потребовало проведения значительных работ по обнаружению их путем подкапывания плит или прорытия сквозной под ними траншеи. Таким способом было разведано около 400 камней. В результате открыто 38 местонахождений рисунков, главным образом на северном и особенно на западном склонах Каменной Могилы. На южной стороне холма отмечена лишь одна плита с изображениями (№ 35). Под плитами восточного склона изображений не обнаружено.

Чрезвычайно сложная задача отыскания так называемого восточного грота, открытого в работах в 1938 г., была осуществлена В. Н. Даниленко. Собственно говоря, это даже не грот или, во всяком случае, не грот того типа, который представляет «грот мамонта» или уцелевший до нашего времени карман центрального грота над северным склоном холма. Подкоп, заложенный у восточного края каменного массива вершины, в том месте, где от него оторвалась плита № 37, обнаружил на нижней поверхности его целую систему щелеобразных проходов в пластах песчаника, исследование которых не может быть осуществлено без проведения значительных крепежных работ. Работы здесь пришлось приостановить в связи с непосредственной угрозой обвала.

¹ В работах Мелитопольско-Терпеньевской экспедиции на Каменной Могиле (2 августа — 2 ноября 1951 г.), кроме автора, принимали участие: В. Н. Даниленко, М. Л. Макаревич, Н. П. Амбургер, И. А. Злобин (геодезист), Ф. М. Морозов (сотрудник Эрмитажа), художники Я. А. Мацеевская (Киев) и М. Е. Иванов (Ленинград), скульптор Л. В. Калинин (Ленинград).

Рис. 1. Общий вид Каменной Могилы.

Кроме достаточно полно описанных в работах О. Н. Бадера «грота мамонта» и центрального грота, наиболее интересными из разведанных в 1951 г. местонахождений являются следующие группы камней и отдельные плиты.

1. Западная группа, состоящая из восьми сравнительно небольших плит (№ 17—24), находящаяся в 20 м от каменного массива вершины на западном склоне холма. На этих плитах обнаружены только линейно-геометрические изображения, исполненные в разной технике, быть может свидетельствующей об их разновременности: широкими и откры-

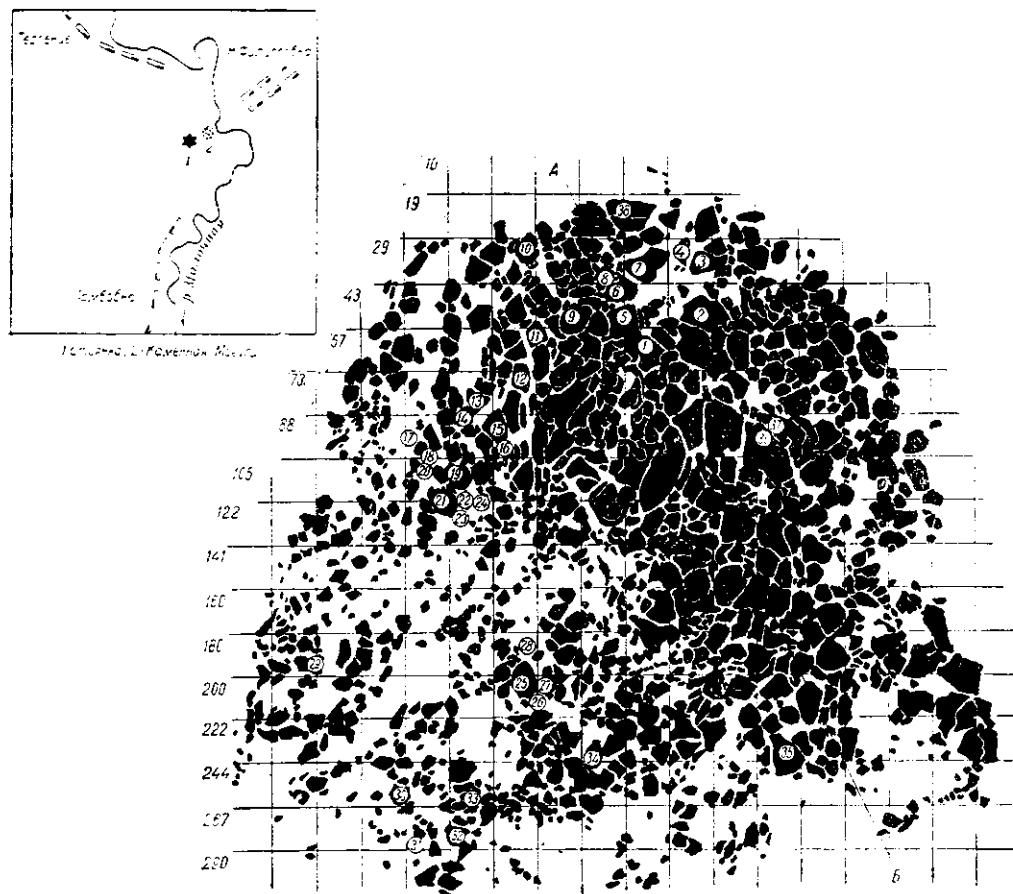

Рис. 2. План Каменной Могилы.

тыми бороздами с округлым как бы зашлифованным дном, глубоко врезанными узкими линиями и легкими штрихами (рис. 3 и 4). На нижней поверхности плиты № 22 была обнаружена группа таких рисунков, обведенная двумя волнообразными линиями, исполненными черной краской. Рисунки такого типа в других местах Каменной Могилы не встречены. Возможно, что их следует отнести к числу наиболее поздних. Рисунки плиты № 23 иссечены для транспортирования в Киев.

2. Группа из четырех плит у подножья западного склона холма, находящаяся в 35 м к югу от западной группы, названная в предшествовавших настоящему исследований группой «конских плит». Ближайшее ознакомление с обнаруженными на этих плитах рисунками,

расположение и их форма, по нашему мнению, свидетельствует о существовании навеса, а скорее о разрушенном гротообразном нахождении камней, не связанном с массивом вершины (плиты № 25—28). Нижняя поверхность трех больших плит сплошь покрыта рисунками, выполненными в основном в технике протирания довольно широких и неглубоких врезанных линий с округлым дном и прочерчивания узких и глубоко врезанных борозд. К материалам О. Н. Бадера

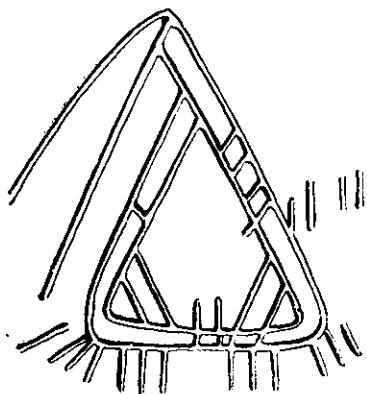

Рис. 3. Один из рисунков на плите № 23. 1/5 н. в.

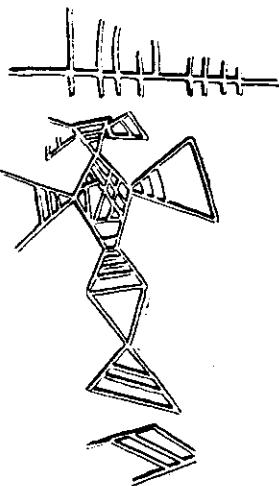

Рис. 4. Один из рисунков на плите № 23. 1/5 н. в.

о плите № 26 (малой «конской») [1] необходимо добавить некоторые данные о центральной плите № 25. Она ориентирована с СЗ на ЮВ. Повидимому, фронтальной стороной ее был юго-западный конец, где рисунки начинаются сразу же под краем плиты.

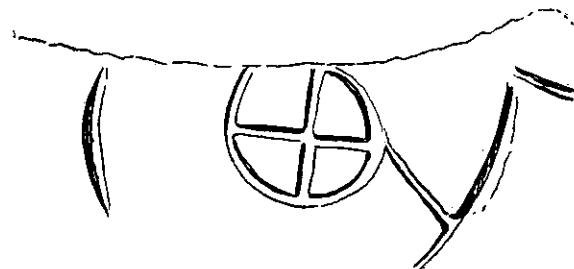

Рис. 5. Солярный знак на одной из складок породы в северном конце плиты № 25. 1/5 н. в.

К сожалению, значительная часть рисунков исчезла в связи с разрушением поверхности. В очень сложных композициях из линейно-геометрических элементов значительную роль играют небольшие лунки диаметром 15—20 мм, встречающиеся и на других плитах этой группы. Заслуживают особого внимания три солярных знака различных начертаний, помещенные на трех естественных выступах породы в трех разных точках (рис. 5).

На плите № 28, также в значительной части своей нижней поверхности покрытой рисунками, обращают на себя внимание изображения коней и иных животных, исполненные в той же, общей для группы, технике контурного рисунка глубоко врезанной линией (рис. 6).

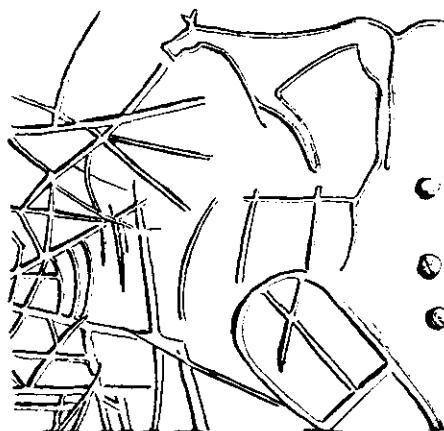

Рис. 6. Деталь поверхности с рисунками плиты № 28. Несколько меньше $\frac{1}{8}$ н. в.

3. Группа из двух плит с изображением следов человеческих стоп среди линейно-геометрических рисунков, между прочим, в виде лесенок или заштрихованных полос и растительных элементов (рис. 7). Рядом с большой плитой размерами $4,5 \times 3,25$ м (№ 34) лежит, быть может, оторвавшаяся от нее часть или отдельная плита, покрытая такими же

Рис. 7. Схема размещения рисунков на поверхности большей «плиты стоп» № 34. Около $\frac{1}{24}$ н. в.

изображениями. Среди последних выделяется своими размерами и оформлением огромный «след» стопы длиной 35 см, шириной 15 (в пальцах) и 8 см (у пятки) (рис. 8). Необходимо отметить, что «плиты стоп» Каменной Могилы не находят соответствующих близких параллелей ни в петроглифах севера СССР и Скандинавии, ни в памятниках

архатлантического запада Европы [4]. Заслуживают особого внимания следы стоп с отисками каких-то плетений, повидимому, обуви.

4. Совершенно особое место занимает группа изображений на нижней поверхности плиты № 33 (восточная плита дольменообразной группы камней на юго-западном участке Каменной Могилы), в которых следует, как кажется, видеть схематизированное изображение рук в положении обхвата какого-то крупного предмета. Несколько в стороне от этих изображений рук (в правом нижнем углу плиты, иссеченной для транспортирования в Киев) находится еще одно изображение какой-то пятипалой руки или лапы, выполненное особым, не встреченным в других местонахождениях Каменной Могилы, способом протирания позитива («лапа») или очерчивания его («руки») широкими открытыми полосами (рис. 9).

Расчистка так называемого грота мамонта (№ 9) и центрального грота на северном склоне холма (№ 5) с лежащими перед ним плитами оборвавшегося навеса (№ 6, 7) дала ряд интересных наблюдений. Близкие, очевидно, по своему назначению, как обособленные и полутемные (обращенные на север) места культовых обрядов, они настолько различны в смысле оформления, что на первый взгляд могут показаться относящимися к двум разным эпохам развития изобразительного искусства. В действительности это не так.

Характерной чертой оформления центрального грота является использование художником естественных неровностей породы (округленных поверхностей ее выступов и других рельефных образований) и включение их в создаваемые изображения и композиции.

Так, например, в сложную композицию, обнаруженную на нижней поверхности плиты № 6, включен «рыбообразный» рельефный выступ породы, подчеркнутый и усиленный рядом дополняющих его штрихов. Это стремление к скульптурности, отмеченное и в изображениях на потолке уцелевшей части грота, особенно ярко выражено на соседней плите № 7 (кстати сказать, неизвестно почему названной в предшествовавших исследованиях «вертикальной», несмотря на то что она лежит на склоне под очень значительным углом).

Округлости внешнего края, все карнизы и неровности породы в естественном нишебразном углублении на ее западной стороне и все рельефные образования на нижней поверхности плиты были обработаны рядами насечек или параллельных линий и связаны в единую композиционное целое [2]. Исключительно интересный образец такого использования естественных неровностей породы представляет обработанный в той же манере рельефный выступ на нижней поверхности плиты № 7 под вышеупомянутой нишей; выступ воспринимается как подлинное произведение скульптуры (рис. 10). Так полно и так широко, как на плите № 7, этот художественный прием нигде на Каменной Могиле не применялся. Это решительно отбрасывает возможность предположения о каком-то отдельном «глиптическом» этапе в развитии изобразительного искусства на Каменной Могиле.

Нам представляется возможным в этой связи выдвинуть вполне оправданное предположение, что художественное оформление того или иного грота или навеса, в частности навеса над центральным гротом, могло быть (да и было, повидимому) созданием группы посвященных лиц (если не одного лица — «колдуна»), представлявших на священной горе определенный коллектив, имевший на ней свое святилище.

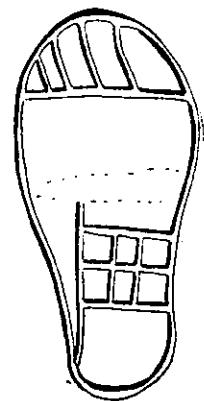

Рис. 8. «След стопы на меньшей плите стоп» №34.
1/7 n. v.

В пользу этого мог бы свидетельствовать, как нам кажется, и так называемый грот мамонта с его единственным на Каменной Могиле комплексом реалистических изображений животных в своеобразной манере углубленного силуэта.

В противоположность оборвавшемуся навесу центрального грота, так богато орнаментированному с западной стороны, где находилось нишеобразное углубление, служившее, повидимому, культовым целям, «грот мамонта» с внешней стороны ничем не отмечен. Зато в средине он оформлен так же богато. Карнизы потолка, в особенности карниз,

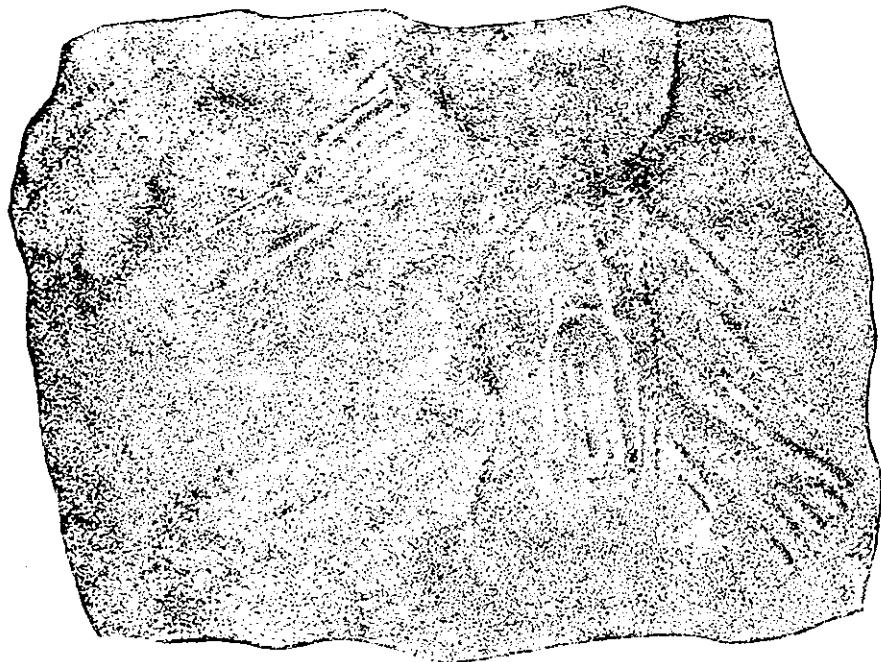

Рис. 9. Рисунки на плите № 33. Около $\frac{1}{10}$ н. в.

идущий вдоль его северного края направо от входа, украшены рядами прорыченных параллельных линий и шевронов. Юго-восточная или южная стена, идущая несколько наискось против входа в грот, покрыта сплошным ковром сложных линейно-геометрических рисунков. Эти рисунки заставляют вспомнить высказывания об имитации в рисунках на стенах мегалитических погребальных камер развешенных тканей или шкур¹.

Изображения животных и фон, на который они нанесены, во многих местах сохраняют следы красной и темной красок, как это отчетливо видно на извлеченной нами из грота плите с изображением «мамонта» и снятых нами эстампажах. Все в этом гроте говорит о его культовом назначении. Нет сомнения, что «грот мамонта» был разрушен и принял свой нынешний вид в результате общей осадки каменного массива вершины Каменной Могилы. Само собою разумеется, его потолок находился значительно выше, чем в настоящее время, когда он одной своей стороной

¹ Ср. дискуссию по докладу Dr. Atgier «Les mégalithes de Carnac d'après la mythologie comparée». Congrès préhistorique de France. 2-me session, 1906, Vannes. P. 1907, p. 496 (Foudrignier).

гро́та упирается в камень, лежащий направо от входа в грот, повиди-
мому, на уровне древнего пола.

Этот камень представляет исключительный интерес. На его совер-
шенно гладкой, повидимому, умышленно отполированной поверхности,
по краю, обращенному внутрь грота, вытерт ряд овальных чашеобраз-
ных углублений, не превышающих по размеру горсть руки. При всем
этом желании найти объяснение назначения этих интересных «чашек»
мы не можем не видеть в них ничего, кроме специальных приспособле-
ний для совершения каких-то куль-
товых обрядов, вместилищ для при-
ношений или возлияний, а может
быть чашек для светильников. Необ-
ходимо указать, что они находятся
так раз против изображения группы
быков над карнизом юго-восточ-
ной стены грота и в непосредствен-
ной близости от центрального изо-
бражения животного, в котором не-
которые исследователи видят ма-
монт [1, 5].

До проведения раскопок уцелев-
ших гротов и тех участков у вершины холма, где возможно существова-
ние оборвавшихся навесов, очень
трудно говорить о хронологических
рамках памятника и отдельных
этапах его истории.

В настоящее время мы располагаем лишь несколькими указаниями на случайные находки на Каменной Могиле вещественных остатков поздненеолитического времени и эпохи бронзы. Дополняющим эти данные хронологическим ориентиром являются так называемые шлифовальни (полиссуары), обнаруженные, между прочим, на поверхности плит и обрушившихся навесов (великолепный образец шлифовальни на карнизе плиты № 38).

Если бы нам удалось убедиться, что эти полиссуары созданы после разрушения того или иного грота или навеса с изображениями, мы получили бы достаточно прочное обоснование наших хронологических предположений хотя бы о части изображений. Этих оснований в обнаруженных до настоящего времени полиссуарах мы не имеем. Все они находятся на поверхности плит обрушившихся навесов, а не на поверхности их разломов. Единственное, что не подлежит сомнению,—это время создания полиссуаров. Оно не может быть датировано раньше эпохи ранней бронзы.

В конечном счете, нашими материалами для хронологических опре-
делений остаются изображения, обнаруженные в разных пунктах холма Каменной Могилы, различающиеся по содержанию, технике исполнения и по художественной манере.

В вопросе хронологического расчленения их О. Н. Балеру пред-
ставлялось возможным в какой-то мере опереться на разницу высот-
ного положения гротов и плит с рисунками. Мы не уверены в достаточной
обоснованности этой попытки, и не только потому, что песчаный
холм Каменной Могилы (без лежащего на его вершине пласта песчани-

Рис. 10. Стенообразный выступ плиты № 7. Около $\frac{1}{8}$ и. в.

ка мощностью 4,0—4,5 м) возвышается над уровнем долины всего лишь на 6—7 м, т. е. высотные отметки «вершины» (под пластом песчаника), «средины склонов холма» и его «подножия» разнятся всего на 2,0—2,5 м, а потому, что освоение холма Каменной Могилы первобытными обитателями побережий реки должно быть датировано более поздним временем образования надпоймы, когда разница высотного положения тех или иных точек на холме Каменной Могилы могла иметь какое-то значение лишь в определенные сезоны года, например весною, в связи с большими паводками¹.

Как известно, исследователи Каменной Могилы склонны относить наиболее древние изображения в ее гротах к позднему палеолиту, датируя наиболее поздние рисунки эпохой раннего железа.

Нам кажется, что в настоящее время у нас нет еще неоспоримых данных раздвигать хронологические рамки памятника так широко. Хотя отмеченные О. Н. Бадером и В. Н. Даниленко технические и художественные различия описываемых изображений и рисунков² в основном и могут быть приняты, в хронологическом отношении они должны быть отнесены, повидимому, к одному и, быть может, не столь долгому отрезку времени.

Одним из существенно важных наблюдений в наших работах на Каменной Могиле в 1951 г. мы считаем установление хронологической однослоиности обнаруженных в гротах и на плитах Каменной Могилы изображений. На Каменной Могиле не отмечено случаев перекрывания более древних изображений позднейшими. Ни одно из замечательных изображений в так называемом гроте мамонта не было игнорировано при нанесении более поздних изображений и осталось незатронутым. То же следует сказать об обеих «плитах стоп» и об уломянутой выше плите № 33. Наоборот, плиты с рисунками одного времени дают многочисленные примеры перекрывания одних сюжетов и изображений другими.

Можно (и следует, конечно) искать разные объяснения этого всячески заслуживающего внимания факта, однако наиболее близким к истине, по нашему мнению, будет то объяснение, в котором будут учтены непрерывность линии развития, непосредственная преемственность в использовании гротов и навесов для культовых обрядов, устойчивая традиция. В связи с этим уместно еще раз напомнить о выдержанности принципа нанесения изображений не на внешних поверхностях камней, что характерно для большинства известных нам местонахождений с так называемыми петроглифами, а исключительно на потолках гротов-навесов и на нижних поверхностях отдельных плит.

¹ Геолог Г. И. Молявко полагает, что образование холма Каменной Могилы как острова произошло две-три тысячи лет тому назад.

² Свое хронологическое определение изображений животных в так называемом гроте мамонта «палеолитическим, послесолютрейским временем» В. Н. Даниленко базирует лишь на «особенностях реалистической манеры» и «большем примитивизме сопровождающих рисунков», не подкрепляя его другими соображениями и параллелями ([3], стр. 89).

О. Н. Бадер, совершенно справедливо подчеркивая преобладание в комплексах рисунков Каменной Могилы линейно-геометрических изображений и исходя в своих капсийских аналогиях из «схематических знаков линейно-геометрического характера» в гроте Мгвимеви и приведенных С. Н. Замятниным параллелей (С. Н. Замятин, Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры, «Советская археология», № 3, М.—Л. 1937), почему-то называет среди них и воспроизводит петроглифы плиты де ла Бриш в департаменте Сен-э-Уаз (а не Сен-э-Марн) во Франции, опубликованные в свое время Ж. Курти (Les pétroglyphes de Seine-et-Oise. Bull. de la Société Préhistorique de France, t. I (1904), pp 345—351, fig. 91) и с полным основанием относимые им к «эпохе мегалитов» ([2], стр. 135—137 и рис. 14).

Так или иначе, на основании нынешних наших данных о Каменной Могиле и о ее ближайшем окружении наиболее близким к истинному положению вещей будет предположение, что эту традицию на Каменной Могиле пронесло неолитическое население побережий Молочной, передавшее ее родоплеменным объединениям эпохи бронзы.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. О. М. Бадер, Петрогліфи Кам'яної Могили, Палеоліт і неоліт України, К., 1941, стр. 298; О. Н. Бадер, Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции, КСИИМК, вып. XXXI, изд. АН СССР, 1950, стр. 175.
 2. О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, МИА, № 2, изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 126—139; О. М. Бадер, Петрогліфи Кам'яної Могили, Палеоліт і неоліт України, вид. АН УРСР, К., 1949, стр. 297—310.
 3. В. М. Даниленко, Про наскальні зображення Кам'яної Могили, «Археологія», т. IV, К., 1950, стр. 78—90.
 4. В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. II; Наскальные изображения Белого моря, М.—Л., 1939, табл. 2 и 3 (Залавруга), табл. 23 и 27 (Бесовы следки); O. Montelius, Les temps préhistoriques en Suède et dans les autres pays scandinaves. Paris. Edit. E. Leroux, 1895, p. 110. fig. 152, p. 112, fig. 154; L. Chaudel. Le Rocher des pieds, de Lans-le-Villard. B. S. P. F. 1904, № 8 pp. 272—278, fig. 66. «Следы» каменномугильского типа дают петроглифы Хъюлаторп [Kjellemark och O. Lindsten. Nyuppräckta Hällristningar vid Hjulatorp i Bergs socken, Kronobergs län. Fornvännen. 1909. Hästet 4. p. 189, fig. 1].
 5. Об изображении мамонта из «Мамонтова грота» на Мелитопольщине, КСИИМК, вып. II, изд. АН СССР, 1939, стр. 33, 36, рис. 2.
 6. ОАК за 1890 г. СПб, 1893, стр. 2—4.
-

ЧЕРНИГОВСКИЕ КАМЕННЫЕ ДВОРЦЫ XI—XII вв.

В. А. БОГУСЕВИЧ, Н. В. ХОЛОСТЕНКО

Рост феодальных городов и замков, усиление княжеской власти были важными условиями для развития крупного каменного и деревянного строительства в больших государственных центрах Киевской Руси.

Однако до недавнего времени исследователи древнерусского каменного зодчества главное внимание уделяли преимущественно церковным постройкам, значительное количество которых сохранилось или было открыто археологическими раскопками. Сооружения гражданского и военного характера изучались крайне недостаточно. Даже киевским княжеским каменным дворцам X—XI вв., открытых еще в дореволюционное время [8], не уделялось должного внимания.

В недавно вышедшей работе [1] обобщающего характера по истории архитектуры Киевской Руси о них упоминается лишь вскользь. Авторы, давая описание и анализ только церковных построек Киева X—XII вв., очень мало уделяют внимания киевским каменным дворцам этого времени. Известные по летописным данным «красные» княжеские дворы в Киеве и Чернигове почти совершенно не исследованы.

Поэтому каждое новое открытие каменных дворцовых построек, а тем более целых комплексов представляется весьма важным для расширения наших знаний о материальной культуре Киевской Руси.

Несмотря на то, что архитектурные памятники Чернигова изучаются уже давно, мы имеем, в основном, представление только о церковных каменных постройках, хотя есть сведения, что Спасский и Борисоглебский соборы находились на древнейшем княжеском дворе, в центре черниговского детинца, а Благовещенская и еще не открытая Михайловская церкви помещались на другом княжеском дворе более позднего времени, известном со второй половины XII в.

Последнее было установлено нашими археологическими раскопками в 1951 г., когда удалось найти ров, который в XI в. ограничивал территорию древнейшего княжеского двора. Таким образом, можно считать, что место, где в 1174 и 1186 гг. были выстроены эти каменные княжеские церкви, находилось вне пределов черниговского детинца XI в.

Несомненно, особый исторический интерес представляют археологические раскопки первого, более раннего комплекса княжеских построек у Спасского и Борисоглебского соборов.

О существовании здесь «красного» княжеского двора говорит в своем «Поучении» Владимир Мономах: и пакы, и — Смолинска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвахъ к собе на обедь со отчемъ в Чернигове, на Краснем дворе, и вдахъ отцю 300 гривен золота» [9].

Здесь повествуется о том, что во второй половине XI в. Владимир Мономах пришел из Смоленска в Чернигов к своему отцу Всеиводу Ярославичу. В это время сюда также явился двоюродный брат Владимира Мономаха князь Олег Святославич, которого Владимир пригласил к

себе на обед вместе с Всеволодом Ярославичем на «красный» двор в Чернигове.

Это единственное летописное упоминание о «красном» княжеском дворе в Чернигове. Поскольку упомянутые события происходили в XI в., когда черниговский кремль был меньше, чем в XII в., и его укрепления, судя по археологическим раскопкам 1951 г., проходили лишь в нескольких десятках метров к востоку от Спасского собора, можно предположить, что дворцовый архитектурный комплекс находился к западу от Спасского собора.

Известие о княжеском каменном тереме в Чернигове имеется также в «Слове о князех» — произведении неизвестного автора XII—XIII вв., очевидно, тесно связанного с черниговскими князьями и чрезвычайно симпатизировавшего им. Там содержится следующий рассказ о смерти черниговского князя Давида Святославича (умер в 1123 г.) [2].

«В велице тишине бысть княжение его. Егда же изволи бог пояти душу его от тела, и болевшу ему недолго, позна епископ Феоктист, яко уже князь преставитися хощеть, повеле пети канун кресту; единою расседеся верх теремцу, и вси ужасошася, и влете голубь бел, и седе ему на грудех; и князь душу испусти, голубь же невидим бысть, и наполнися храм благыя воня. И несоша князя в Спас святый долго по вечерне. Пришедши звезда ста над крестом. Оттоле несоша и в церьковь Бориса и Глеба, създаную от него. Звезда же от Спаса преступи над мученическую церковь».

В приведенном тексте говорится о смерти князя Давида в черниговском теремце. Можно полагать, что теремец находился вблизи Спасского и Борисоглебского соборов и был каменным, на что указывает выражение «расседеся верх теремцу».

Были высказаны предположения о том, что теремом следует считать древнюю северо-западную башню черниговского Спасского собора XI в. Однако такое предположение явно неубедительно, так как башня собора имела совершенно другое назначение: в ней находились круглый столб и лестница, ведущая на хоры¹.

Устраивать княжеские пиры на крутой и узкой лестнице вряд ли было удобно. Мало вероятно также, чтобы умирающий князь Давид лежал в башне Спасского собора тем более, что в источнике прямо говорится о перенесении тела умершего князя из теремца сначала в Спасский, а потом в Борисоглебский собор.

Поэтому искать княжеский терем необходимо было поблизости от собора. Однако долгое время никто этим вопросом не занимался. Только в 1950 г. архитектор Н. В. Холостенко, ряд лет производивший исследования внутри и вне Борисоглебского собора начала XII в., несколькими шурфами обнаружил между Спасским и Борисоглебским соборами кладку неизвестного здания XI в. Над сохранившимися нижними частями этого здания в начале XVII в. были сделаны въездные ворота, возможно с надвратной церковью Борисоглебского монастыря в бытность его доминиканским монастырем.

На планах черниговского кремля XVIII в. эта постройка точно указана. Здания XVII—XVIII вв. были уничтожены в 30-х годах XIX в. В XX в. над остатками здания XI в. и кладками XVII в. была построена существующая до сих пор водосвятная церковная беседка (ротонда) с кирпичным основанием и железными столбами.

¹ М. Н. Бережковым [3] убедительно доказано, что считать древнюю башню Спасского собора теремом нельзя, а сообщение летописи под 1150 г. о перенесении останков князя Игоря Ольговича в черниговский Спасский собор, где они были положены в теремце, свидетельствует о том, что внутри собора было небольшое сооружение — теремец погребального характера.

Одной из задач Черниговской археологической экспедиции 1951 г. было возможно более полное раскрытие остатков сооружения XI в., установление его характера и назначения¹.

Удалось открыть восточную и северную стены исследуемой каменной постройки. С запада к ней примыкал большой массив кладки конца XVII в., разобрать которую было весьма трудно. Поэтому для выяснения, было ли древнее здание однокамерным или имело продолжение на запад, мы удалили только часть кладки XVII в. в том месте,

Рис. 1. Остатки терема XI в. Вид с севера.

где она примыкала к северо-западному углу постройки XI в. Удалось установить, что на запад она здесь продолжения не имела.

Раскопками выяснены также размеры восточной стены несмотря на то, что здесь она частично закрыта фундаментами ротонды XX в.

Наружную сторону южной стены раскрыть также не удалось, так как к ней примыкает сплошной массив кладок XVII и XVIII вв.

Внутри постройка была очищена от кирпичного завала в той части, которая не перекрыта фундаментом ротонды.

Благодаря этому подтвердилось предположение, сделанное еще при раскопках 1950 г., что внутренность древней постройки использовалась в XVIII в. в качестве погреба, вход в который находился в северной стене², т. е. со стороны двора Борисоглебского монастыря. В XVII в. погреб был перекрыт кирпичным сводом, пяты которого хорошо сохранились в западной части постройки. Несмотря на невозможность открыть остатки древнейшей постройки со всех сторон вследствие мощности позднейших кладок, раскопками с достаточной ясностью определена ее общая конфигурация.

¹ Экспедиция проводила исследования в сентябре — октябре 1951 г.

² Второй очень крутой и узкий ход обнаружен раскопками 1951 г. в южной стене.

Постройка имеет в плане форму квадрата, каждая сторона которого равна 7,5 м. На углах здания есть мощные пилы, образуемые как бы продолжением стен. Толщина стен наземной части равна 1,38—1,4 м. Посередине западной стены сохранился низ двери шириной 0,76 м (рис. 1, 2).

От наземных частей здания сохранилось пять — семь рядов кирпичной кладки стены высотой в 0,3—0,5 м. Кирпич светлый, желтоватого цвета. Кладка произведена на слегка желтоватом с примесью толченого кирпича известковом растворе (цемянке), очень плотном, с блеском в изломе.

Основные размеры кирпича 35—39×27×2,3—2,8 см. Для перевязки применен в небольшом количестве кирпич с размерами 35—39×16—17×2,2—2,8 см. Кирпичная кладка не везде начата с уровня земли. Более тщательно выложены пилы, где кладка начинается от бутового фундамента с уровня земли, причем фундаментная кладка угла сделана без раскреповки пил, и пилы выполнены уже в кирпиче. В северной стене, между пилами северо-восточного и северо-западного углов, кладка из бута с прокладками рядов кирпича подымается выше уровня земли на всю высоту сохранившейся тут стены.

Кирпичная кладка восточной стены начинается на ряд ниже, чем кладка северо-восточной пилы, и выполнена заподлицо с кладкой фундамента. Кладка стены кирпичная с рядами кирпичей, положенных заподлицо с наружной поверхностью (без западающих рядов). Система кладки крестовая с чередованием ложковых и тычковых рядов (рис. 3). Закономерности чередования ввиду небольшой высоты сохранившихся стен (шесть—семь рядов) определить нельзя, но большинство рядов ложковые. Для перевязки применены как ложковые, так и тычковые кирпичи размером 16—17 см (по ширине). Регулярная кладка применена в наружном и внутреннем рядах кирпичей стены, а внутренняя часть стены заполнена разным кирпичом, целым и битым, а также частично камнями.

Стены снаружи были покрыты штукатуркой, частью сохранившейся на северной и восточной стенах (за фундаментом ротонды XX в.). Древние кирпичи имеют знаки, вдавленные на постелистых сторонах, и рельефные — на торцах. Торцевые рельефные знаки сделаны в виде прямых черт, дужек и их сочетаний, а также букв. На некоторых кирпичах на торце в строке расположено до шести знаков.

Фундаменты сооружения отличаются довольно большой мощностью, глубина заложения достигает 1,1 м. Они сложены из довольно больших колотых камней с прокладкой местами кирпичом. Камни как бы вкладывались в тесто раствора, расклинивались мелким камнем и обломками кирпича, которые иногда укладывались плашмя и боком на ребро.

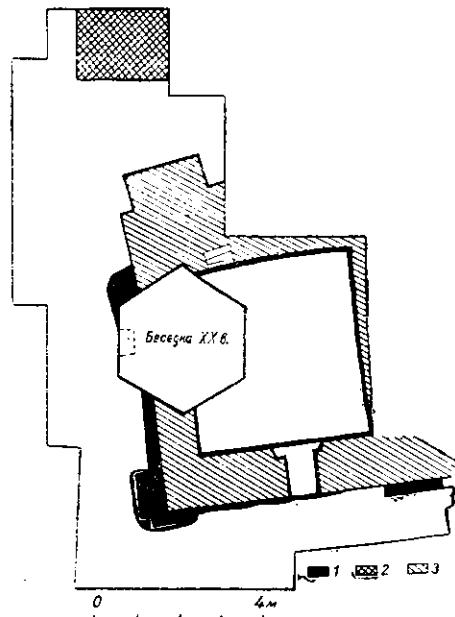

Рис. 2. План терема XI в.

1 — кирпичная кладка XI в.; 2 — кирпичная кладка дворцового здания XII в.; 3 — кирпичная кладка конца XVIII в.

Раствор очень крепкий — известковый с добавкой молотого желтого кирпича (цемянка) — плотный, глянцевитый.

В основании фундамента положен деревянный ростверк, состоящий из двух продольных плах и поперечных лежней: по три-четыре лежня между пиластрами на каждой стене и по два под пиластрами. Размеры лежней, судя по пустым местам, оставшимся от них, где сохранились остатки сгнившего дерева, были 16×22 и 18×22 см. Лежни скреплялись медными штырями. Следует отметить, что верхняя часть фундамента западной стены имеет сплошные прослойки кирпича в один ряд

Рис. 3. Северная часть восточной стены терема XI в.

через каждые 0,3 м с каменной кладкой в промежутках; фундамент и ростверк лежат не на материке, а на мощном слое золы и угля (до 10—15 см толщиной), под которым оказался культурный слой, представляющий собой остатки деревянных глинобитных жилищ IX—X вв., частично углубленных в материковый лесс (рис. 4, 5).

При сравнении фундамента обнаруженного сооружения с фундаментами других древних построек Чернигова следует отметить, что фундаменты Борисоглебского собора доведены до материкового суглинка и имеют глубину до 2,5 м от современного уровня земли. Фундаменты Успенского собора Елецкого монастыря также основаны на материке и заглублены на 1,5—1,6 м.

Глубина заложения фундаментов Спасо-Преображенского собора 2,0—2,05 м [4]. Они также основаны на материке, хотя иногда перекрывают остатки жилищ VIII—Х вв.¹. Фундамент крещальни при Спасе имеет глубину 1,1 м и сложен из рваного (необработанного) камня; выше лежат остатки из светло-желтых тонких и красных толстых кирпичей на широких швах раствора без западающих рядов. Хотя эта крещальня и была, как замечает Н. Е. Макаренко [4], построена позже собора, но она предусматривалась уже при его сооружении, на что указывает дверь на хорах над центром крещальни. Сама же капличка-крещальня была двухэтажной.

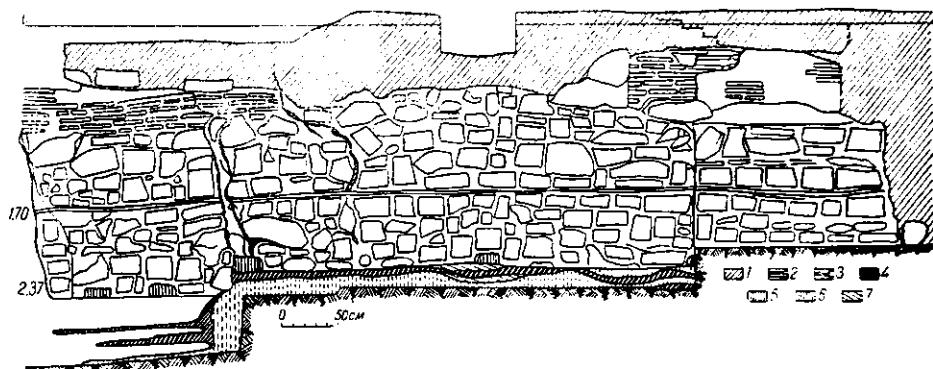

Рис. 4. Северная стена терема XI в.

1 — кирпичная кладка конца XVII в.; 2 — кирпичная кладка конца XI в.; 3 — булыжная кладка фундамента терема XI в.; 4 — земля с углем; 5 — серая земля; 6 — следы деревянных лежней; 7 — лесовой материк.

Приведенные сравнительные данные показывают, что по технике кладки и характеру неглубоко заложенных фундаментов, основанных на деревянном ростверке и перекрывающих древнейшие культурные слои, открытое нами сооружение сближается во времени с наиболее ранними каменными постройками Чернигова, особенно с крещальней Спасского собора, построенной несколько позже последнего. Применение в нашем сооружении только тонкого желтого кирпича, в то время как для крещальни употреблялся также и более толстый красный кирпич, а также наличие ростверка, признаков которого Н. Е. Макаренко в фундаментах крещальни не обнаружил, позволяет думать, что открытое сооружение построено в промежутке времени между окончанием постройки Спаса и сооружением крещальни, т. е., по всей вероятности, не позднее второй половины XI в.

Фундамент северной стены имеет две вертикальные сквозные трещины. Северо-восточный угол его значительно отклоняется к востоку. Это свидетельствует о том, что здание раскололось на несколько частей и было разобрано. Время разрушения постройки для нас пока остается неизвестным.

Однако открытую нами постройку представляется возможным сопоставить с «теремцом», упомянутым в «Слове о князех». Судя по этому рассказу, верх «теремца» «расседеся» в момент смерти Давида Святославича в 1123 г.

Такое сопоставление допустимо потому, что открытое сооружение не имеет алтарных абсид и не могло быть церковью. Кроме того, около его наружных стен было найдено много вещей бытового назначения.

¹ Это установлено нашими исследованиями фундаментов башни собора.

Находок внутри него не оказалось, да и не могло быть, потому что, как отмечалось выше, в начале XVII в. здесь был устроен погреб, пол которого был опущен почти до нижнего обреза фундамента. Очевидно, все древние предметы были в то время изъяты или уничтожены.

Около стен здания было найдено много предметов XI—XII вв., обломков глиняной посуды, стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, кирпичей со знаками, поливных плиток и штукатурки с фресковой росписью.

Рис. 5. Северная стена терема XI в.

Обращают на себя внимание шесть шиферных пряслиц с надписями и знаками, найденные у восточной стены. Они являются важным доказательством светского, бытового назначения постройки, указывая, может быть, на существование здесь женского терема.

Интересно отметить, что это пока единственный факт находки в одном месте столь большого количества пряслиц с надписями и знаками, так как обычно даже единичные находки таких пряслиц со знаками крайне редки.

Таким образом, теперь в связи с открытием каменного здания светского назначения близ Спасского и Борисоглебского соборов мы имеем все основания утверждать, что все прежние попытки рассматривать северо-западную башню Спасского собора как «красный» терем князей Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха — совершенно необоснованы.

Вполне возможно, что открытое нами каменное здание имело несколько этажей, по всей вероятности, как нам представляется, не менее трех. О деталях его внешней архитектуры и характере перекрытия материалы раскопок дают лишь самые общие представления. Здание было снаружи оштукатурено. Среди найденных фрагментов росписей ясно различаются два типа. На одних — крупный декоративный узор исполнен сажей и мумией корпусной техникой по заглаженной штукатурке. Эту роспись можно считать наружной тем более, что в фольклоре и письменных источниках неоднократно упоминается об «узорчатых», «расписных» теремах князей. Фрагменты с более мелким растительным орнаментом и более сложной цветовой гаммой могут быть отнесены к росписям интерьера.

Найденные при раскопках лекальные кирпичи от полуколонок двух размеров по ширине, кронштейн и кусок кирпича от арочных карнизов, а также кирпичная профилированная база от полуколонки указывают на то, что кроме угловых пилястр, сооружение имело еще полуколонки, по крайней мере, двух типов и арочные карнизы. Найденные куски сплавившегося свинца дают возможность судить о материале кровли.

Составить более ясное представление об архитектурном облике открытого нами здания помогают многочисленные миниатюры и рисунки в рукописях, произведениях литературы и летописные данные, показывающие, что мы имеем дело с теремной башней.

Уже в древнейшем летописном своде «Повести временных лет» имеется прямое свидетельство о существовании на Руси каменных княжеских теремов. Так, описывая Киев времен княжения Ольги, летописец указывает на «теремъ камень», стоявший «над горою», где «дворъ теремный» [10].

Наряду с изображением церквей и гражданских зданий обычного типа на миниатюрах Радзивиловской летописи XV в. [11] часто встречаются изображения жилых башнеобразных сооружений, стоявших отдельно или включенных в комплекс княжеских построек. На миниатюрах этой рукописи, изображающих «выступление русских князей к Каневу» (лист 234), «пожар княжего двора во Владимире» (лист 241) и др., запечатлены дворцовые ансамбли с жилыми башнеобразными постройками.

Выяснению архитектуры исследуемого сооружения помогают также изображение «хором» г. Полоцка (лист 124) и миниатюра той же рукописи «Феодосий списывает студийский устав» (лист 113). На этих рисунках изображены башнеобразные сооружения с глухим первым этажом, в котором расположена только дверь (как и в Чернигове), а выше — один или два этажа с окнами.

Из всех рисунков особого интереса вспоминает изображение на миниатюре XIV в. «Жития Бориса и Глеба» [12] — «Несуть святого Бориса на погребение». Здесь изображена сцена, происходившая в княжеской резиденции в Вышгороде, где невдалеке от княжеского дворца была воздвигнута церковь — усыпальница для похоронения в ней первых канонизированных русских святых — князей Бориса и Глеба. Изображенный на миниатюре терем, входивший в ансамбль княжеского дворца, очень напоминает раскопанное нами сооружение: терем трехэтажный, с пилястрами на углах. Первый этаж глухой, второй и третий с окнами, весьма характерными для этого времени — узкими, в нишах. Пилястры погрусько объединены карнизами. Крыша крыта, очевидно, свинцовыми листами.

В настоящей статье, конечно, можно высказать лишь предварительные соображения, и только дальнейшая обработка полевых материалов, а также продолжение раскопок помогут более полно осветить затронутые здесь вопросы. К тому же раскопанное нами в 1951 г. однокамер-

ное сооружение, как выяснилось в конце раскопок, не было единственной княжеской каменной постройкой. В XII в. здесь существовал целый комплекс дворцовых княжеских каменных зданий.

В 4 м к югу от раскопанного здания XI в. и в 12 м от западного фасада Спасского собора удалось найти вторую кирпичную дворцовую постройку, по характеру кирпича и кладки относящуюся ко второй половине XII в.

Раскопками был обнаружен северо-восточный угол прямоугольной в плане постройки. Восточная ее стена прослежена пока на 2, а северная на 3 м по длине. Остатки разрушенного здания лежат на глубине 0,5 м от современного уровня земли. Высота кладки здания составляет 1,1 м; 0,3 м приходится на наземную часть кладки здания, состоящую из трех рядов кирпича и швов раствора между ними, 0,8 м относятся к булыжному фундаменту. Между кладкой фундамента и наземной кирпичной частью стены лежит прослойка щебенки, что является характерным признаком построек XII в. Это подтверждается и размерами кирпича ($19 \times 26,5 \times 4,5$ см), также характерными для XII в.

До будущих раскопок судить об общих размерах открытого дворцового здания пока еще преждевременно, однако следует обратить внимание на то, что над остатками здания нет позднейших построек. Приходится, конечно, учитывать возможность порчи здания позднейшими погребениями, но к западу от Спасского собора их не должно быть много.

При раскопках внутренних частей этого княжеского дворца можно рассчитывать найти фрагменты полов, которые, по всей вероятности, были мозаичными и из поливных плиток, так как близ его северо-восточного угла было найдено большое количество разноцветной крупной (половой) смальты и обломков поливных плиток разной расцветки. О светском назначении здания свидетельствуют найденные здесь многочисленные фрагменты глиняной посуды, шиферные пряслица и двусторонний костяной гребешок.

Можно предполагать, что дворец XII в. был соединен арочным переходом с северо-западной башней Спасского собора. На это указывают обнаруженные здесь остатки кирпичной арочной кладки.

Задачей дальнейших раскопок будет полное исследование дворцового здания XII в. и окружающей его территории, которая до сих пор не подвергалась археологическим раскопкам.

Работами экспедиции 1951 г. установлено также, что к западу от Спасского собора культурные слои отличаются большой мощностью (2–3 м) и указывают на непрерывное существование здесь поселения, начиная с VII—VIII вв. н. э.

Как уже говорилось выше, каменные дворцовые постройки Киевской Руси очень мало исследованы, в связи с чем открытие черниговского княжеского ансамбля вызывает исключительный интерес. Однако для более полного осмыслиния его необходимо привлечь в качестве аналогии все известные каменные дворцовые постройки этого времени. Наиболее значительная группа кирпичных дворцовых построек открыта в Киеве Хвойкой, Милеевым и Вельминым.

Остатки трех каменных дворцов в Киеве находятся вблизи Десятинной церкви. По всей вероятности, дворцы были разрушены в 1240 г., во время битвы киевлян с татарами полчищами у Десятинной церкви, когда узкие и длинные дворцовые здания, с трех сторон окружавшие Десятинную церковь, могли быть использованы киевлянами как последняя линия обороны. К сожалению, эти дворцовые постройки изучены недостаточно, и их датирование не уточнено.

Четвертый каменный дворец был открыт в Киеве, близ Ирининской церкви, на Ирининском переулке [8].

Характерной особенностью этих дворцов являются их большие размеры и трехкамерное устройство.

В. В. Хвойка [5], исследовавший в 1907—1908 гг. один из дворцов, находившийся к востоку от Десятинной церкви, высказал предположение о том, что он был двухэтажным.

В Берестове — загорной усадьбе князя Владимира Святославича близ древнего Киева — находился, по сообщениям летописцев, его дворец.

Наши попытки обнаружить остатки дворца путем археологических раскопок были безуспешны. Небольшие раскопы, сделанные в 1946 г. к западу и югу от церкви Спаса на Берестове показали, что здесь вообще не сохранилось культурных слоев времени Киевской Руси, так, как все напластования до XVIII в. были срыты для устройства земляных валов и бастионов при Петре I.

Поиски известного для второй половины XI в. «красного» двора князя Всеволода Ярославича, находившегося где-то поблизости от Выдубецкого монастыря, до сих пор также не имели успеха.

Большой материал для суждения о каменном строительстве в княжеских резиденциях времени Киевской Руси дают остатки дворцового комплекса в Боголюбове — каменном замке князя Андрея Боголюбского [6]. Тут сохранились белокаменные части дворцового комплекса второй половины XII в. Археологические раскопки, произведенные Н. Н. Ворониным, позволяют представить в основных чертах весь этот ансамбль.

Кроме того, Н. Н. Ворониным были изучены по археологическим и летописным данным остатки каменного княжеского строительства второй половины XII в. в детинце г. Владимира на Клязьме.

И в Боголюбове и во Владимире каменные дворцы были связаны переходами с соборами.

По летописным данным, в Галиче при князе Владимире в XII в. дворец в детинце также имел непосредственный переход в собор. По археологическим данным, галицкий княжеский дворец был деревянным, но внутри он был богато украшен керамическими плитками с рельефными изображениями животных и птиц.

Большой дворцовый комплекс был создан во второй половине XIII в. в столице князя Данила Галицкого — Холме.

Сложный дворцовый ансамбль был обнаружен археологическими раскопками в Гродно, центре небольшого княжества. Здесь открыты каменные церкви и каменный «терем», остатки «башни» и к западу от церкви XII в. — деревянные постройки [1, 7]. Характерно, что «терем», расположенный к югу от церкви XII в., имеет размеры, близкие к черниговскому сооружению: основная часть — 8 м, вместе с узким помещением — 9,5 м.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что для крупных феодальных центров Киевской Руси — городов и замков — были весьма характерны каменные дворцовые комплексы, непосредственно связанные с церковными постройками.

Эти комплексы до сих пор не были достаточно изучены. Это привело к тому, что историко-археологическая картина была далеко не полной и недооценивался уровень материальной культуры Киевской Руси. Открытие и исследование каменных дворцовых построек в Чернигове экспедицией Института археологии АН УССР положило начало изучению большого дворцового комплекса, состоящего из нескольких каменных зданий, находящихся к западу от Спасского собора XI в.

Найденные каменные дворцовые здания относятся к XI и XII вв., что указывает на большое в то время политическое значение черниговского княжеского центра.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Н. Воронин и М. К. Каргер, Архитектура, Сб. «История культуры древней Руси», т. II, АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 245—340.
 2. О. І. Білецький, Хрестоматія давньої української літератури, вид. «Рад. школа», К., 1949, стр. 41.
 3. М. Н. Бережков, К истории черниговского Спасского собора, Труды XIV АС, т. II, М., 1911, стр. 1—28.
 4. М. О. Макаренко, Чернігівський Спас, Досліди 1923—1924 рр., вид. АН УРСР, К., 1926.
 5. В. В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья, К., 1913, стр. 66—69.
 6. Н. Н. Воронин, Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв., изд. АН СССР, 1945; К вопросу о взаимоотношении галицко-волынского и владимиро-суздальского зодчества XII—XIII вв., КСИИМК, вып. III, изд. АН СССР, 1939; Основные вопросы реконструкции Боголюбовского замка, КСИИМК, вып. XI, изд. АН СССР, 1945, стр. 78—86.
 7. Н. Н. Воронин, Раскопки в г. Гродно, КСИИМК, вып. XXVII, изд. АН СССР, 1949.
 8. ОАК, 1911, стр. 48—62; ОАК, 1913—1915, стр. 167—169.
 9. Повесть временных лет, ч. 1, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 159.
 10. Повесть временных лет, ч. 1, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 40.
 11. Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, Фотомеханическое воспроизведение рукописи, СПб, 1902.
 12. История культуры древней Руси, т. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 305. рис. 199.
-

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЮВЕЛИРНОГО РЕМЕСЛА АНТОВ И КИЕВСКОЙ РУСИ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

Дореволюционная археологическая наука клады времен переселения народов, найденные на территории Среднего Приднепровья, долгое время приписывала готам, гуннам, аварам, аланам или иным племенам — случайнym пришельцам в Восточную Европу.

В связи с тем, что характерные комплексы вещей, входивших в состав этих кладов, приписывались готским, гуннским, аварским и другим племенам, вопрос о развитии восточнославянского художественного ремесла в Приднепровье в середине I тысячелетия н. э. даже не был поставлен.

В настоящее время положение в археологической науке коренным образом изменилось, и клады времен переселения народов связываются с основным автохтонным оседлым населением Восточно-Европейской равнины, т. е. с восточными славянами. В связи с этим одним из наиболее актуальных вопросов археологии ранних славян стал вопрос о преемственности ювелирного ремесла середины I тысячелетия и ремесла времени Киевской Руси. Правда, эта преемственность здесь определена еще слишком слабо, и обе эпохи выступают как бы разделенные некоторой лакуной. Это, однако, не исключает действительного наличия связующих звеньев, наметить которые на основании конкретных археологических материалов и является задачей настоящей статьи.

Речь идет о памятниках второй половины I тысячелетия н. э., точнее — о периоде VII—IX вв. н. э., который, как выясняется исследованиями последних лет, представляет собою один из поворотных пунктов в развитии восточнославянского общества. Именно в это время завершается сложение феодальных отношений у восточных славян; сейчас большинство исследователей склонно признать, что период феодализма начинается на Руси с IX в. и что Киевская Русь с самого начала своего существования была государством феодальным. Речь, следовательно, идет о промежутке времени, отделяющем антский период VI—VII вв. н. э., который акад. Б. Д. Греков [1] называет полупатриархальным — полуфеодальным, от периода уже сложившейся феодальной Руси (IX—X вв.).

Из-за крайней малочисленности письменных источников этого периода особое значение приобретают археологические материалы, в том числе и предметы ювелирного ремесла, обслуживавшего в первую очередь представителей выделяющегося, господствующего класса.

Археологам хорошо известен так называемый антский комплекс предметов ювелирного производства, ведущими формами которого являются пальчатые, антропо- и зооморфные фибулы, браслеты с расширенными концами, предметы поясного набора, изготовленные из листового серебра, с прорезным геометрическим орнаментом, серьги, укра-

шенные литой зернью, и т. д. Этот комплекс, обнаруженный в таких кладах, как, например, Мартыновский, Малоржавецкий, Хацковский, Пастырский (1898 г.), Крылосский и др., впервые был выделен в качестве антского еще А. А. Спицыным [2] и сейчас в смысле своей этнической принадлежности не вызывает существенных возражений или сомнений.

Не менее известен и комплекс ювелирных изделий периода Киевской Руси, включающий в себя различные варианты лунниц, шейных

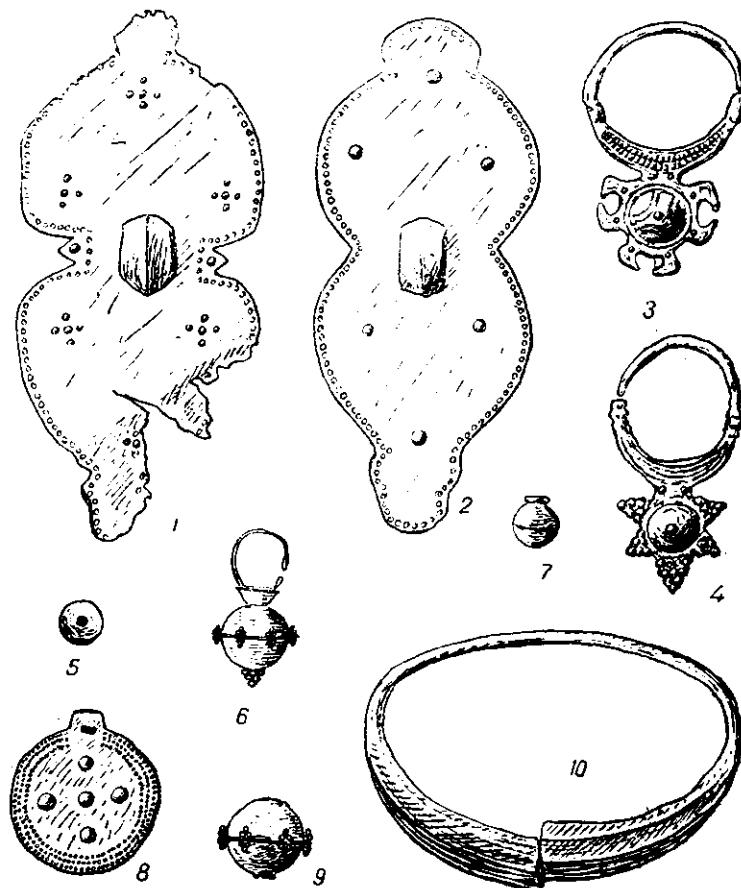

Рис. 1. Комплекс пастырского клада 1949 г.:

1, 2 — фибулы; 3, 4 — серьги; 5, 7 — „бубенчики“; 8 — подвеска-дукач; 9 — обломок серьги; 6 — реконструкция серьги данного типа; 10 — браслет с расширенными концами. ^{3/5} н. в.

гривн, височных колец, перстней, пластинчатых браслетов и т. п. предметов, хорошо знакомых по находкам в курганах IX—XI вв.

Эти комплексы по своему характеру значительно различаются, но анализ состава ряда памятников, занимающих промежуточное положение, дает возможность проследить генетические связи между ними. Примером таких памятников могут служить Пастырский (1949 г.), Ивахниковский, Полтавский (1905 г.) и Копиевский клады. Среди них наиболее древним является Пастырский клад 1949 г. [3], в состав которого входят следующие предметы (рис. 1):

три фибулы, изготовленные из тонкого листа низкопробного серебра и украшенные по краям бордюром выпуклых точек. Этот тип фибулы представляет собою весьма схематизированную антропоморфную форму и является позднейшим видом данной категории фибул;

семь плоских серег пастырского типа, украшенных ~~лентой зеркальной~~.
Тип этот хорошо известен по Пастырскому кладу 1898 г.:

два дутых, полых внутри браслета с расширенными концами;
три бронзовые подвески-дукачи с ушками, украшенные выступающими точками;

два обломка полой внутри серьги в форме шарика с воронкой, украшенного гроздьями литой зерни;

четыре бронзовых проволочных дужки от подобных же серег;

подвеска-дукач овальной формы без орнамента;

круглый бубенчик (целый) и тридцать половинок от бубенчиков типа, встречаемого в Салтовском и ему подобных могильниках;

три половинки от шариков большего диаметра;

19 янтарных бус и их фрагментов неправильной удлиненной формы;

17 пастовых и стеклянных бус различной формы и цвета.

Датировка данного клада определяется на основании некоторых предметов, входящих в его состав.

На более раннюю дату указывают браслеты с расширенными концами, довольно распространенные в Среднем Приднепровье и характерные для антской культуры. Однако следует признать, что полые браслеты этого типа являются относительно более поздним вариантом. В кладах типа Мартыновского (Малоржавецкий, Крылосский и др.) найдены литые, сплошные массивные экземпляры, а в более позднем Пастырском кладе 1898 г. — браслеты такого же типа, как и наш. Поэтому более вероятной датой браслетов Пастырского клада (1949 г.) является не VI—VII, а скорее VII—VIII вв. н. э.

Дата клада становится более определенной, если принять во внимание, что антропоморфные фибулы очень схематизированы. По шкале Б. А. Рыбакова, они должны занять среднее место между двумя последними формами [4], и, следовательно, дата их должна быть установлена в пределах VIII в. Это подтверждается также наличием в кладе серег, находящих аналогию в Пастырском (1898 г.), Харьевском [5] и других кладах, и бубенчиков, имеющих аналогию среди салтовских материалов. Более ранее время (собственно антское) представлено, как известно, пирамидальными колокольчиками.

Ввиду того, что дата VIII в. н. э. является в отношении Пастырского клада (1949 г.) наиболее вероятной, он должен быть исключен из числа собственно антских комплексов, как относящийся к несколько более позднему времени. Однако связь его с антской культурой не может вызвать каких-либо сомнений. Об этом свидетельствуют такие предметы, входящие в состав клада, как фибулы, браслеты с расширенными концами и серьги в форме шариков, генетические связи которых с аналогичными предметами антской культуры VI—VII вв. бесспорны. Следовательно, рассматриваемый клад дает возможность проследить черты антской культуры в несколько более позднее время, тем самым хронологически сближая ее с культурой Киевской Руси, поскольку большинство исследователей склонно выводить некоторые характерные категории предметов последней, начиная с VIII—IX вв.

Следующий хронологический этап характеризуется кладом из с. Ивахники на Полтавщине (теперь с. Яхники, Лохвицкого района, Полтавской области), описанным в свое время Н. Е. Макаренко [6].

В состав клада входили следующие предметы (рис. 2):

две фибулы того же типа, что и в Пастырском кладе (1949 г.), только еще более схематизированные (рис. 2, 2);

две серебряные витые гривны с чрезвычайно характерным замком, усложненным особого типа «крыльышками»-пластинками на концах проволочного стержня (рис. 2, 3);

две серебряные гривны, частично витые с далеко заходящими друг за друга концами;

два фрагмента серебряных гривен;

два серебряных перстня типа, известного из Салтовского могильника;

две трапециевидных подвески, из которых одна, привешенная к цепочке из проволочных звеньев в форме буквы S, украшена точечным орнаментом, а другая (фрагмент), помимо того, обронным орнаментом в виде концентрических кружков (рис. 2, 1, 5);

четыре круглых бубенца того же типа, что и в Пастирском кладе 1949 г. (рис. 2, 6);

бусы пластовые и стеклянные различного цвета и формы;

часть медной цепочки, состоящей из круглых колец, свернутых спиралью в два оборота, типа известных среди археологических памятников Литвы;

обломок медной подвески, состоящей из трех шариков, «обхваченных шнуром», с тремя обломанными кольцами. Такое украшение напоминает подвески, встречающиеся в Оксских могильниках [6];

шесть цилиндриков, свернутых из медной трехгранной проволоки.

Дата клада устанавливается довольно точно на основании перекрестных аналогий. Для датировки весьма важен тип фибул, который включен Б. А. Рыбаковым [4] в его схему в качестве заключительного звена и датируется временем VIII—IX вв. Во всяком случае эти фибулы, как более схематизированные, представляют собою вариант более поздний, нежели фибулы Пастирского клада 1949 г. Датировка клада VIII—IX вв. подтверждается и другими данными. Здесь прежде всего следует указать на аналогичные находки в Люцинском и других литовских могильниках (трапециевидные подвески на цепочках, особенности самих цепочек, пронизки из спиральной проволоки и т. д.), в Салтовском (бубенчики, перстни) и в Оксских могильниках. Наличие трапециевидных подвесок и характерных фибул, неизвестных на интересующей нас территории среди находок IX—X вв., исключают возможность датировки клада временем после VIII—IX вв. Вместе с тем не может быть сомнений в том, что комплекс Ивахниковского клада является более поздним, нежели Пастирский клад, так как в Ивахниковском отсутствуют такие вещи, как полые внутри браслеты с расширенными концами или серьги пастирского типа.

Для нас Ивахниковский клад важен как заключительный этап развития ювелирного комплекса, характеризующего антскую культуру VI—VII вв. н. э., о связи с которой говорит наличие фибул и трапециевидных подвесок. Вместе с тем здесь заметны и новые черты, известные уже из Пастирского клада, например, наличие круглых бубенчиков. Таким образом, Ивахниковский клад стражает, с одной стороны, несомненную связь с антским ювелирным производством, а с другой, известный отход от старой традиции, о чем свидетельствуют определенные аналогии с вещами из Салтовского, Люцинского и подобных могильников¹. Иными словами, ивахниковский комплекс наряду с бесспорной преемственностью от антской культуры доказывает известное развитие и модификацию приднепровского ювелирного ремесла.

Для характеристики дальнейшего этапа этого развития может служить Полтавский клад 1905 г., также описанный Н. Е. Макаренко [7].

В состав этого клада входили следующие предметы (рис. 2):

шейная гривна с замком, снабженным «крыльшками», являющаяся несомненной аналогией с только что отмеченной ивахниковской (рис. 2, 4);

¹ К таким отдаленным аналогиям приходится прибегать вследствие недостаточной изученности памятников VIII—IX вв. на территории лесостепной полосы Украинской ССР.

восемь массивных проволочных браслетов со слегка расплющенными концами (рис. 2, 13);

девять спиральных височных колец северянского типа (рис. 2, 15);
два семилучевых височных кольца радимического типа (рис. 2, 17).

Полтавский комплекс является, с нашей точки зрения, чрезвычайно ценным и показательным. Наличие шейной гривны, аналогичной с Ивахниковской, тип которой неизвестен ни в более позднее, ни в более раннее время, указывает на генетические связи с антской культурой. Однако здесь нет других характерных антских украшений: фибул, подвесок, серег, даже в их наиболее деградированном выражении, а, наоборот, имеются вещи, обычные для эпохи Киевской Руси — височные кольца северянского и радимического типов. Таким образом, этот клад, сохраняя отдельные традиции антской культуры, устанавливает непосредственную связь с комплексом курганных находок времени раннего периода Киевской Руси.

Однако уточнение датировки этого клада встречает некоторые трудности, потому что височные кольца, как и некоторые другие предметы времени Киевской Руси, в силу недостаточной изученности, большинство исследователей относит ко времени IX—XI и даже к VIII—XI вв. В Полтавском кладе (1905 г.) находилась шейная гривна необычного для времени Киевской Руси типа, имеющая к тому же бесспорную аналогию с гривнами более раннего Ивахниковского клада. На относительно раннюю дату Полтавского клада указывает наличие массивных браслетов со слегка расширенными концами, которые, несомненно, являются реминисценцией более ранних антских браслетов с расширенными концами¹.

В силу вышесказанного дата Полтавского клада представится лежащей в пределах IX, быть может, начала X вв. Таким образом, этот клад относится уже к раннему периоду Киевской Руси.

Наконец, последним комплексом, на котором необходимо остановить внимание, является Копиевский клад [8].

В состав его входили (рис. 2):

большая серебряная лунница довольно раннего типа (рис. 2, 12);
витая шейная серебряная гривна обычного для времени Киевской Руси типа;

два перстня;

27 височных грэздевидных колец волынского типа (рис. 2, 9);

пять серебряных массивных браслетов, из числа которых три имеют слегка расширенные концы (тип, совершенно аналогичный браслетам Полтавского клада) (рис. 2, 11);

бусы металлические и их фрагменты (рис. 2, 10);

500 сассанидских и куфических дирхемов, чеканных в пределах 549—955 гг.;

две монетных гривны;

часть глиняного сосуда, в котором помешался клад.

Дата клада устанавливается совершенно точно благодаря наличию в его составе арабских и иранских монет. Правда, монеты не могут считаться абсолютным критерием датировки, поскольку дают только несомненный *terminus post quem*; в данном случае таковым является 955 г. Однако это уже весьма существенно. Учитывая характер вещей,

¹ Сплошные массивные экземпляры, как отмечено, являются достаточно характерным предметом времени VI—VII вв.; в VIII в. они сменяются полыми. Это, однако, ни в коей мере не может нарушить преемственности того типа браслетов, которые представлены в Полтавском кладе, от значительно более ранних антских. Наиболее поздним кладом с такими браслетами из числа нам известных является Копиевский клад, о котором речь ниже. Таким образом, наиболее поздняя дата бытования этого типа ювелирных изделий в Приднепровье определяется X в.

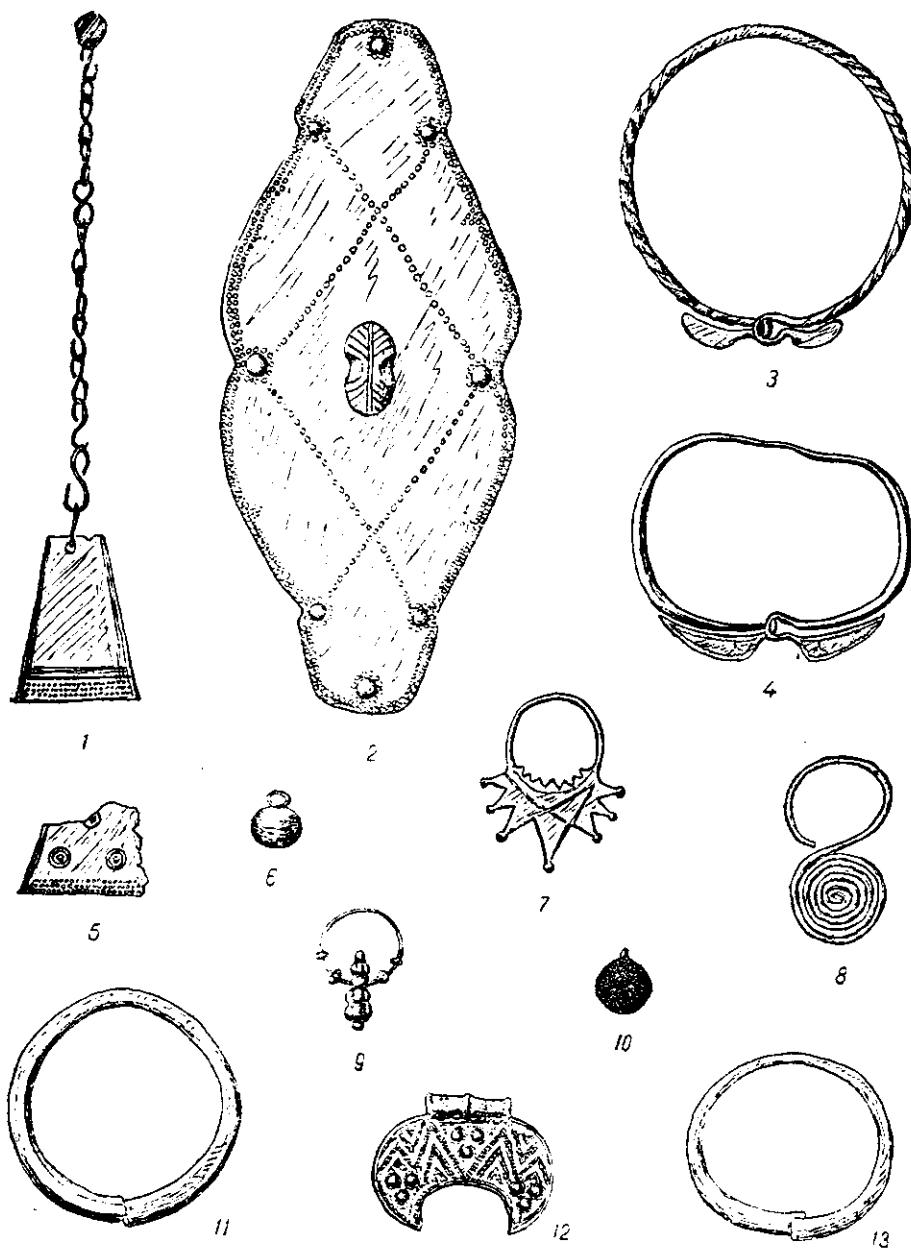

Рис. 2. Комплексы Ивахниковского, Полтавского и Копиевского кладов:
 из Ивахниковского клада: 1 — трапециевидная подвеска на цепочке; 2 — фибула; 3 — гривна;
 4 — обломок трапециевидной подвески; 5 — «бубенчик»;
 из Полтавского клада (1905 г.): 6 — гривна; 7, 8 — височные кольца;
 из Копиевского клада: 9 — височное кольцо; 10 — бусина; 11 — браслет со слегка расширенными концами;
 12 — лунница.

прежде всего лунницы и браслетов, следует полагать, что реальная дата клада недалеко отстоит от 955 г. Поэтому конец X — начало XI в. будет наиболее вероятной датой зарытия клада. Для нас основной ценностью Копиевского клада является его непосредственная связь с несколько более ранним Полтавским кладом, выраженная в наличии архаических серебряных массивных браслетов со слегка расширенными концами. Вместе с тем комплекс Копиевского клада типичен для ранней культуры Киевской Руси и находит себе полнейшие аналогии как среди курганных находок соответствующего времени, так и среди ряда других подобных кладов (Гнездовского 1868 г., Борщевского и др.). Этим замыкается цепь развития ювелирного ремесла от антской культуры до культуры Киевской Руси.

Из сказанного можно сделать вывод, что ювелирное ремесло времени Киевской Руси генетически связывается с производством антского времени, которое проходит в своем развитии несколько ступеней или этапов. Это развитие в настоящие время может быть прослежено не только путем установления типологических рядов для отдельных категорий вещей: такие ряды, как мы видим, где-то обрываются (например, для фибул — на стадии Ивахниковского клада), — но и путем выяснения хронологической определенности последовательных изменений в самом комплексе, что достаточно язвенно выступает при сражении нескольких разновременных комплексов.

На приведенном выше материале можно проследить, что в комплексах ювелирных вещей VIII—IX вв. н. э., содержащих вещи, безусловно увязанные с антским комплексом, возникают новые категории изделий: высокие кольца, гривны определенного типа, лунницы и т. п., получившие свое яркое развитие в культуре Киевской Руси.

Этим будет положен конец всевозможным измышлениям относительно разрыва, якобы имевшего место между ювелирным комплексом, распространенным на Приднепровье в середине I тысячелетия н. э., и комплексом, характеризующим ювелирное производство Киевской Руси. Этот вывод имеет важное значение для решения целого ряда вопросов социально-экономического и культурного развития восточных славян в эпоху сложения Киевской Руси.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Б. Д. Греков, Генезис феодализма в России в свете трудов И. Б. Сталина по вопросам языкоznания, Сб. «Сессия отделений общественных наук Академии наук СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания», изд. АН СССР, М., 1951, стр. 127.
 2. А. А. Спицын, Древности антов, Сб. ОРЯС, т. CI, № 3, изд. АН СССР, 1928, стр. 494—495.
 3. М. Ю. Брайчевський, Пастирський скарб 1949 р., «Археологія», т. VII, вид. АН УРСР, К., 1952.
 4. Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, изд. АН СССР, 1948, стр. 58, рис. 7, стр. 61.
 5. Д. Т. Березовець, Хар'ївський скарб, «Археологія», т. VI, вид. АН УРСР, К., 1952, стр. 109—119.
 6. Н. Е. Макаренко, Материалы по археологии Полтавской губ., Труды Полтавской ученою архивной комиссии, вып. V, Полтава, 1908, стр. 207—212.
 7. Там же, стр. 203—207.
 8. Н. Лінка-Геппенер, Копіївський скарб, «Археологія», т. II, вид. АН УРСР, К., 1948, стр. 182—191.
-

**РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ
г. СОСНИЦА**

Ю. С. ВИНОГРАДСКИЙ

В 1948 г., осматривая обрез грейдерной дороги, ведущей из Чернигова в Новгород-Северский по высокому берегу Убеди, в 2,5 км к северу от города Сосницы, в урочище Медвежье, неподалеку от оврага, через который проходит старая дорога на с. Чернотичи, автор обратил внимание на фрагмент венчика глиняного сосуда, находившийся в стенке среза. После расчистки в деградированном черноземе на глубине 30—35 см было обнаружено погребение из трех урн, стоявших одна возле другой.

В каждой из урн находились остатки пережженных костей, а в одной, имевшей форму гладышки (крычки), кроме того, было обнаружено несколько деформированных огнем бус из белой пасты и фрагмент бусины из стекла. Никаких признаков костища, деревянных сооружений или надгробильных насыпей над погребением и вблизи него замечено не было.

Урны, входившие в состав погребения, были различны по форме и размерам.

1. Сосуд в форме гладышки, почти целый, темножелтого цвета с заглаженной поверхностью, плоским дном, хорошего обжига. Высота 17 см, диаметр венчика 8 см, дна — 7 см (рис. 1, 5).

2. Небольшой сосуд, орнаментированный по венчику вдавлениями пальца, с шершавой поверхностью. Высота 12 см, диаметр венчика 10 см, дна — 6,5 см (рис. 1, 4).

3. Большой сосуд (собственно большая его часть). Высота 23,5 см, диаметр венчика 23 см (рис. 1, 6).

Кроме того, в выемке, где брали землю, было найдено еще несколько фрагментов четвертого сосуда из погребения, полностью разрушенного землекопами. Фрагменты лежали на расстоянии 1,0—1,5 м от описанного выше погребения.

Все найденные сосуды выплены из темножелтой глины, причем гладышка и большой сосуд лучшей выработки и более совершенного обжига. Поверхность их более светлая. В изломах большого сосуда видна черная прослойка. По всей вероятности, сосуды сделаны без помощи гончарного круга.

Вполне возможно, что с находками 1948 г. следует связать и те остатки погребений с обрядом трупосожжения, которые были обнаружены в 1941 г. при сооружении грейдерной дороги из Чернигова в Новгород-Северский, когда рабочие выкопали несколько сосудов-урн с пережженными костями. К сожалению, автору не удалось в то время посетить место работ, а вопросы о месте находки не дали нужных результатов. Три фрагментированные урны из находок 1941 г., хранящиеся в Сосницком музее, очень близки к найденным в 1948 г. и, возможно, относятся к тому же могильнику (рис. 1, 1—3).

Неподалеку от места описанных выше находок в том же 1948 г. автор произвел обследование урочища Лан, находящегося несколько севернее, напротив х. Новоселье, в том месте, где дорога на Новгород-Северский ближе подходит к берегу Убеди. Это урочище представляет

Рис. 1. Сосуды из раннеславянского могильника.

собой два холма, один из которых более высокий, продолговато-округлой формы (100×85 м). Высота первого холма над р. Убедь — 6—7 м. Оба холма имеют культурный слой мощностью от 0,5 до 1 м. Хотя у местного населения урочище Лан не носит названия городища или селища, в нем находятся фрагменты керамики, зола, печина и кости домашних (корова, свинья и др.) и диких животных. Культурные остатки

встречаются и на поверхности обоих холмов. Керамика с гладкой и шероховатой поверхностью по большей части напоминает сосуды городищ роменского типа, а иногда и керамику X—XI вв. и более позднего времени. Однако шиферных пряслиц, стеклянных браслетов, железных ножей и других вещей, характерных для великокняжеского времени, не найдено¹.

В самой Соснице также имеются значительные по площади места древних поселений, где нередко попадаются фрагменты посуды роменского типа.

Возможно, что обнаруженные нами погребения следует связывать с поселениями в урочище Лан или с одним из поселений в Соснице.

По своему характеру предметы, найденные в погребениях, более или менее аналогичны с вещами из городищ роменского типа, датировка которых до настоящего времени полностью не уточнена [1].

Учитывая, что керамика из погребений у Сосницы имеет более архаический вид, нежели встречающаяся на городищах роменского типа, можно предполагать, что ее следует датировать несколько более ранним временем, т. е. VI—VII вв.

* * *

От редакции. Раскопки памятников, которые были открыты Ю. С. Виноградским, проведенные Институтом археологии в 1949 г., подтвердили правильность высказываемого автором предположения, что обнаруженный им могильник и поселение в урочище Лан относятся ко времени VI—VIII вв. и находят полную аналогию в поселении и могильнике у с. Волынцево, Путивльского района, Сумской области.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, ВДИ, 1939, № 1 (6); И. И. Ляпушкин, О датировке городищ роменско-боршевской культуры, «Советская археология», IX, 1947.

¹ Раньше здесь были выкопаны два клепанных медных котла кочевнического типа, которые хранятся в Сосницком музее.

ДРЕВНЕЙШЕЕ СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

Д. И. БЛИФЕЛЬД

В 1949 г. при раскопках древнерусского могильника у с. Табаевка, в 20 км к северу от Чернигова, мы обратили внимание на грубую лепную керамику, встречающуюся в довольно большом количестве в курганах насыпях и явно не имеющую отношения к последним — она значительно старше их. В дальнейшем под одной курганной насыпью был выявлен нетронутый культурный слой с той же керамикой. Таким образом, стало ясно, что на западной окраине с. Табаевка, на месте курганного могильника IX—X вв., занятого современным кладбищем, существовало поселение значительно более раннего времени.

Поселение занимает небольшую возвышенность, ограниченную с юга и с севера небольшими узкими балками с довольно крутыми склонами. С восточной стороны возвышенность спускается к реке, находящейся примерно на расстоянии 300—400 м от поселения.

Поселение сильно разрушено как современными могилами, так и при сооружении курганных насыпей, землю для которых брали из ровиков, окружающих курганы. Культурный слой сохранился только под курганами насыпями, на месте одной из которых он и был нами исследован. Исследованная площадь вследствие этого представляет собой круг диаметром 18 м. Культурный слой выявлен на всей площади, толщина его достигает 0,2 м. В южной части площадки обнаружена яма, в значительной части срезанная рвом, окружавшим курган. В яме найдены фрагменты керамики, обломки костей животных и несколько кусочков печины. Последние дают основание предполагать, что яма представляет собой остатки жилища полуземляночного типа.

Находки, относящиеся к поселению, довольно многочисленны, но весьма однородны. Основная их масса — это фрагменты керамики. Керамика вся лепная и, за исключением нескольких обломков лощеных мисочек (рис. 1, 3, 8), исключительно однотипна. Это в большинстве своем обломки толстостенных сосудов с примесью зерен кварца в тесте, обычно желтоватого или бурого цвета. По размерам сосуды различны, но преобладают, видимо, большие. О форме сосудов судить трудно, но все они характеризуются высоким цилиндрическим или слегка отогнутым венчиком с округленным или прямо срезанным краем. На одном из обломков венчик имеет выступающий наружу карнизик. Днища плоские, формованы в виде низкой подставки. Одно днище имеет слабо вырисовывающуюся кольцевую ножку (рис. 1, 7). Часть сосудов орнаментирована. Орнамент располагается обычно по венчику или под ним, на месте изгиба шейки, и состоит или из круглых ямок, или из шишечек («горошин»), которым на оборотной стороне соответствуют впадины. Шишечки часто имеют защипы или несколько заглажены (рис. 1, 1, 2, 4—6). Кроме того, найдено четыре глиняных прядильщицы: два грубої работы с примесью кварца в тесте, приближающиеся по форме к усечен-

ному конусу — диаметр 2,8—1,5 см, высота 2,5 см; одно биконическое, очень тщательной работы, орнаментированное с одной стороны треугольником — диаметр 1,6 см, высота 1,5 см; одно маленькое, полусфериче-

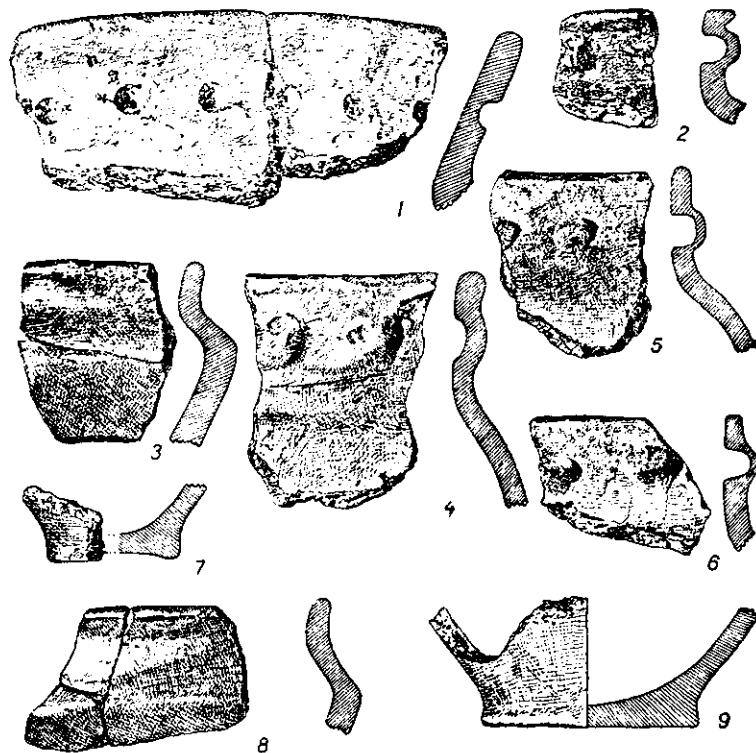

Рис. 1. Образцы керамики из поселения у с. Табаевка. 2/5 н. в.

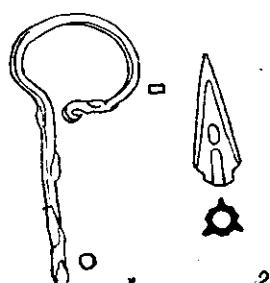
ской формы, орнаментированное вертикальными нарезками — диаметр 2 см, высота 1,4 см.

Бронзовых предметов найдено всего два (рис. 2): обломок булавки и наконечник стрелы. Булавка представляет собой проволочный круглый в поперечном сечении стержень, один конец которого немного плоско раскован и затнут в кольцо с закрученным кончиком. Булавка найдена в насыпи кургана, но ее принадлежность к культурному слою поселения не вызывает сомнений. Наконечник стрелы трехгранный с короткой втулкой, позднескифского типа.

Этим и исчерпывается вещественный материал поселения. Основной керамический материал генетически увязывается с керамикой скифского времени, но ближайшие свои аналогии он имеет в Корчеватском могильнике [1], где, правда, керамика эта немногочисленна и ее можно скорее рассматривать не как основной, а сопутствующий тип. Лощеные мисочки из Табаевского поселения по всем своим признакам типичны

именно для памятников корчеватского типа. Это дает основание рассматривать Табаевское поселение как памятник корчеватского типа. Памятники эти, как известно, относятся к раннеславянской культуре и дати-

Рис. 2. Бронзовые булавка и наконечник стрелы из поселения у с. Табаевка.
2/3 н. в.

руются обычно II в. до н. э.—II в. н. э. Для Табаевского поселения эта дата, видимо, неприемлема. Найденная здесь бронзовая стрелка, как уже указывалось, относится к позднескифскому типу — она датируется IV в во всяком случае не позднее III в. до н. э. Стрелка найдена под курганной насыпью, наличие ее в составе культурного слоя не вызывает сомнения. Бронзовая булавка описанного выше типа также имеет много аналогий в памятниках скифского времени, хотя бытовала она очень долго. Сомневаться в принадлежности этих как будто бы разновременных материалов к одному археологическому комплексу нет решительно никаких оснований. Больше того, учитывая исключительную однородность керамического материала и незначительную мощность культурного слоя, можно думать, что продолжительность существования поселения была небольшая. Исходя из этих соображений, нам представляется возможным датировать Табаевское поселение III в. до н. э. и рассматривать его как наиболее раннее поселение корчеватского типа, генетически непосредственно увязывающееся с памятниками скифского времени.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Самойловский, Корчеватский могильник, «Археология», т. I, изд. АН УССР, 1947, стр. 107.
-

БЕСКУРГАННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В с. РУДЯКИ НА КИЕВЩИНЕ

А. П. САВЧУК

В археологических разведках, проведенных в 1951 г. в пределах Ржищевского района, на Киевщине, И. М. Самойловский зарегистрировал интересную находку в с. Рудяки. Летом 1951 г. колхозник этого села А. Оберемок, копая глину в урочище Забродичье, случайно наткнулся на древнее погребение. Среди костей он заметил плохо сохранившиеся бронзовые украшения, из которых взял ажурную пуговицу и часть тонкого проволочного браслета или небольшой гривны. Эти находки он передал И. М. Самойловскому. В ноябре 1951 г. автор статьи был командирован дирекцией Института археологии АН УССР в с. Рудяки для уточнения условий находки и установления характера памятника.

Погребение было обнаружено в очень низком месте, возле болота, где пойменный песок переходит в илистую глину, и не имело на поверхности никаких признаков насыпи. Скелет, находившийся на глубине не более 1 м, сохранился очень плохо. Уцелело лишь несколько отдельных фрагментов костей черепа и бедренные кости, по расположению которых можно было заключить, что скелет лежал на спине в вытянутом положении головою на запад. Обнаруженные А. Оберемком бронзовые вещи находились, по его утверждению, из груди скелета и образовали круг с пуговицей и браслетом посредине.

Несколько бронзовых изделий и фрагменты костей удалось собрать в выбросе. Могильная яма имела в длину до 2,5 м. Повидимому, она была испорчена позднейшей постройкой, так как при шурфорке в верхнем гумусированном слое вокруг нее попадались кусочки кирпича, а над скелетом при зачистке ямы в гумусе встретилось скопление кусочков бронзы, возможно, из нарушенного погребения.

На расстоянии 10 м к северо-западу от погребения была обнаружена заполненная гумусом яма, круглая в плане, сужающаяся книзу, длиной до 1 м, глубиной 80 см; в ней, кроме нескольких обломков лепной керамики, среди которых был один фрагмент от верхней части сосуда с венчиком, ничего не найдено.

Все свободное пространство вокруг погребения, кроме участка, по которому проходит грунтовая дорога, было прошурфовано в шахматном порядке шурфами 1×1 м. Никаких других находок и новых данных, касающихся погребения, шурфование не дало.

Предметы, относящиеся к раскопанному погребению:

1. Часть фибулы или булавки (рис. 1, 1) с железным стерженьком, вставленным в продольную трубочку из спирально завитой проволоки, проходящую посередине бронзовой пластинки корпуса, по сторонам которой идут ряды небольших колечек; головка в форме полукруга снабжена радиально расходящимися лучеобразными отростками; с одной стороны фибулы (противоположной изображенной на рисунке) сохранились остатки истлевшего дерева, которое пристало к ржавчине.

2. Ажурная, полая внутри, пуговица с ушком (рис. 1, 2), украшенная двумя рельефными концентрическими кругами, среди которых вписано пять S-образных фигур с тремя прямоугольными прорезями между ними и рельефным ободком с 19 колечками.

3. Две бронзовые поделки (одна целая, другая поломана) прямоугольной вытянутой формы с десятью поперечными круглыми отверстиями. Эти предметы могли служить распорочками для ожерелья из десяти низок медных бус. Одна бусинка застряла у начала отверстия (рис. 1, 3).

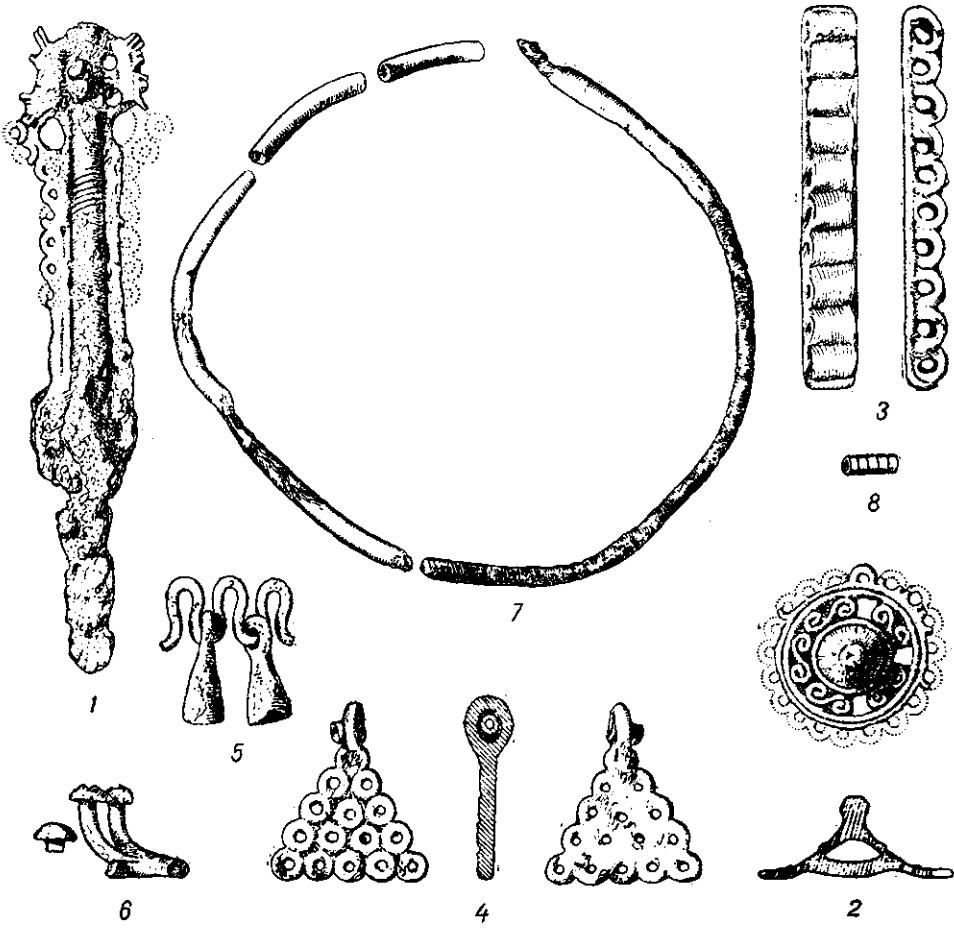

Рис. 1. Бронзовые предметы из погребения. $1/2$ н. в.

4. 14 треугольных ажурных подвесок (целых и поломанных), представляющих собою сеточку из соответственно уменьшающихся по количеству кверху рядов колечек. В ушке одной из подвесок застрявшая бусинка (рис. 1, 4).

5. Подвески в виде маленьких колокольчиков, нанизанные на меандрообразно изогнутую проволоку, диаметром 1,5 мм (рис. 1, 5).

6. Головка от булавки или подвески, имеющая три загнутых в одну сторону гвоздеобразных отростка, и отломанная шляпка от одного из них (6).

7. Фрагменты проволочного браслета диаметром около 7 см (рис. 1, 7). Диаметр круглой проволоки 3 мм. Браслет сильно поврежден при раскопках.

Кроме того, найдено большое количество отдельных или склепевшихся вместе меленьких бронзовых бусинок (рис. 1, 8).

В яме, находившейся в 10 м от погребения, был найден фрагмент венчика (рис. 2) плохо обожженного лепного сосуда; поверхность красноватого цвета; тесто с примесью песка и глины; орнамент состоит из

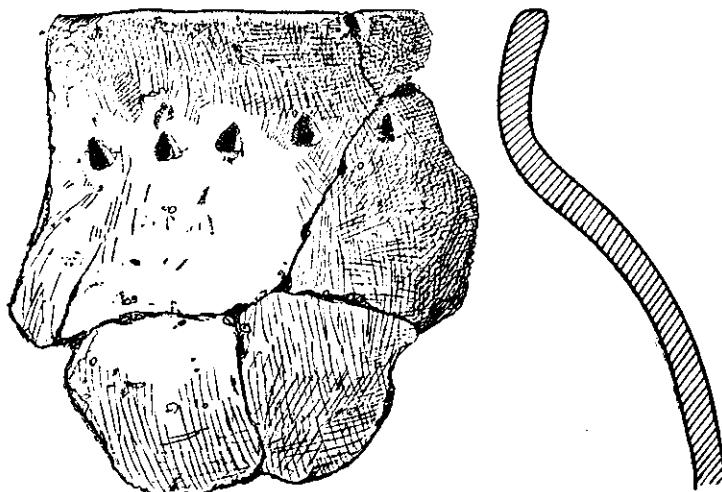

Рис. 2. Фрагмент венчика. $\frac{1}{2}$ н. в.

ряда треугольных вдавлений, имеющих соответствующие выпуклости на внутренней стороне.

Возможно, что все найденные бронзовые изделия изготовлены в технике литья по восковой модели.

Такие находки известны и из с. Подгорец, расположенного на правом берегу Днепра, в 30 км от Киева. В 1916 г. здесь был найден клад бронзовых украшений, среди которых имелись аналогии с предметами из погребения в с. Рудяки [1]. В 1950 г. В. Н. Даниленко провел в Подгорцах на месте обнаружения клада дополнительные раскопки, давшие чрезвычайно интересный и богатый материал, который будет в ближайшее время опубликован¹.

Бронзовые украшения, подобные найденным в селах Подгорцы и Рудяки, довольно часто попадаются в дюнах в окрестностях Киева.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бронзові прикраси з с. Підгірців на Київщині, «Український музей», 1937, I, стр. 15—50, табл. I—II.

¹ В. Н. Даниленко датирует свои находки, как и клад 1916 г., V—IV вв. до н. э.

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ОКРЕСТНОСТЯХ с. ЖАБОТИН, КИРОВОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

Село Жаботин, Каменского района, Кировоградской области, хорошо известно в археологической литературе по раскопкам ранних скифских курганов [1] и по находке на Тарасовой горе двух бронзовых клепаных сосудов кавказского происхождения, датируемых VII—VII вв. до н. э. [2]. Аналогичные котлы известны по Жемталинскому кладу [3], найденному в Лечхуме.

Раскопки упомянутых курганов дали материал большой исторической и художественной ценности. Отсюда происходят замечательные пластины из оленого рога с гравированными изображениями лосей и птиц; они принадлежат к наиболее ранним из известных до сих пор на территории Украинской ССР памятников скифского звериного стиля.

Комплексы материалов из жаботинских курганов, в которых иногда (курганы № 1 и 524) еще отсутствуют вещи греческого импорта, свидетельствуют о раннем их происхождении. До настоящего времени оставался совершенно не выясненным вопрос о поселениях, с которыми можно было бы связать раскопанные курганы и которые дали бы прочную базу для характеристики хозяйственной деятельности населения данного района. Все это указывало на необходимость производства здесь серьезных разведочных работ как в окрестностях самого с. Жаботин, так и в ближайшем его окружении, где сосредоточен ряд интереснейших памятников, имеющих первостепенное значение для изучения вопроса о сложении культуры раннего железа в лесостепных областях среднего Приднепровья.

Ближайшим поводом для проведения нашей разведки у с. Жаботин¹ послужило письменное сообщение колхозника А. И. Кирияненко о нахождении им в окрестностях села глиняного сосуда с пережженными костями, бронзового браслета, железных удил, каменного молотка и ряда других вещей². Как выяснилось, глиняный сосуд с небольшими двойными отростками на плечиках был обнаружен во время пахоты в ЮВ части Тарасовой горы, у Киктева яра.

Тарасова гора находится в 3 км к СВ от с. Жаботин. Это вытянутая с севера на юг возвышенность, соединенная на востоке узким перешейком с другой такой же возвышенностью. Северные обрывистые склоны горы разрезаны глубоким оврагом; у подножья возвышенностей протекает ручей, впадающий в р. Жабянку. Западные склоны возвышенностей полого спускаются в долину, где длинной цепью по берегам р. Жабянки тянутся хаты с. Завадовка. У более крутых склонов возвы-

¹ В работах, произведенных в октябре 1950 г., кроме автора, принимала участие Е. Ф. Покрёвская.

² При рытье погреба в бывшей усадьбе Любомирских, в центре с. Жаботин, А. И. Кирияненко найдены бронзовые двухкольчатые удила кобанского типа с круглыми подвесками (рис. 1).

шенностя, на южной стороне, расположены колхозные строения и отдельные усадьбы. Вся площадь Тарасовой горы в настоящее время распахивается.

По сообщениям местных жителей, на горе неоднократно находили глиняные черепки, кости животных, бронзовые двуперые наконечники стрел с шипами и даже огромные целые сосуды с блестящей черной поверхностью, поднять которые с трудом могли два человека. Рассказывают также, что через всю Тарасову гору тянется, якобы, мощеное каменное шоссе; камни из него не раз выворачивал плуг. Направление этой каменной дороги, говорят, легко проследить ранней весной по редким всходам на этих местах и светлым оттенкам зелени, выделяющейся на общем фоне.

Наши работы были сосредоточены на Тарасовой горе. Собранный здесь в первый же день керамический материал свидетельствовал о наличии поселения раннего железного века.

В двух раскопах, заложенных в южной части возвышенности¹, обнаружены остатки прямоугольного наземного жилища с очагом (раскоп I) и завал какого-то сооружения, состоящий из разной величины и формы кусков обожженной печины с отпечатками соломы и жердей (раскоп II)².

Рис. 1. Бронзовые двукольчатые удила с круглыми подвесками. Найдено в с. Жаботин.

Определить план, размеры и конструкцию обнаруженного в раскопе I жилища ввиду полного разрушения его пахотой не представляется возможным. Сохранились лишь желтые полосы с коричневой обводкой — от оснований восточной и северной стен³ и красноватая обожженность круглой формы — на месте очага⁴. Что касается назначения сооружения, открытого в раскопе II, то говорить о нем до проведения здесь более широких раскопок не приходится.

Оба раскопа дали богатый и разнообразный керамический материал [4].

В первом из них найдены также три целых бронзовых булавки (рис. 2) с петельчатыми головками⁵ и два деформированных фрагмента бронзовой булавки (рис. 2, 4) со спиральным щитком⁶. Булавки подоб-

¹ Раскоп I в 170 м к северу от ветряной мельницы был заложен на месте желтоватого пятна; площадь раскопа 60 м². Раскоп II находится в 40 м к северу от раскопа I; площадь его — 48 м².

² Протяженность завала с севера на юг — 11 м и с запада на восток — 5—7 м. Исследована лишь небольшая часть его полукруглой северной оконечности. Толщина завала от 0,1 до 0,4 м. Отдельные куски печины размером 15×7 см имели толщину 6—7 см. Поверхность их слажена с одной стороны, иногда носит следы белой обмазки.

³ До 6 м длины с восточной стороны и 2 м ширины.

⁴ Диаметр ее равен 1,0—1,3 м.

⁵ У одной из булавок небольшая круглая головка, образованная загибом во внутрь ее предварительно расплющенного конца (рис. 2, 3). Вторая булавка, средней величины, имеет кольцевую головку, конец которой загнут наружу (рис. 2, 2). У третьей, вытянутой угловатой формы, головка значительных размеров; конец ее загнут вовнутрь (рис. 2, 1).

⁶ Не исключена возможность, что здесь мы имеем дело с подвеской или браслетом.

ной формы бытовали на обширной территории в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Они найдены в тямынских курганах раннескифского времени (Тенетинка, Гуляй-Город) [5].

В раскопе I обнаружены также костяные поделки: проколка и круглое прядлище.

Собран большой костный материал (преимущественно из раскопа I), характеризующий домашних животных (бык, свинья, лошадь, овца и собака)¹.

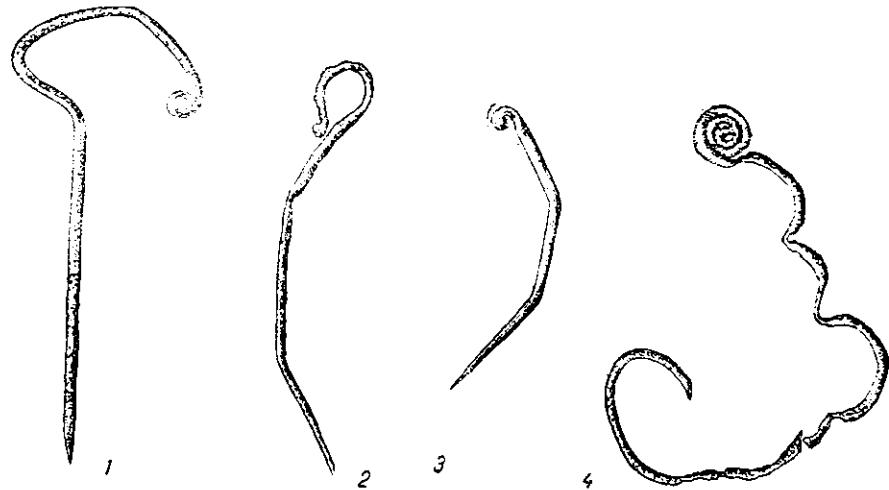

Рис. 2. Бронзовые булавки из раскопа I:
1—3—с петельчатыми головками; 4—со спиральным щитком. 1/3 н. в.

Все керамические остатки — фрагменты сосудов, сделанных от руки. Их можно разбить на две большие группы: более грубая, толстостенная посуда из плотной глины с примесью кварца, неравномерно обожженная — хозяйственного назначения (баночные и крупные корчагообразные сосуды) и сосуды более тщательной и тонкой выделки (миски, круглые сосуды, черпаки).

Основное место в первой группе занимают так называемые баночные сосуды больших и средних размеров² со слегка округленными стенками и плоским дном, образующими тупой угол. Форма эта известна здесь еще для предшествующей эпохи. Орнаментация баночных сосудов характеризуется ограниченным числом мотивов: круглыми и овальными вдавлинами, косыми насечками, сквозными проколами и на колами (в разных сочетаниях) по краю сосуда и валиком с зубчатой разделкой³ на его плечиках. Иногда валик одним своим концом свисает книзу или сочетается с отдельно стоящими круглыми вдавленными ямками. Перечисленные орнаментальные мотивы, встречающиеся на баночных сосудах в определенной последовательности и с известным усложнением еще в эпоху бронзы (поселения типа Сабатиновки, Белоозерки и др.) и в переходное к скифскому периоду время (городища типа Черного леса), представлены здесь в полном объеме. Сосуды барочного типа находятся и в курганах раннескифского времени (курган XV в Константиновке и др.).

¹ По определению И. Г. Пидопличко.

² Диаметр верхнего отверстия сосудов равен 10, 14, 24 и 26 см.

³ Единичные экземпляры зубчатого валика под венчиком с проколами найдены в верхнем слое.

Особое внимание обращает на себя группа крупных орнаментированных сосудов¹ (рис. 3). Они имеют сильно раздутое и сплющенное туловище, высокую коническую шейку с плавно отогнутым наружу верхним краем и небольшое дно с низко нависающими над ним изогнутыми

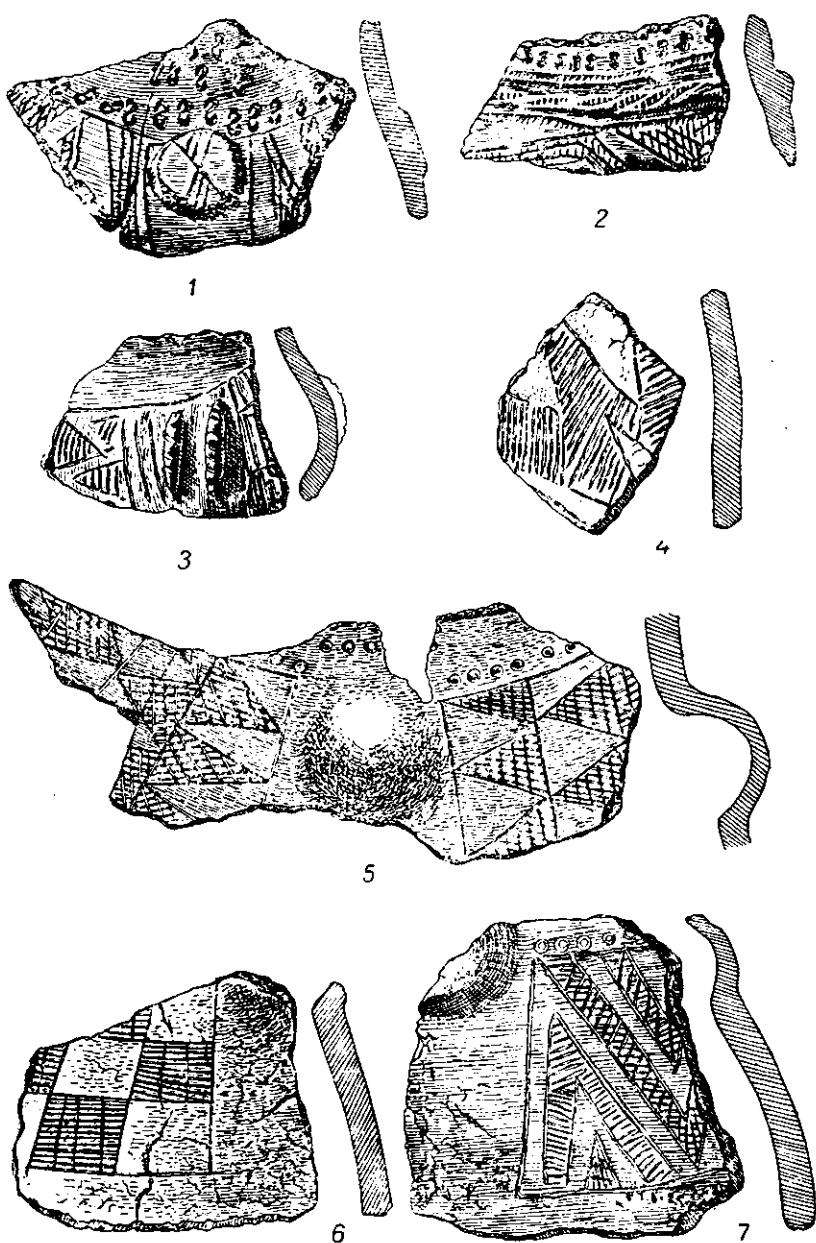

Рис. 3. Фрагменты крупных сосудов. $\frac{1}{2}$ н. в.

стенками. Поверхность их, от пребывания в огне обычно красного цвета, первоначально черная лощеная. Подобная форма известна также для более ранней эпохи в западных областях Украинской ССР и на Кавказе.

¹ Диаметр горлышка у этих сосудов у венчика достигает 26—36 см; толщина стенок 1,0—1,2 см.

На территории же бассейна Тясмина, как и вообще Среднего Приднепровья, она обнаружена впервые в таком массовом количестве. Особенностью этих сосудов является широкий орнаментированный пояс, обрамляющий низ плечей и среднюю часть сосуда. В композицию этого пояса вписан ряд (от трех до четырех) круглых плоских или выпуклых полых шишек (рис. 3, 1, 5). Наблюдается сочетание различных по технике приемов орнаментации: резного узора, налепного рельефного ва-лика (рис. 3, 2) и штампа, часто S-образного (рис. 3, 1, 2). С внутренней стороны отогнутого наружу венчика иногда нанесен узор из поставленных под углом косых линий, небольших круглых проколов или же из повторяющихся косых зубчатых линий.

В большом количестве представлены миски конической и круглой формы (рис. 4, 5) с загнутым внутрь прямо срезанным или острым краем. Диаметр их равен 18, 25 и 30 см. Иногда по краю венчик миски орнаментирован косыми штрихами, нанесенными зубчатым или ровно срезанным узким штампом, изредка чередующимися с косым рифлением (4, 5). Поверхность их бывает залощена, внутри в большинстве случаев черного, а снаружи бурого или желтоватого цвета. Резной узор изредка встречается и на наружных стенках мисок (рис. 4, 4). Форма миски, еще мало развитая в переходном этапе, получила в это время большое распространение. Оформление края мисок одним, двумя или более боковыми выступами и косым рифлением с внешней стороны имеет ряд близких аналогий и в других областях (Рыжановка, Немиров, Сахарна, Гамарня, Дунаек и др.)¹ [6]. Изредка встречается на Тарасовой горе уже и новый прием — проколы под краем, — представленный еще единичными экземплярами сосудов.

К излюбленным формам этого времени надлежит отнести черпаки (рис. 4, 1—3; 6—8) и круглотельные сосуды. Последние обнаружены на Тарасовой горе пока в незначительном числе. Черпаки встречаются здесь двух разновидностей — с более глубокой (рис. 4, 2, 3, 6—8) и мелкой чашечкой. Они имеют слегка отогнутый наружу венчик и круглую вдавлину на наружной стороне дна. Поверхность их хорошо заглажена или залощена, серого, черного, изредка желтоватого или розового цвета.

Черпаки отличаются разнообразной трактовкой ручек. Ручки выступают над венчиком и всегда снабжены боковым отростком, который имеет форму цилиндрического или сужающегося конического, либо цилиндрического столбика, заканчивающегося сплющенной головкой в виде шляпки гвоздя. На плоских петельчатых ручках часто встречается орнаментальный мотив, состоящий из ромбов, двух или нескольких заштрихованных треугольников, соединенных острыми вершинами. Особым изяществом отличаются миниатюрные черпаки с овальной в сечении петельчатой ручкой, украшенной нарезным геометрическим узором. Резной линейный узор, являющийся здесь преимущественным видом орнаментации, сочетается иногда с зубчатой штамповкой линий, S-образным, круглым (рис. 4, 6, 8) и звездчатым штампом и белой инкрустацией (рис. 4, 8), особенно четко выделяющейся на черном, до блеска лощенном фоне.

Среди глиняных изделий следует также отметить небольшие посудки в форме катушек, которые имеют ряд аналогий в раскопках в Мачухах, Бельске, Немирове и др.

Отличительной особенностью орнаментации этих сосудов является сочетание прямых, косых и ломанных под углом линий и разнообразных геометрических фигур (длинные ленты, прямоугольники, квадраты,

¹ В Немирове известны среди материалов, раскопанных М. И. Артамоновым; в Сахарне — в раскопках Г. Ф. Смирнова; в Гамарне — в раскопках А. И. Мелюковой (1950 г.); в Дунайке — в раскопках И. Г. Шовкопляса (1950 г.).

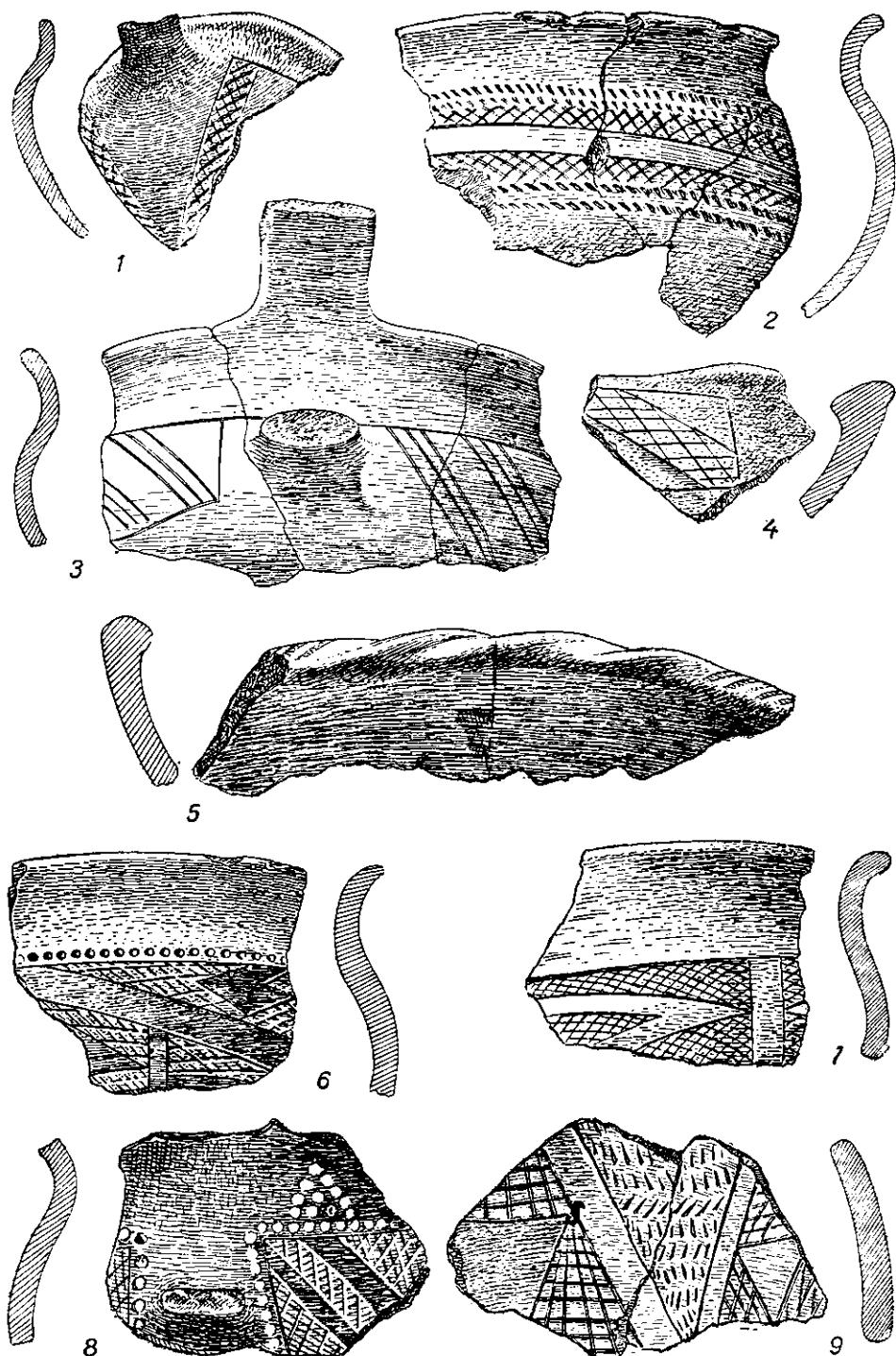

Рис. 4. Фрагменты черпаков и мисок. $\frac{1}{2}$ н. в.

ромбы, треугольники и трапеции различной формы), иногда образующих в своем сплетении прихотливый геометрический узор. Обычно все эти фигуры заштрихованы прямыми параллельными или пересекающимися линиями. Особый художественный эффект достигается разнообразием окраски, сочетанием блестящих и матовых поверхностей, контрастами белого инкрустированного узора на черном или розоватом фоне. Все здесь свидетельствует о зрелом мастерстве, определенной изобретательности в построении рисунка и сочетании отдельных геометрических мотивов в цельную, законченную композицию.

Форма, техника обработки и приемы орнаментации более тонкой посуды свидетельствуют о высоком уровне местного гончарного производства, давшего уже целый комплекс художественных образцов, которые мы находим в ранних скифских курганах VII и начала VI в. до н. э.

Обнаруженные на Тарасовой горе черпаки имеют ряд ближайших аналогий в окрестных курганах VII в. до н. э.: Тенетниковском, Деренговецком, Стецовском, Константиновском, Райгородском, Жабстинском. Целый ряд сходных орнаментальных мотивов известен и на Левобережье, в Бельске [7] и Мачухах [8], а также в Каневе, Рыжановке и на Приднестровье, в Молдавии (упомянутые уже Сахарна, Гамаря, Городка и др.), а также на Кавказе (Келермес, Моздок [9], Алхастинское ущелье [10] и др.). Однако во всех перечисленных местностях наблюдаются и свои отличительные локальные особенности формы чашечек и ручек черпаков¹ и форм других сосудов, в характере их лощения, распространности белой инкрустации.

Анализ обнаруженного на Тарасовой горе материала и сравнение его с материалами, полученными из ближайших курганов и городищ, а также из соседних и более отдаленных областей, дает основание датировать его VII в. до н. э.

Этот материал с наибольшей яркостью и полнотой характеризует собою новый этап в развитии культуры лесостепных племен, населявших Среднее Приднепровье, и является выражением дальнейшего развития элементов, заложенных в культуре чернолесского времени [11]. Он представляет богатую и разнообразную культуру, характеризующую начало эпохи раннего железа и имеющую черты определенной преемственности от предшествующего времени. Эта культура объединяет в себе ряд признаков, широко распространенных как в смежных со Средним Приднепровьем, так и в более отдаленных от него восточных (Кавказ) и западных (Побужье, Поднестровье, Подунавье) областях. Она свидетельствует о прочных межплеменных связях, существовавших между населением Среднего Приднепровья и древних центров металлургии (Кавказ и Семиградье). В то же время это говорит и об известной этнической близости населения Приднепровья с рядом соседних племен: открытая культура является лишь локальным вариантом большого массива племен, заселявших в это время Среднее Приднепровье и лежащие к западу от него области Побужья и Поднестровья.

Разведкой в 1950 г. раскрыто лишь частицу того богатого и разнообразного наследия, которое таят в себе недра Тарасовой горы. Дальнейшие раскопки и углубленное изучение полученных материалов дадут возможность с большей полнотой воссоздать картину жизни сбитавшего здесь в эпоху раннего железа населения, можно думать,—ближайших предков славян.

¹ Рогатые ручки на Кавказе, частично в Бельске и Мачухах; петельчатые, без отростков — в Молдавии, а также среди памятников высоцкой и лужицкой культур: ручки с отростками характерны для Тясянина и Среднего Приднепровья.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Древности Приднепровья, т. III, К., 1900, стр. 6; ИАК, вып. 54, Пг., 1914 и вып. 60, Пг., 1916.
 2. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, К., 1930, стр. 53; N. Makagelko, La civilisation des Scythes et Hallstatt, ESA, V, стр. 34 и сл.
 3. Е. И. Крупнов, Археологические работы на Северном Кавказе, КСИИМК, вып. XXVII, изд. АН СССР, 1949, стр. 11 и сл.
 4. Е. Ф. Покровська, Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині, «Археологія», т. VII, вид. АН УРСР, К., 1952, стр. 43 и сл.; там же опублікована и часть материалов с Тарасовской горы.
 5. А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смеля, т. II, СПб., 1894, табл. III, 6; т. I, СПб., 1887, табл. IX, 12 и др.
 6. G. Ossowski, Materiały do Paleoentologii Kurhanów ukraińskich, Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej, т. XII, w Krakowie, 1888, табл. VIII, 5, 7.
 7. Труды XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93 и сл.
 8. М. Рудинський, Археологічні зборки Полтавського музею, т. I, вид. Полтавського держ. музею, Полтава, 1928, табл. V.
 9. Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, Моздокский могильник, изд. Эрмитажа, Л., 1940.
 10. Е. И. Крупнов, Археологические памятники Алхастинского ущелья, Труды ГИМ, вып. 12, М., 1941, стр. 157 и сл.
 11. А. И. Тереножкин, Скифская Днепровская правобережная экспедиция, КСИИМК, вып. XXXVII, изд. АН СССР, 1951, стр. 117 и сл.; Поселения и городища в бассейне реки Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII, изд. АН СССР, 1952, стр. 80 и сл. Е. Ф. Покровська, там же.
-

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА р. ДЕРКУЛ

Д. Я. ТЕЛЕГИН

Во время работ Донецкой археологической экспедиции летом 1950 г. автором данного сообщения было обнаружено у х. Можаевка, Ростовской области, на р. Деркул, в усадьбе колхозника П. Е. Можаева, древнее погребение, частично разрушенное весенними водами реки.

Р. Деркул у х. Можаевка интенсивно разрушает левый берег, образуя значительные (5—6 м) обнажения слатающих его пород.

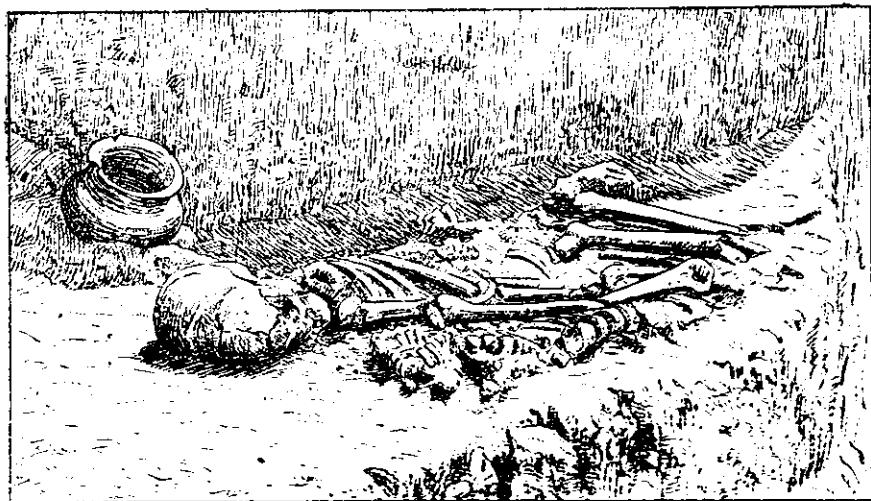

Рис. 1. Погребение у х. Можаевка.

По геоморфологическим признакам береговой уступ, на котором расположен хутор, следует приравнивать ко второй надпойменной террасе низкого уровня.

Зачистка берега на месте погребения дала следующую картину: под слоем чернозема (0,6 м) залегает толща красновато-желтого суглинка (4 м), в котором на глубине 2 м от современной поверхности проходит тонкая (до 0,3 м) прослойка серого песка.

Расчистка показала, что погребение было парным. Один скелет оказался полуразрушенным — от него сохранился лишь позвонок, несколько лицевых костей и голень левой ноги. Второй скелет сохранился почти полностью, хотя кости были очень трухлы (рис. 1).

Оба костяка ориентированы головой на северо-восток, т. е. в направлении верховья реки. Они лежали на боку в скорченном положении с довольно сильно подогнутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками. При этом один костяк (целый) лежал на правом, а второй (попарзрушенный) — на левом боку, т. е. лицом друг к другу.

О возрасте и поле покойников можно сказать немного. Установлено, что они были среднего возраста. Целый скелет по сравнению с разрушенным был больших размеров и имел более массивные кости. Это, а также его положение на правом боку дает основание говорить о принадлежности его мужчине¹.

Рис. 2. Сосуд из погребения у х. Можаевка.

Инвентарь погребения очень беден и состоит из одного небольшого плоскодонного горшочка высотой 17,5 см. Он имеет округлые выпуклые стенки и сравнительно невысокую (3 см) шейку с несколько отведенным наружу венчиком (рис. 2).

Внешняя поверхность сосуда имеет темный цвет, на фоне которого выделяются более светлые пятна желтоватого тона. Сосуд не орнаментирован; на внешней поверхности его заметны слабые следы полосатого гладживания гребенкой, а также следы лощения.

В глиняной массе, не очень тщательно вымешанной, есть примесь мелкозернистого песка. Обжиг слабый, излом черепка черный. Толщина стенок 0,6 см. Дно горшка в значительной мере стерто — свидетельство довольно продолжительного хозяйственного использования. Суглинок, заполнявший сосуд, имел желтовато-зеленый цвет, несколько отличавшийся от окружающей погребение породы.

Погребение не имело на современной поверхности никаких внешних признаков, что, однако, не исключает возможности наличия их в древности.

Косвенным подтверждением этой мысли может служить сообщение колхозника П. Е. Можаева о том, что на расстоянии 42—45 м от вскрытого погребения им был снесен курган.

Из этого сообщения следует, что под насыпью кургана находился кромлех диаметром около 30 м, образованный из массивных плит, промежутки между которыми были заложены более мелкими камнями. В подтверждение изложенного нам были показаны три уцелевшие каменные плиты подпрямоугольной формы, из которых одна кварцито-

¹ В этой связи можно заметить, что в погребениях балановской, тищцининецкой культур, а также в Войцеховском могильнике мужские скелеты находятся, как правило, на правом, а женские на левом боку.

вия размерами $1,86 \times 1 \times 0,3$ м, а две другие — песчаниковые несколько меньшего размера. Из насыпи кургана было извлечено погребение, при котором обнаружено кольцо и стеклянная бутылочка (штофник). Следов керамики не обнаружено. Повидимому, это позднее погребение и прямого отношения к кургану не имеет¹. Древнее погребение, над которым сооружен курган с кромлехом, очевидно, находилось глубже и не было разрушено.

Возможно, что раскрытое нами погребение, обнаруженное вблизи этого кургана, также имело когда-то курганную насыпь.

Бедность инвентаря и невозможность полностью установить форму погребального сооружения значительно усложняют датировку расчищенного нами захоронения.

Парные погребения двух взрослых особей довольно широко известны на берегах Дона, Донца и в Приазовье. Их могильный инвентарь также часто состоит лишь из одного глиняного сосуда. Большинство этих погребений относится ко времени катакомбной культуры [1].

Основным датирующим признаком Можаевского погребения является, однако, сосуд, который по технике, форме и пропорциям очень близок к сосудам катакомбной культуры [2]. Невысокое качество глиняного теста, отсутствие орнаментации, менее совершенный обжиг Можаевского сосуда полностью подтверждают бедность этого погребения, в обряде которого использован долго употреблявшийся в быту горшок.

Сопоставляя все данные, мы можем отнести Можаевское погребение ко времени катакомбной культуры.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. М. И. Артамонов, Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костями, «Проблемы истории», 1934, № 7—8, стр. 119.
2. В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, Труды XII АС, т. I, Москва, 1910, табл. VIII, 4.

¹ Старожилы утверждают, что среди казаков бывшей области Войска Донского был распространен обычай класть в могилу штофник с водкой.

ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ДНЕПРЕ, В РАЙОНЕ оз. ЛЕНИНА

(Исследования 1950 г.)

А. В. БОДЯНСКИЙ

Археологические разведки берегов оз. Ленина на Днепре, проведенные автором по поручению Института археологии Академии наук Украинской ССР в 1950 г., дали значительный материал, относящийся к различным эпохам древней истории края. В данном сообщении мы останавливаемся только на памятниках палеолитического возраста¹.

Находки палеолитического времени обнаружены в 12 пунктах. В большинстве случаев — это отдельные предметы или небольшие комплексы кремневых изделий и остатков фауны.

Левый берег Днепра

1. Село Васильевка. Здесь зеркало реки — озера возвышается над бывш. Ненасытцким порогом, превышая уровень второй террасы. Третья терраса в этом месте не выявлена, ее заменяет пологий склон плато.

В разведке 1950 г. обнаружено три новых пункта (II, III и IV) палеолитических находок², которые, возможно, перемещены древними размывами.

Пункт II обнаружен на берегу Днепра в полукилометре к югу от пункта I, отмеченного в обрыве левого берега Днепра, против бывшего здания сельсовета с. Васильевка. Здесь в озерно-речных наносах пра-Днепра было найдено значительное количество костей мамонта со следами действия воды в древности. Вблизи костей мамонта между галькою и суглинками найдены вымытые водою 27 кремневых отщепов и орудий. Материал: темный и темносерый, пятнистый, матовый кремень и халцедонизированный кварцит.

Среди изделий (рис. 1): срединный резец из халцедонизированного кварцита, скребок с вытянутым рабочим концом en museau (рис. 1, 1), скребок с узким рабочим концом, обработанный высокой ретушью (рис. 1, 2), и нуклевидное орудие из желтого матового кремния (рис. 1, 3). Остальные находки представляют собою короткие отщепы или обломки разных пород, на которых имеется в большинстве случаев односторонняя патинизация. Находки можно датировать ранней порой позднего палеолита.

Пункт III находится в 0,7 км от пункта I на север по берегу, Днепра, напротив усадьбы Полякова. Вымытые водой материалы подняты на поверхности розовых суглинков. В основном, это остатки про-

¹ Археологические материалы, относящиеся к более позднему времени, будут опубликованы в следующих номерах КСИА.

² Пункт I обнаружен в 1949 г. См. О. Бодянський, Загальний відчit за археологічні досліди в порожистій частині Дніпра 1949 р., Научный архив Института археологии АН УССР.

известства из пятнисто-серого, матового и темного кремня, происходящего по большей части из галечников. Размеры отщепов от 3 до 7 см. Особо выделяется скребло овальной формы, мустьерской техники (рис. 1, 4). Нижняя поверхность плоская, вогнутая, с одного конца на брюшке имеет подтеску. Спинка высокая, выпуклая, обработанная ступенчатой обивкой, по краям подправлена мелкой ретушью. Кремень темносерый с коричневым оттенком, прозрачный. Спинка орудия покрыта густой белой патиной. Размер $7 \times 3,4 \times 1,7$ см.

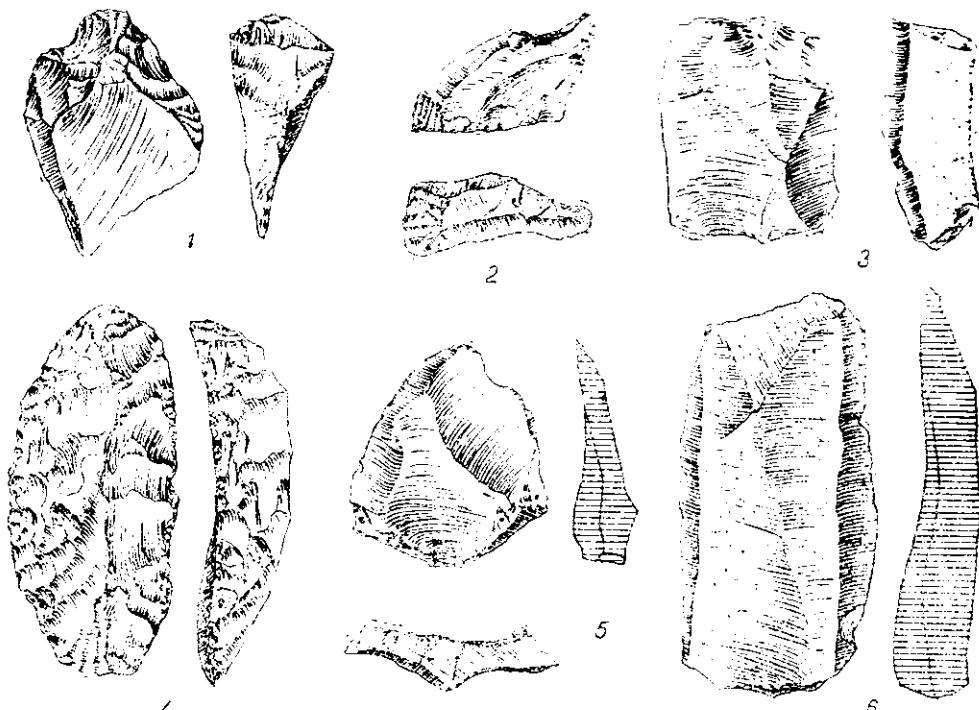

Рис. 1. Село Васильевка. Кремневые орудия.
1—3—пункт II; 4—пункт III; 5—пункт IV; 6—пункт I. Около $\frac{1}{2}$, н. в.

По берегу Днепра, в полукилометре к северу от этого пункта, найдены кости ископаемого тура, залегавшие в озерно-речных песчаных наносах.

Пункт IV находится на берегу Днепра на расстоянии 0,6 км к югу от пункта II. Находки, вымытые водой нового Днепра, подняты на розовых суглинках. Найдено три кремня и расколотая кость быка.

Находки: типичный мустьерский отщеп с широкой основой из темносерого прозрачного кремня, покрытый белой патиной, размером $4,5 \times 4 \times 1$ см (рис. 1, 5), режущее орудие (рис. 2) из наискось расколотого дисковидного нуклеуса, получившее вытянуто-дугобразную форму, в сечении остроклиновидную. Режущий край имеет мелкую подретушовку и заглаженность от работы (?). Кремень темнопепельного цвета, матовый, местами патинизированный. Размер $10 \times 4,5 \times 2,5$ см. Найденное бедро ископаемого быка длиной 0,35 м имеет с одной стороны удлиненный пролом, образованный надрезом (глубина 0,5 см) и несколькими сильными ударами. Кость коричневая с накипью серозеленоватого цвета, что свидетельствует о первичном залегании ее в серозеленоватых суглинках, выхода которых вблизи не обнаружено. Все находки переотложены. Стоянка, вероятно, находилась выше, в сторону

плато на восток. Повидимому, находки следует датировать развитым мустье.

Кроме того, в пункте I в 1950 г. дополнительно собраны остатки производства из темносерого пятнистого матового кремня и халцедонизированного кварцита (идентичного кругликовскому).

Большинство кремней полностью или частично патинизированы. Размеры их 3—9 см. Отдельно следует отметить короткую широкую пластину (рис. 1, б) из халцедонизированного кварцита (размеры

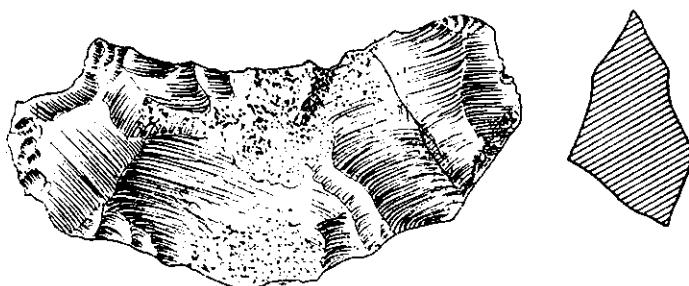

Рис. 2. С. Васильевка, пункт IV. Кремневое орудие. $\frac{2}{3}$ н. в.

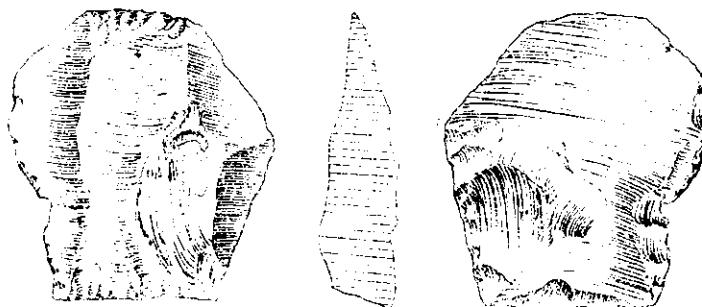

Рис. 3. С. Васильевка, пункт I. Кремневое орудие. Около $\frac{2}{3}$ н. в.

$8,5 \times 4,4 \times 1,4$ см) и резак из широкого, частично патинизированного отщепа, края которого подтесаны со стороны брюшка, повидимому, для закрепления в рукоятке (рис. 3). Верхний конец орудия округлый со следами подправки. Режущие края выщерблены от работы и заглажены. Размер орудия $5 \times 4,5 \times 1,5$ см. Собранные материалы, кроме находок на пункте II, датируются мустьевским временем.

2. В с. Андреевка, возле бывшего Лишнего порога, палеолитические находки обнаружены под левым склоном балки Сухенькой, при опадении ее в Днепр. Находки отдельных кремней встречались тут и ранее. В этом году они были обнаружены в большем числе.

В буророзоватых суглинках обнаружены: расколотая кость ископаемого животного и 27 отщепов и орудий из темносерого непрозрачного кремня, халцедонизированного кварцита и кремнистого песчаника. Находки в большинстве случаев сильно патинизированы, иногда с обеих сторон, и часто покрыты известковой коркой. Они изготовлены из пород, характерных для местных среднепалеолитических местонахождений в районе оз. Ленина, однако относятся, повидимому, к ранней поре позднего палеолита.

Из орудий найдены (рис. 4): пластиновидный отщеп со скошенным концом, обработанным обивной ступенчатой ретушью, которая частич-

но переходит и на край орудия (рис. 4, 1) из сильно патинизированного кварцита (размеры $6,5 \times 2,5 \times 1,6$ см), короткий и широкий подтреугольный отщеп из мелкозернистого песчаника светлосерого цвета, ретушированный на конце и по левому краю (рис. 4, 2), с широким бугорком отбивания (размеры $3,8 \times 3,5 \times 1,5 \times 1$ см). скребок про-

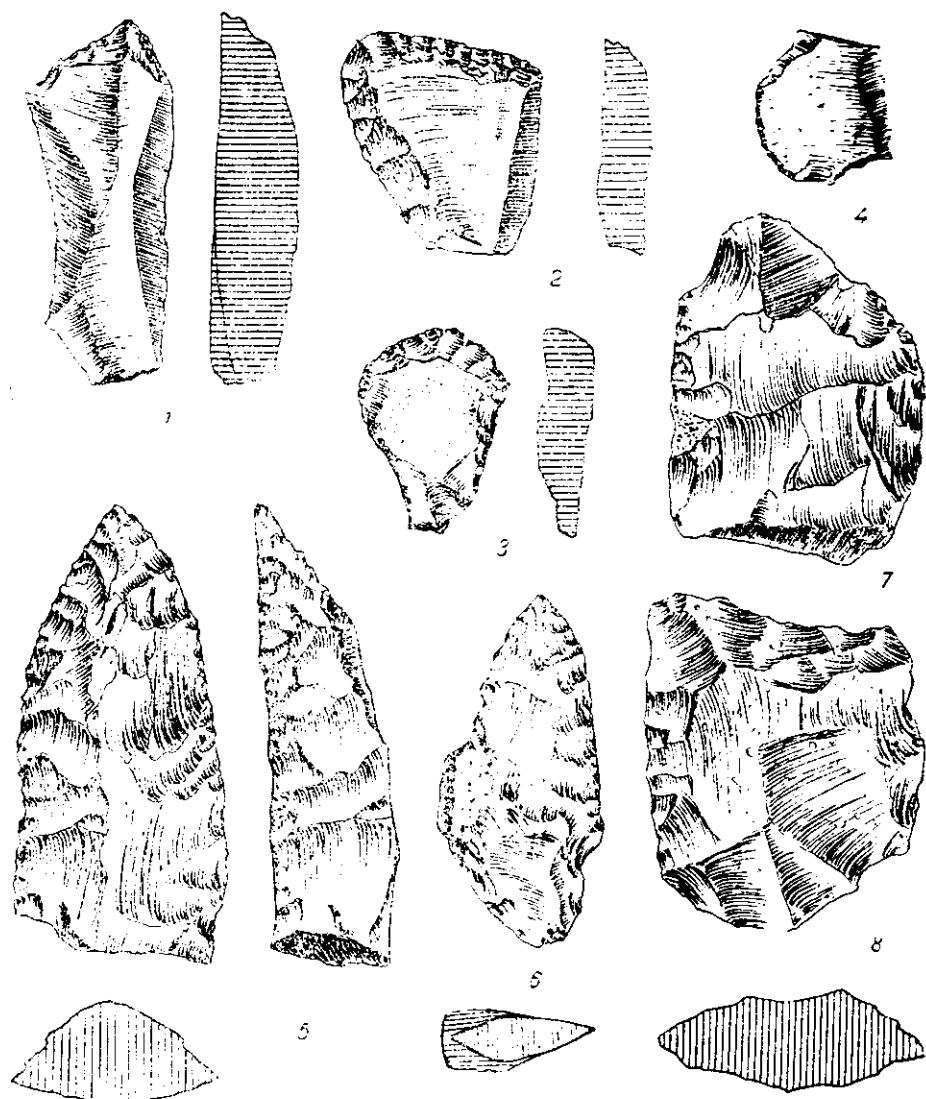

Рис. 4. Кремневые орудия.

1—4—с. Андреевка; 5—Вольнянское местонахождение; 6—с. Федоровка; 7—с. Вовниги; 8—с. Старые Кодаки. 1—4, 6—8—около $\frac{2}{3}$ н. в., 5—около $\frac{3}{4}$ н. в.

долговатой формы, сильно суженный к концу с ударным бугорком (рис. 4, 3). Вершина и края заретушированы отбивной ретушью, рабочий край смят. Кремень прозрачный, темносерый, патинизированный, спинка со следами корки (размеры $3,6 \times 2,6 \times 0,9$ см). Подобный скребок найден на палеолитической стоянке Круглик [1]. Скребочек на фрагменте пластинки с округлым рабочим краем, обработанным на одном из боков микроретушью (рис. 4, 4) (размеры $2,7 \times 2,4 \times 0,7$ см).

3. Вольнянское местонахождение обнаружено еще в 1947 г. Новые находки, вымытые водою, обнаружены приблизительно в 50 м к востоку в сторону плато от местонахождения 1947 г. Найденные кремневый отщеп и острие происходят, повидимому, из горизонта суглинков розоватого оттенка, плотного, в верхних слоях со следами древнего размыва в виде неглубоких рытвин, которые иногда имеют на дне некоторое количество гранитной дресвы. Отщеп, сколотый с дисковидного нуклеуса, с очень широким основанием, сильно выраженным бугорком отбивания, выпуклым брюшком и скошенным левым краем. Кремень коричневый с серыми вкраплениями, мелового происхождения. Нижняя сторона отщепа покрыта беловато-голубой патиной, спинка со следами накипи извести (размеры $8,7 \times 8,5 \times 4$ см). Острие лавролистной формы в нижней части отбитое (рис. 4, 5). Спинка выпуклая, высокая, обработанная ступенчатой ретушью с повторною подправкою краев, покрыта белоголубоватой патиной. Нижняя часть почти плоская, обработана широкой двусторонней обивкой (она обрабатывалась первой). Размеры $8 \times 4 \times 2$ см. Кремень, из которого сделано острие, темносерый с коричневым оттенком, известен с Васильевской стоянки среднепалеолитического возраста. Типичный мустерьерский остроконечник, найденный на этой стоянке в 1947 г.¹, такой же патинизации, изготовлен из такого же кремня.

Вещи одновременны, датируются поздним мостью.

4. В с. Подпорожнянском имеется небольшая безымянная балка. Найдены происходят, повидимому, из желтовато-розового компактного древнего лесса, напоминающего суглинки.

Под левым склоном балки найден кубическо-округлый нуклеус, ограниченный сколами широких коротких отщепов в вертикальном направлении. Верхний конец с негативами отщепов, сколотых в горизонтальном направлении, очевидно, с целью подготовки отбивной площадки. Нижний конец нуклеуса с одной стороны носит следы косонаправленных сколов, вследствие чего он приобрел асимметрическую форму. Нуклеусом могли пользоваться как ударным орудием. Материал — халцедонизированный кварцит (тождественный кругликсовскому) сероватого цвета со слабым фиолетовым оттенком. В одном месте видны следы голубоватой патины, местами — накипь известковых солей (размеры $12 \times 12 \times 10$ см).

Правый берег Днепра

5. Село Федоровка. Под правым склоном балки Канцерки, на уровне третьей террасы, в промежуточном слое между лессом и суглинком, на глубине 2,5 м, найдено острие-нож (рис. 4) лавролистной формы (рис. 4, 6), обработанное достаточно аккуратно двусторонней обивкой с подправкой краев повторной ретушью. Нижняя сторона орудия почти ровная. Правый рабочий край очень острый, обработанный от острия до основания. Левый край с тупым удлиненным выступом, покрытым корою, посередине обработан частично. С правой стороны (внизу) и с левой (вверху) имеются две выемки, возможно, для закрепления орудия в рукоятке. Кремень темносерый с мелкими серыми точечками. Поверхность беловатая, сильно патинирована. Размеры орудия $6,2 \times 3 \times 1$ см.

6. Село Вовниги. Местонахождение под левым склоном балки Башмачка, при впадении ее в Днепр. Найдено вымытое водою небольшое рубильце-резак (рис. 4, 7), изготовленное из широкого отщепа,

¹ Разведки автора. Материалы в научном архиве Института археологии АН УССР.

отколотого от частично окатанного желтовато-бурого кремня. Спинка обработана по краям оббивкою, правый край округлый, левый, рабочий, выравнен подретушевкой. Нижняя сторона вогнутая, подправленная книзу двумя сколами. Поверхности местами с беловатой патиной. В профиле орудие изогнутое, с косым основанием, что характерно для техники раннемустьерского времени. Размеры $6 \times 4.2 \times 8$ см. Следует заметить, что в балке Башмачка часто находят кости мамонтов.

7. Село Войсковое. Палеолитические находки обнаружены над берегом нового Днепра, под правым склоном балки Домашняя. В размытые берега, представляющего собой склон плато или третью террасу, вода вымыла ручное рубило-резак и несколько костей мамонта, не имевших на себе следов действия воды.

Рубило изготовлено из большого обломка расколотого угловатого валуна темносерого кремня с пятнами серой непрозрачной породы. Орудие обработано пятью гранями и в профиле имеет под треугольновыгнутую форму с неровной выпуклой пяткой и почти ровными сторонами, с клиновидным концом, подправленным тремя сколами с обеих сторон, что дает право рассматривать этот конец как ударный. В фас оно также под треугольной формы. Правый край его, округлозвыпуклый от пятки до конца лезвия, подправлен пятью широкими короткими сколами, нанесенными с одной стороны. Этими сколами сформировано острое рабочее жало орудия. Левый край орудия точно так же, как и пятка, плоский, обработанный гранями, приспособленный для охвата рукой. Одна сторона его покрыта густой патиной беловато-сизого цвета, другая — с толстой накипью известняковых солей. Орудие сделано из некачественного кремня, как и найденное на Васильевской раннемустьерской стоянке. Возможно, что эта находка относится к несколько более раннему времени. Размеры орудия $16,6 \times 11,5 \times 10$ см, вес до 2 кг.

8. Село Никольское у Ненасытецкого порога. Находка обнаружена под правым склоном балки Жучьей, при впадении ее в Днепр. В размытой водой третьей террасе, в древнем лессе, на глубине 5 м, обнаружено орудие типа рубила, находившееся *in situ*.

Рубило изготовлено из расколотого валуна халцедонизированного кварцита розового цвета. На месте окатанной поверхности имеются ярко желтые пятна, с боков — шершавая корка. На обработанных местах есть известковая накипь, местами беловатая патина. Форма орудия округло-угловатая, в профиле клиновидная. Пятка и обе поверхности орудия плоские, лезвие обработано двусторонней оббивкой. Орудие довольно грубого изготовления, но с ясно выраженной функцией рубила. Размеры $11 \times 11 \times 4,5$ см.

9. Село Старые Кодаки. Палеолитические находки обнаружены в 1 км к югу от с. Старые Кодаки, под склоном левого берега балки Демской, представляющего собой вторую террасу. Найденные предметы лежали на древних галечниках местных пород, скементированные бурым песком; возможно, что они смыты еще в древности с вышерасположенного плато.

Найденные орудия изготовлены из местной светлозеленоватой породы типа кварцитов (?). Такая порода — в виде жил в граните — обнаружена по берегу Днепра на расстоянии 1 км к югу от балки Демской.

Режущее орудие (рис. 4, 8) из плоско-выпуклого отщепа, обработанное двусторонней оббивкой, в результате чего три его стороны получили зигзагообразно оформленный край, а лезвия, широкая сторона (лезвие) — выравненный ретушью, более острый край. О таком функциональном назначении орудия свидетельствует также и заглаженность его лезвия от работы, чего не наблюдается на других неровных сторонах орудия. Размеры орудия $6 \times 5,4 \times 1,7$ см.

Кроткий и широкий пластиновидный отщеп с выпуклой обратной стороной и широким бугорком отбивания. Спинка отщепа высокая, двускатная с волнистым ребром, образованным в результате двустороннего отбивания отщепов с дисковидного нуклеуса. Размеры $8 \times 5,6 \times 2,2$ см.

Новые кодакские находки следуют, как нам кажется, датировать средним палеолитом. Это первые в бывшей порожистой части палеолитические изделия, изготовленные из местного материала

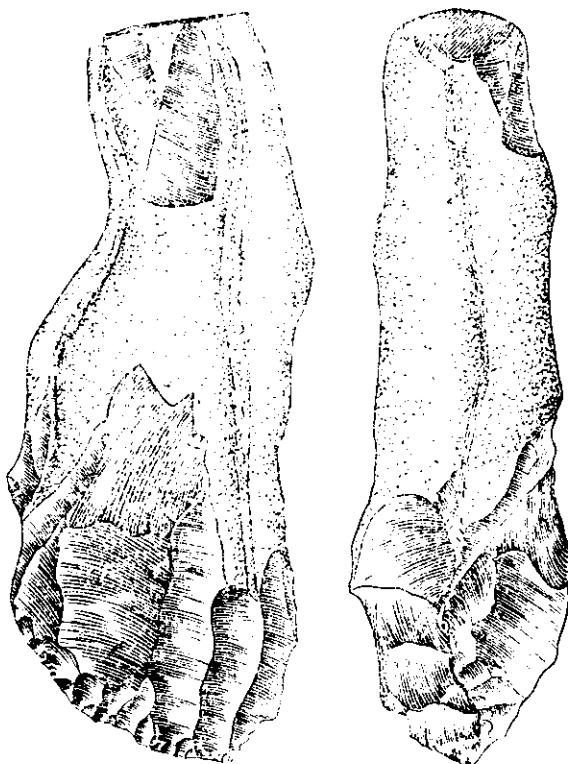

Рис. 5. Гигантолит из с. Старые Кодаки. Около $1/3$ н. в.

10. Село Старые Кодаки. Перед большим Кодакским порогом Днепр делает кругой поворот с запада на юг, образуя на правом берегу высокий мыс, обращенный к востоку, в сторону бывшего порога. На этом мысе расположена известная Кодакская крепость. Высота мыса такая же, как и у склона плато. Край береговой высоты имеет обрывистые гранитные склоны, которые уже более двадцати лет разрабатываются для добычи камня. Карьер постепенно углубляется в сторону плато. При вскрытии лесса и суглинков находили кости мамонтов, в большинстве случаев молодых особей. Кости лежали разрозненно на поверхности склона, в дресве или суглинках, и часто имели коричневую окраску от действия воды в древности. Осенью 1950 г. работница Е. Зиньковская во время вскрытия лесса в южной части карьера нашла гигантолит. При осмотре места находки установлено, что он был обнаружен *in situ*. Гигантолит найден на высоте до 30 м над старым уровнем Днепра и на глубине до 9 м от современной поверхности, в валунном суглинке желтобурого цвета с крупнозернистым песком, с древними размывами поверхности в виде борозд. Гигантолит (рис. 5) изготовлен из большой кремневой конкреции, вероятно, мело-

вого происхождения, покрытой тонкой корой беловатого тона. Один (более узкий) конец стесан попечечным ударом, другой, почти в два раза более широкий, конец обработан в рубящий край орудия. В профиле этот край дает почти симметрический клин. Одна сторона рабочего края, несколько выпуклая, образована пятью параллельными сколами разной длины и ширины (длина 7—10 см, ширина 2—6 см). Другая сторона лезвия образована шестью параллельными наискось направленными сколами, причем нижние сколы были сделаны раньше других. Лезвие орудия со стороны спинки имеет ретушь и стертость, что является результатом работы. Кремень, из которого изготовлен гигантолит, непатинизированный, темного цвета, местами со следами мелких серых точек. Обработанная поверхность получила небольшой блеск (от действия воды в древности?). Размеры орудия: длина 30 см, ширина лезвия 11 см, толщина 7,5 см; обух: ширина 6 см, толщина 5 см; вес до 4 кг.

Этот гигантолит, по нашему мнению, является прототипом топора. Может быть, его заправляли в держак, о чем как будто свидетельствует необработанный тыловой конец и форма конкреции, имеющей изгибы с боков и расширение к лезвию. Нашу находку, возможно, следует датировать верхним палеолитом, не позднее мадлена. Единственную аналогию этому гигантолиту мы имеем в гигантолитах из Новгород-Северского карьера на Десне [2].

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. В. М. Даниленко, Круглик — перша нижньопалеолітична пам'ятка УРСР, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, К., 1949, стр. 326—331.
2. И. Г. Пидопличка, Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска, МИА, № 2, стр. 26—29.

ПОСЕЛЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В с. СОБКОВКА

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ, Г. Т. ТИТЕНКО

Ввиду того, что памятники белогрудовского типа имеют большое значение для решения вопроса о происхождении оседлого населения территории УССР в скифскую эпоху, в этом году снова производились раскопки в районе г. Умань.

Среди археологов до сих пор нет единого мнения о сущности и времени возникновения белогрудовских памятников: одни исследователи считают их остатками жилищ, другие — культовыми местами, третий — тризнами над погребениями с сожжением.

Трудность понимания природы этих памятников усиливается тем обстоятельством, что до последнего времени в районе их распространения не было известно никаких других памятников того времени. Сказанное характеризует тот интерес, который вызвало поселение, обнаруженное этим летом в районе Умани, оказавшееся одновременным белогрудовским зольником.

Поселение находится на северо-восточной окраине с. Собковка, Уманского района, Киевской области. Оно расположено на правом высоком берегу протекающего здесь ручья и тянется вдоль его склона на 500 м и вверх по пологому склону возвышенности на 200 м. Поселение имеет хорошо выраженные внешние признаки в виде большого количества (более 40) едва заметных всхолмлений, равномерно покрывающих всю его площадь (рис. 1). Территория эта систематически распахивается, и все пространство, занятое поселением, густо усеяно культурными остатками в виде кусков печины, битого камня, остатков глиняной посуды, костей животных и кремневых отщепов. Холмики, которыми покрыта территория ссыпываемого поселения, имеют слегка вытянутую форму. Размеры их приблизительно одинаковы: 16—20 м в длину, 8—14 м в ширину. Границы отдельных всхолмлений устанавливаются с трудом, часто только по большей насыщенности культурными остатками. Расстояние между холмиками не превышает 50 м, иногда они почти соприкасаются между собой.

Небольшие разведывательные раскопки имели целью выяснить характер обнаруженных нами всхолмлений¹. Для исследования были выбраны два таких возвышения и пространство между ними. Исследованые холмики ближе других расположены к реке, лучше сохранили свои контуры и меньше распаханы. Размеры первого — 16 × 20 м при высоте 0,2 м; второго — 12 × 16 м при той же высоте. Для выяснения происхождения и структуры насыпей первый холмик был вскрыт двумя перекрещивающимися траншеями (10 × 2 м). Второй холм был перерезан траншевой длиной 15 м через центр, в направлении с севера на юг. Затем был снят грунт его юго-западного сектора; снятие грунта производилось послойно, метровыми квадратами.

¹ Основной задачей экспедиции было изучение ранее нами открытых в этом районе памятников типа зольников.

В наслойениях холма можно проследить три слоя: верхний — **сильно гумусированный** подзол глубиной 0,15 м, слабо гумусированная **глина** темного цвета — 0,1 м, глина светлого цвета материковая. Слои постепенно переходят один в другой, и резких границ между ними отметить нельзя. Культурные отложения в виде линзы слегка западают в негумусированный глинистый грунт. Эти отложения прослеживаются на всей площади раскопа, однако насыщенность слоя не везде одинакова. Наиболее богаты культурными остатками самих всхолмления, где культурный слой достигает 0,25 м. На площади между холмами находок

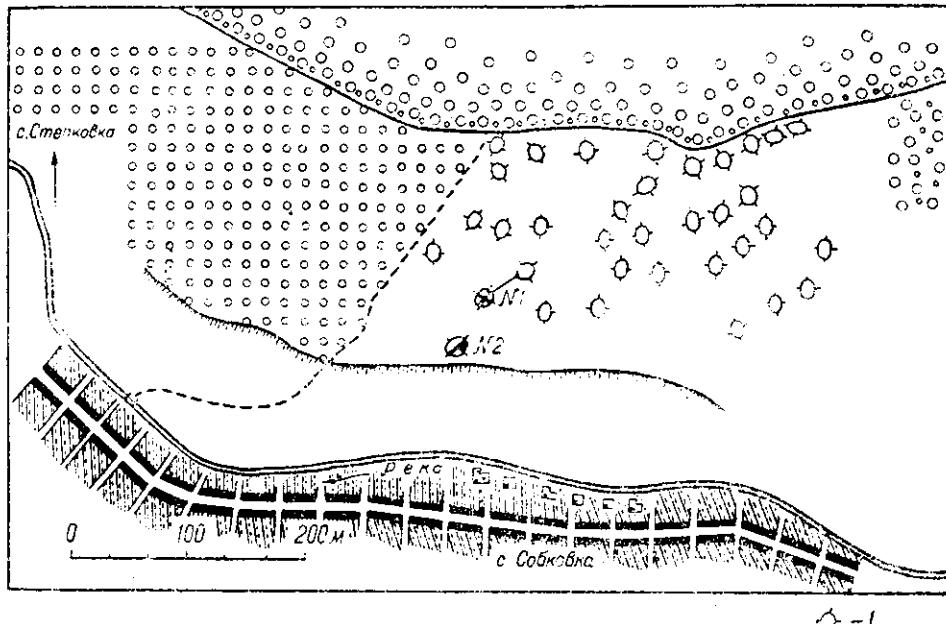

Рис. 1. Схематический план поселения в с. Собковка.
1—всклонения; № 1,2—исследованные всхолмления.

значительно меньше. В раскопе, в основании первого холма, на грунте обнаружены остатки открытого очага, представляющего собой едва заметное углубление ($0,4 \times 0,65$ м), заполненное золой и угольками, сверху приваленное пятью большими камнями. В золе встретилось несколько фрагментов керамики.

В двух метрах от очага находилась яма глубиной 0,55 м, слегка сужающаяся книзу. Яма была заполнена черноземом и, кроме трех чешуек, не содержала других культурных остатков. В самой насыпи было много камня и печины. Камень встречается небольшими кусками; печина пережженная, имеет отпечатки прутьев, на обратной стороне у многих кусков сохранились отпечатки пальцев.

Собранный материал показывает, что культурные остатки, найденные нами во вскрытых насыпях и на пространстве между ними, относятся к одному времени.

В холме № 2, на глубине 0,4 м, было обнаружено небольшое количество фрагментов керамики, отличающейся от керамики культурного слоя поселения. Она представлена обломками сосудов баночного типа с прямым венчиком и слегка округлыми боковыми стенками, украшена орнаментами двух типов — налепным (валиком) и резным (рис. 2). У сосудов, украшенных валиком под краем венчика, идет линия пальцево-ногтевых вдавлений. Тулowiще орнаментировано рядом таких же гора-

зонтальных валиков, гладких или расчлененных вдавлениями; в некоторых случаях валики идут и в вертикальном и в горизонтальном направлениях, покрывая всю поверхность сосуда.

Резной орнамент выполнен в виде параллельных горизонтальных или косых линий. Найдено несколько фрагментов, где сочетается резной и валиковый орнамент. Черепки грубые, плохо обожженные, содержат большое количество песка. Аналогичная керамика известна на поселениях Правобережья и Левобережья: с. Полудневка, Кировоградской области [1], и нижний слой Ширяевского городища, Сумской области [2] — и относится к среднему периоду бронзы. На этом основании только что описанную керамику из нижнего слоя холма № 2

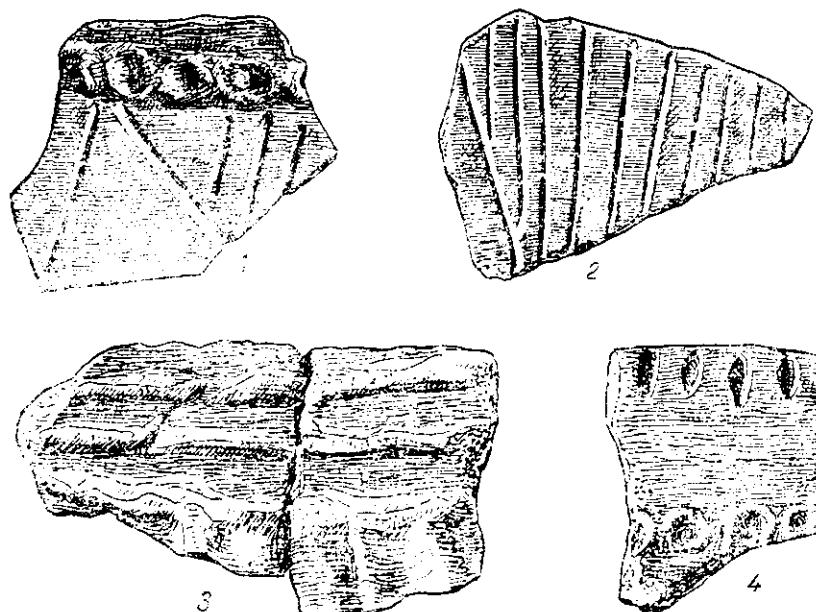

Рис. 2. Керамика с поселения в с. Собковка (верхний слой). 2/3 н. в.

можно отнести к более раннему времени, чем культурный слой самого поселения.

Основную массу находок на поселении составляют обломки лепной посуды. По технике выделки она делится на две неравные группы — лощеную (не более 15%) и без лощения. Качество лощения очень различное, часто залощена только внутренняя поверхность. Керамическая масса плотная с небольшой примесью слюды, иногда графита, обжиг хороший. Имеются основания думать, исходя из форм сосудов, что большинство из них принадлежит к категории столовой посуды. Такая посуда представлена прежде всего большим количеством фрагментов глубоких блюд с профилированными стенками и отогнутым наружу краем венчика. Некоторые из них имеют своеобразный орнамент в виде налепного отростка, помещенного под венчиком (рис. 3, 5). Подобные миски известны из раскопок А. И. Тереножкина под Уманью — в с. Краснополка и урочище Синицын лес [3].

Встречаются обломки крупных сосудов, украшенных разным орнаментом в виде глубоких, выполненных зубчатым штампом, косых коротких линий, иногда скомбинированных в треугольники. Судя по орнаменту, подобные сосуды напоминают вазы из Войцеховского могиль-

ника [4], имеющие короткий отогнутый венчик, круто профилированные стенки и небольшое плоское дно. Почти целый сосуд такого типа встречен в раскопках этого года в насыпи белогрудовского типа у с. Собковка.

Встречено несколько фрагментов черпаков. Черпаки глубокие с чуть отогнутым венчиком, округлыми стенками и дном, имеющим с внешней стороны небольшое вдавление (рис. 3, 6). Подобные черпаки из-

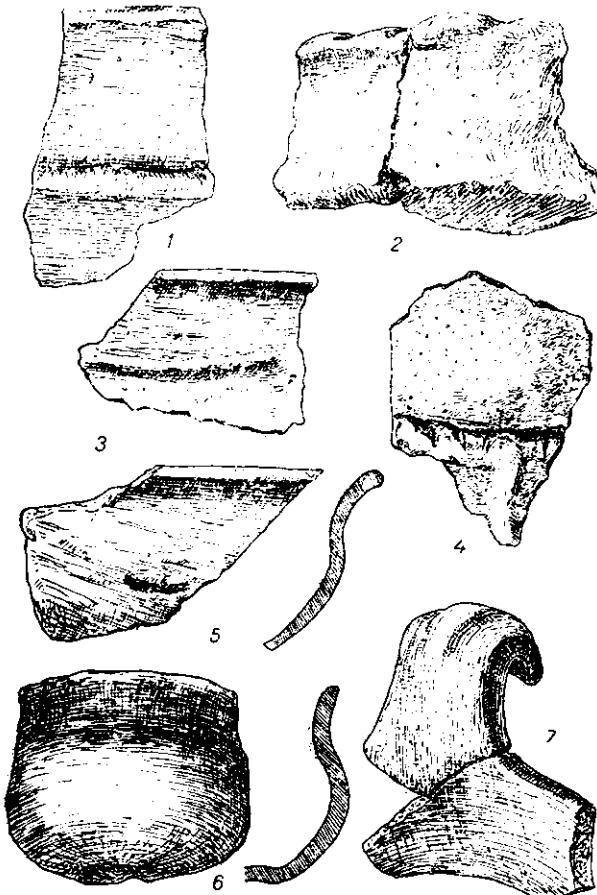

Рис. 3. Керамика с поселения в с. Собковка
(верхний слой).

1-4, 6- $\frac{3}{4}$, и. в.; 5, 7- $\frac{1}{2}$, и. в.

вестны из могильника у с. Федоровка, Запорожской области [5], датированного VIII в. до н. э.

Интересен фрагмент большого сосуда с ленточной ручкой, имеющий продольное едва заметное ребро — особенность, характерная для памятников комаровского типа (рис. 3, 7).

Большую группу составляет нелощеная, очевидно, кухонная посуда. Поверхность ее чаще шероховатая, реже слегка заглаженная. Глина содержит большую примесь зерен кварца. Преобладающую массу здесь составляют обломки сосудов в виде высоких банок со слегка расширяющимися и отогнутыми краями, украшенные всегда по плечику налепным валиком (рис. 3, 1, 3). Валик встречается двух видов — гладкий и расчлененный, с пальцевыми вдавлениями (рис. 3, 4). Обычно он склонен, но в некоторых случаях концы налепов не сходятся, а загибаются вниз

Сосуды других типов редки. Среди них чаще встречаются обломки горшков с сильно отогнутым венчиком, удлиненной прямой шейкой и округлыми стенками. По технике изготовления они подобны вышеописанным, но среди них представлены и сосуды с лощеной поверхностью; орнамент у них отсутствует. Интересна находка обломка низкого суда с толстым плоским дном и низкими, поставленными под углом к дну, стенками. Обрез края закруглен и разделен редкими косыми вдавлениями. Выделка грубая, поверхность неровная, сохранились отпечатки пальцев (рис. 3, 2).

В небольшом количестве встретились обломки грубо выделанных миниатюрных сосудов, а также предметов, напоминающих пряслица, но с очень небольшим отверстием. Их немного, хотя по форме и величине они довольно разнообразны: конические, плоские, усеченные [высота около 2,0—2,5 см, диаметр 2,5—3,0 см (рис. 4, 1, 2)].

В небольшом количестве встретились обломки грубо выделанных миниатюрных сосудов, а также предметов, напоминающих пряслица, но с очень небольшим отверстием. Их немного, хотя по форме и величине они довольно разнообразны: конические, плоские, усеченные [высота около 2,0—2,5 см, диаметр 2,5—3,0 см (рис. 4, 1, 2)].

Из кремневых изделий найдены вкладыши для серпов и большое количество отщепов (рис. 5).

Костей животных собрано много, большинство из них раздроблено, некоторые обожжены. Из костяных изделий имеются проходки (рис. 4, 3) и шилья. Изделия из камня представлены обломками зернотерок и растиральных камнями.

Рис. 4. Пряслица и проколка с поселения в с. Собковка.
2/3 н. в.

Наличие большого количества простой кухонной посуды с гладкими и расчлененными валиковыми налепами, а также значительное количе-

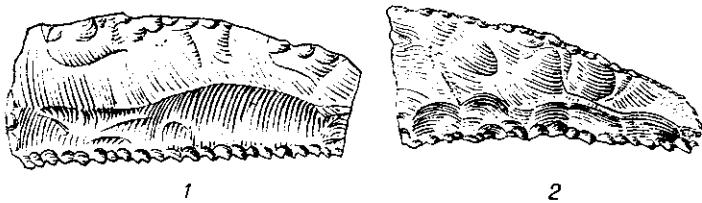

Рис. 4. Пряслица и проколка с поселения в с. Собковка. 2/3 н. в.

ство лощеной посуды свидетельствует о синхронности рассматриваемого поселения с памятниками предскифского времени, широко распространенными в лесостепной полосе правобережной Украины.

Для поселений этого времени типичным является расположение на первых надпойменных террасах, незначительное распространение предметов оружия и отсутствие укреплений, а также долговременное использование кремня для производственных целей, что свидетельствует о мирном характере жизни на них.

Наиболее близко рассмотренному поселению — поселение у с. Ворошиловка, Житомирской области [6], которое по месту расположения, внешним признакам и характеру найденного материала почти повторяет Собковское поселение.

То же сочетание почти неорнаментированной баночной керамики с керамикой, украшенной резным орнаментом, отсутствие строительных остатков и очажных конструкций характерны и для более западных районов.

К тому же примерно времени относится дюнное поселение близ с. Подгорцы, Киевской области¹. На Левобережье аналогию для описанного поселения следует видеть также и в Белозерском поселении (Херсонская область) [7].

Линия исторического развития, очевидно, идет, если говорить об известных нам памятниках Правобережья, от Войцеховки к Ворошиловке, Белогрудовке, Собковке, Сандракам [8] и Немировскому городищу. Особенно ярко эта линия прослеживается в более южных районах среднего Днепра, где укрепленные поселения VII в. до н. э. (поселение близ Черного леса) [1] уже обнаруживают тесную связь с памятниками белогрудовского типа.

Большое количество кремневых серпов, зернотерок, прядиль, костей животных, найденная на Ворошиловском поселении фигурка свиньи свидетельствуют об оседло-земледельческом быте местного населения пред斯基фского времени.

Помимо интереса, который представляет собой Собковское поселение для понимания белогрудовского комплекса — складывающегося здесь впервые культурного комплекса, который потом с небольшими изменениями входит в качестве основы в жизнь местных племен скифской лесостепи,— открытое нами поселение любопытно также для понимания его связи с памятниками типа зольников той же эпохи.

На первый взгляд белогрудовские зольники и открытое поселение имеют много общего: 1) наличие насыпей приблизительно одинаковых размеров; 2) насыпь обычно содержит большое количество различных культурных остатков, близких по составу (керамика, кости животных, кремень, обломки камней); 3) не сохранились или отсутствуют признаки каких-либо прочных конструкций. Однако многое и отличает белогрудовские насыпи от поселения. Основное различие и, пожалуй, самое главное заключается в их расположении.

Белогрудовские зольники, как правило, располагаются далеко от воды (не ближе 0,5 км), обычно на водоразделах. Они состоят из маленьких групп — по два — пять холмов, причем расстояние между такими отдельными группами бывает не меньше 500 м. Рассмотренное поселение почти плотную примыкает к реке, его ближайшие всхолмления находятся в 50 м от воды. На поселении, занимающем площадь 10 га, располагается более 40 всхолмлений, расстояние между которыми не превышает 30 м.

Существенные и различия в структуре самой насыпи. В основании зольников, как по данным А. И. Тереножкина, так и по нашим чаблюдениям в ходе раскопок этого года, находится материковое всхолмление высотой 15—20 см, образовавшееся, очевидно, в результате выборки земли вокруг холма. На поселении, наоборот, культурный слой слегка западает в материк в виде неглубокой линзы или уступа. И, наконец, если на поселении культурный слой в большей или меньшей мере занимает всю площадь между холмами, то в зольниках он резко обрывается у края насыпи.

Третий признак, отличающий зольник от поселения, состоит в том, что находки в них в общем одни и те же (керамика, кости, кремень, печина, небольшое количество костяных и кремневых орудий), но количественное соотношение их весьма различно. Фрагменты керамики, по количеству занимающие первое место на поселении, принадлежат более крупным сосудам; кроме того, здесь много обломков мисок, в то время как в зольниках они единичны. Интересно соотношение миниатюрных сосудов. При раскопках, произведенных Уманским музеем в Белогру-

¹ Раскопки 1950 г. В. Н. Даниленко, Материалы в фондах Института археологии АН УССР.

довке, затем А. И. Тереножкиным в Синицыном лесу и, наконец, в этом году в Собковке, выяснилось, что количество миниатюрных сосудов, найденных в зольничных холмах, колеблется от 25 до 35 на холм. На поселении же в процессе раскопок и сбора большого подъемного материала было обнаружено всего три фрагмента миниатюрных сосудов.

Кости, кремень и печина неравномерно насыщали отдельные зольники. В холме № 13 имелось 195 кремневых отщепов и изделий; в холме № 12 не встретилось ни одного кремневого отщепа; в холме № 11 обнаружено 11 кусков камней, в холме № 12 — 1976. Костей в холме № 10 встречено 84, в холме № 13 — 704 [9]. На поселении в обоих раскопах наблюдалась одинаковая насыщенность всеми культурными остатками.

Последняя особенность, о которой следует упомянуть, говоря о различии между обнаруженным поселением и обычными памятниками белогрудовского типа, состоит в том, что на поселении имеется огромное количество печины, большие куски которой встречаются и в культурном слое и прямо на поверхности, где они лежат целыми кучками. В зольниках также встречается печина в довольно значительном количестве, однако своеобразие ее заключается в том, что, во-первых, она вся пережжена до кирпичного цвета и, во-вторых, раздроблена на очень мелкие кусочки (диаметром 2—3 мм).

Факт одновременного существования двух типов памятников, относящихся к одному времени, один из которых представляет собой, бесспорно, поселение, а второй — курганообразные насыпи, существенно отличающиеся от поселения как в силу своего расположения и стратиграфии, так и по характеру вещественного материала, дает основание предполагать, что известные до сих пор памятники белогрудовского типа не являются остатками жилищ.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. А. И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне р. Тясмин, КСИИМК, вып. XLIII, изд. АН СССР, 1952, стр. 80 и сл.
2. В. А. Ильинская, Городище скіфского временни на р. Сейм (публикуется в сб. «Археология», т. VIII).
3. О. І. Тереножкін, Поселення білогрудівського типу біля Умані, «Археологія», т. V, К., 1951.
4. О. Ф. Лагодовська, Войцехівський могильник бронзової доби на Волині, «Археологія», т. II, К., 1948.
5. Сообщение А. В. Бодянского, 1949 г., Научный архив Института археологии АН УССР.
6. Є. Махно, Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерів (Житомирська експедиція, 1945 р.), «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, К., 1949.
7. О. А. Кривцов-Гракова, Поселение бронзового века на Белозерском лимане, КСИИМК, вып. XXVI, изд. АН СССР, 1950.
8. Е. Ф. Лагодовская, Археологические исследования верхнего Побужья в 1949—1950 гг. Научный архив Института археологии АН УССР.
9. Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету за археологічні досліди року 1925, К., 1926, стр. 74—80; Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1926 р., К., 1927, стр. 79—83.

**КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ АН СССР ПО ВОПРОСАМ СКИФО-САРМАТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

E. V. МАКСИМОВ

Работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» является исторической вехой в развитии науки. В работе изложены теоретические основы марксистского языкоznания, освещены важнейшие вопросы истории общества, диалектического и исторического материализма. Эта работа стимулировала расцвет не только советского языкоznания, но и других наук, дала новый толчок развитию всех других областей знания.

До выступления товарища Сталина значительная часть советских археологов находилась в пленау ошибочного, вульгарно-материалистического «нового учения о языке» Марра. Поэтому в решении важнейших вопросов древней истории нашей Родины исследователи допускали грубейшие ошибки или же оказывались в тупике. Особенно это относилось к археологам, занимавшимся вопросами этногенеза и использовавшим для своих построений вульгаризированные Марром данные языкоznания.

В скифоведении применение марровской «стадиальности» привело к тому, что скифскую культуру видели на огромной территории, простирающейся от Венгрии до Тихого океана. Имя скифов присваивалось различным нескифским племенам, обитавшим на огромных пространствах Европы и Азии. Такая трактовка искажала прежде всего понимание действительного процесса исторического развития древних племен Юго-Восточной Европы.

Последователи Марра в скифоведении охотно занимались социологизаторством, а под флагом борьбы с вешеведением умаляли значение археологического материала.

После выхода в свет труда товарища Сталина по языкоznанию перед археологами открылись широкие возможности путем свободного обмена мнениями избавиться от вульгарно-материалистических ошибок, привнесенных «новым учением» Марра о языке, от влияния взглядов Ростовцева и других буржуазных ученых.

В последнее время появились статьи крупнейших наших ученых, критически рассматривающих прежние работы [1] и намечающих новые пути исследования. В научных учреждениях состоялись заседания, посвященные обсуждению трудов товарища Сталина по языкоznанию и их значения для археологии и истории [2].

Эти работы были только началом той большой перестройки, которая происходит сейчас в области изучения древней истории СССР. Многое предстоит сделать и в скифо-сарматской археологии. Здесь еще имеются существенные недочеты, вызванные влиянием Марра и его последователей: скифам и сарматам, без учета их языковой принадлежности, приписывается роль предков славян; преувеличивается значение автохтонного развития племен в скифо-сарматское время; умаляется

роль греческих городов Северного Причерноморья в истории скифо-сарматских племен. Крупнейшим недостатком является отсутствие марксистского обобщающего труда по истории и археологии скифо-сарматского времени.

Для обсуждения этих назревших вопросов была создана конференция Института истории материальной культуры Академии наук СССР по вопросам скифо-сарматской археологии.

В работах конференции приняли участие более 100 археологов, историков и лингвистов различных городов Советского Союза; было зачитано и обсуждено 23 доклада.

В коллективном докладе сотрудников ИИМК АН СССР Б. Н. Гравкова, А. И. Мелюковой, Н. Н. Погребовой «Основные культуры скифского времени в Причерноморье» высказаны следующие взгляды на Скифию и скифов. Авторы считают ошибочным распространение термина «скифская культура» на степные памятники Заволжья и Южной Сибири. Этот термин с полным правом может быть применен только к культуре степного Северного Причерноморья (нижний Буг, нижний Днепр и приазовские степи) и Крыма. Более того, к Скифии, где обитали этнически родственные племена кочевников и земледельцев, говорившие на диалектах северо-иранской языковой группы, нет никаких оснований относить обитавшие далее на север племена Лесостепи. Эти племена, хотя и имели сходные со скифскими оружие и конский убор и лишь немного отличающийся звериный стиль в изделиях искусства, характеризуются резко отличными от степных племен обрядом погребения, жилищами, поселениями и керамикой. Такое понимание Скифии, по мнению авторов доклада, может способствовать установлению роли отдельных племен геродотовой Скифии в этногенезе восточных славян.

Лесостепная полоса Молдавии, Украины и РСФСР была занята племенами различного происхождения. В западной части этой территории, где со II в. до н. э. существовала раннеславянская культура (поля погребений), начиная со скифского периода вполне вероятно искать культуру части древнейших славян, которую следует связывать с историей племен летто-литовской языковой группы, имеющей со славянами давнюю языковую связь.

Этническое единство степных причерноморских скифов, засвидетельствованное письменными памятниками (Геродот), находит свое отражение в археологических памятниках. С VI в. до н. э. на территории степной Скифии наблюдается однообразное оружие, конская сбруя, звериный стиль украшений. От окрестностей Ольвии до Елизаветовской станицы на Дону — всюду встречаются одни и те же формы лепной керамики, происходящие из позднесрубной культуры.

С V в. до н. э. здесь начинает устанавливаться катакомбный обряд погребения, проникающий с IV в. на север, в бассейн Тисы, не заменивая, однако, прежнего погребального обряда правобережной Лесостепи. Этот обряд в целом соответствует с IV в. территории собственно степных скифов как оседлых (земледельцев), так и кочевников.

Скифская культура в Крыму происходит от той же культуры позднего бронзового века. Она характеризуется такой же керамикой, но отличается от степной разнообразием погребальных сооружений и ритуала.

Культура синдо-меотских племен в Прикубанье и Восточном Приазовье имеет некоторые общие черты с культурой лесостепной части Северного Причерноморья, выраженные в очень сходной керамике, известной из могильников земледельческого населения и некоторых городищ. С III—II вв. до н. э. здесь наблюдается появление новой культуры, связанной с проникновением сюда сарматов.

Культура сарматов приволжско-уральских степей, относимых к североиранской языковой группе, возникшая в VII—VI вв. до н. э., имеет

ряд сходных черт с культурой лесостепных, скифских и сино-могильских племен при наличии сходства с соседними культурами Западной Сибири.

Сходство всех указанных культур можно объяснить историческими связями, в которых заметную роль играли степные племена, распространявшие путем торговых связей так называемое скифское оружие, конский убор и произведения, выполненные в зверином стиле. Влияние этих культур заметно в ряде мест Приуралья, Сибири, Средней Азии и Кавказа.

Важным достижением советской археологии является успешное разделение четырех указанных больших культур на ряд локальных вариантов, облегчающее выявление подлинно этнических групп и выяснение их роли в древней истории СССР. В результате этого разделения выясняется также расселение скифских и сарматских племен, что дает возможность согласовать данные античных письменных источников с археологическими.

Б. Н. Греков в докладе «К истории степного скифского царства» сказал, что труды товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания», содержащие указания на наличие в эпоху рабовладения народностей, имевших свою экономическую базу, общий для всех классов язык, образующих относительно прочное государство, имеют важнейшее значение в борьбе с неправильной концепцией Ростовцева о феодальном скифском государстве в Причерноморских степях. Не феодальное государство, а союз родственных племен с наличием рабства и родоплеменной аристократии — такова степная Скифия с VII по V вв. до н. э. В IV в. на месте этого племенного союза возникает объединенное царство Атея, подчинившее окончательно скифов-земледельцев. Это царство, основанное на рабовладении, частично, вероятно, такого же характера, как в Фессалии или Спарте. Падение Атея обусловило некоторое территориальное сокращение скифского государства, но это продолжало существовать, ибо осталась в силе прежняя экономическая основа — вывоз хлеба через причерноморские города-колонии. Скифская аристократия стремилась захватить хлебный экспорт в свои руки; в связи с этим скифы подчинили себе Ольвию, постоянно враждовали с Херсонесом, организовали свой флот. Центр царства во II в. до н. э. переносится в Крым — это тем более было необходимо, что сарматы в начале II в. до н. э. нанесли скифам военное поражение и продвинулись до Днепра и даже далее на запад — до Дуная.

Крымское царство II в. до н. э. — это новая форма скифского рабовладельческого государства с наличием городской аристократии, владевшей огромными зерновыми богатствами, быт которой мало чем отличался от греческого. Нельзя согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что скифское царство представляло собой конгломерат племен в духе империй древнего Востока, что и явилось основной причиной их гибели. В состав скифского царства входили этнически родственные племена. Оноказалось достаточно сильным, чтобы не попасть под власть античных государств.

В этих двух докладах скифо-сарматская проблема изложена в наиболее обобщенном виде. Другие доклады и выступления, касавшиеся отдельных сторон проблемы, дополняли, уточняли или содержали возражения, выдвинутые в двух основных докладах.

Доклад А. А. Иессена «Некоторые памятники Северного Кавказа VIII—VII вв. до н. э.» был посвящен анализу новых скифских памятников келермесского типа, позволяющих утверждать, что раннескифская культура, представленная этими памятниками, развивалась одновременно с культурой поздней бронзы. В это время межплеменные связи были весьма сильны, о чем свидетельствует довольно широкое распространение двукольчатых и стремячковидных уди. Широкое распростра-

жение железа следует относить не к VI, как до сих пор считалось, а к VIII—VII вв. до н. э., о чем убедительно говорят открытые материалы.

Б. Б. Пиотровский в докладе «Раннескифские памятники Закавказья» и Е. И. Крупнов в докладе «Походы скифов (По материалам памятников Кавказа)» сообщили о новых ценных материалах, освещавших раннюю историю скифов в связи с их походами в Малую Азию.

И. В. Яценко прочла доклад о связях степных скифов с соседними племенами по материалам конского убира, свидетельствующим, во-первых, о характере развития звериного стиля в IV—III вв. до н. э. и, во-вторых, о наличии тесных связей между племенами Среднего Приднепровья и Фракии. Можно также говорить о связях скифов с племенами, жившими к северу (Воронежская область). Вместе с тем следует отметить, что племена Кубани были более оторваны от скифов Нижнего Приднепровья, чем западные и северные племена.

Значительный интерес представляют доклады, освещавшие историю и археологию лесостепных племен предскифского и скифского времен.

Усилиями археологов, главным образом киевских (пять из семи докладов на эту тему были прочитаны сотрудниками Института археологии Академии наук Украинской ССР), обнаружены новые интересные материалы, дающие возможность по-иному, более убедительно, чем до сих пор, осветить некоторые страницы древней истории Украины, внести ясность в отдельные стороны важной проблемы происхождения славян.

А. И. Тереножкин (Киев) доложил о памятниках предскифской эпохи в Среднем правобережном Приднепровье (чернолесский этап), датируемых концом IX — началом VII вв. до н. э. Эти памятники за последние несколько лет были изучены на территории северной части Кировоградской и южной части Киевской области. Они представляют собой небольшие городища — родовые поселения, тогда как для скифского времени характерны обширные племенные городища. В многочисленной и разнообразной посуде, разнообразных бронзовых изделиях местного производства, в костяных изделиях господствует геометрический орнамент; украшений в зверином стиле еще нет. Главная форма погребального обряда — кремация с захоронением в урнах и в бескурганных могильниках. Она является исконной в Среднем правобережном Приднепровье и наряду с другими признаками позволяет связывать приднепровские племена не с востоком и югом (с собственно скифскими и киммерийско-фракийскими племенами), а, вероятнее всего, с древнеславянскими племенами Прикарпатья. Следует считать, что Среднее Приднепровье входило в состав Скифии, в результате чего испытало сильное влияние скифской материальной культуры, которая теряет свой облик лишь после политического падения Скифии. А. И. Тереножкин отмечает неизменность этнического состава лесостепного Правобережья для доскифского и скифского времен, о чем свидетельствует генетическая связь раннескифской керамики с керамикой предскифского времени. Археологические материалы не оставляют сомнений в том, что оседлые земледельческо-скотоводческие племена Скифии («скифы-пахари») — местного происхождения. Поэтому можно говорить о глубочайшей древности славян на Правобережье, которое, вероятно, являлось древнейшим и ведущим центром славянского этногенеза.

В ходе обсуждения, в котором наряду с археологами приняли участие и языковеды, тезис докладчика о Скифии как объединении этнически различных племен встретил возражения и не был одобрен¹. Следует отметить, что решения этого вопроса на конференции достигнуто не было.

¹ Дискуссия подробно освещена в информации Т. Златковской, опубликованной в ВДН. 1952, № 3, стр. 173—185.

Участие в работах конференции ученых различных специальностей было весьма плодотворным; можно только приветствовать прочный научный контакт между языковедами и археологами, который до сих пор у нас полностью отсутствовал.

Доклад С. С. Березанской (Киев) «Новые памятники белогрудовского типа» содержит сведения о памятниках предскифского времени Правобережья, исследованных за последние два-три года. Эти памятники представлены так называемыми зольниками, известными уже в литературе по работам Уманского музея, и впервые обнаруженным поселением. О назначении зольников высказывались различные мнения (остатки жилищ, могильные сооружения, места культового характера). Новые материалы, а также внимательный анализ известных в науке аналогий (Немировское и Бельское городища) дают основание видеть в белогрудовских зольниках сооружения культового характера, связанные с выполнением религиозных обрядов и жертвоприношением. Памятники белогрудовского типа чрезвычайно интересны потому, что они принадлежат оседлому земледельческому населению, жившему на этой территории во времена, непосредственно предшествовавшие появлению исторических скифов. Они вместе с близкими к ним памятниками чернолесского типа характеризуют культуру предскифского времени (X—VII вв. до н. э.) Среднего Приднепровья.

Доклад на тему «Культура скифского времени северо-западной части Среднего Поднестровья» прочла А. И. Мелюкова. Раннескифская культура характеризуется на этой территории керамикой, аналогичной чернолесской и жаботинской (см. ниже доклад Е. Ф. Покровской). Погребения совершались в курганах с каменными насыпями (исследованы сотрудником Института археологии АН УССР И. Г. Шовкоплясом); преобладающим обрядом было трупоположение в скорченном виде, хотя встречается и трупосожжение. Характерно отсутствие скифского металла, греческой керамики. Жилища были наземными, поселения представляли собой родовые неукрепленные поселки небольших размеров. Инвентарь свидетельствует об отсутствии связей между населением этой территории и скифскими племенами; сходство же с белогрудовской, чернолесской и жаботинской группами говорит, во-первых, об общности этнической основы и, во-вторых, о тесных таких связях вплоть до V в. до н. э. Это дает основание утверждать, что племена Поднестровья скифского времени не были фракийскими, а, по всей вероятности, как и приднепровское население этого времени,— древнейшими славянами. В дальнейшем, с V в. до н. э., пути их исторического развития расходятся: Среднее Приднепровье вошло в состав Скифии («скифы-пахари»), Среднее Поднестровье, где жили, повидимому, невры, осталось самостоятельным.

О памятниках той же эпохи на Среднем Приднепровье — селище раннего железного века на Тарасовой горе, близ Жаботина,— прочла доклад Е. Ф. Покровская (Киев). Докладчик датирует селище раннескифским временем (VII — начало VI в. до н. э.), следующим непосредственно за переходным периодом — белогрудовским, чернолесским. Жилища на поселении были, возможно, наземные, сооруженные с применением высокой строительной техники, керамика хорошей выделки, представляющая дальнейшее развитие форм переходного времени (городищ типа Чернолесского, Залевкинского). Наряду с этим появляются уже и формы, характерные для раннескифского времени. Металлические бронзовые предметы говорят о связях с западными племенами (комаровская и высоцкая культуры) и с территорией Кавказа.

О новых исследованиях известного могильника у с. Высоцкое, Львовской области, дающих, по мнению докладчика, основание пересмотреть датировку высоцкой культуры, установленную польскими ис-

следователями, сообщил В. И. Канивец (Киев). Могильник содержит материалы VIII—V вв. до н. э., в то время как Т. Сулимирский датировал его VII—I вв.

Доклад В. А. Ильинской (Киев) был посвящен вопросу о керамике скифских погребений Посулья. Материалы этих погребений дают возможность установить существенные локальные отличия между керамикой скифского времени северо-восточного лесостепного Левобережья (бассейн рек Сулы, Псла, Северского Донца) и керамикой других территорий Лесостепи — Правобережья и бассейна р. Ворсклы. Возникновение этих локальных особенностей следует отнести ко времени не позднее начала VI в. до н. э. Основываясь на этих фактах, В. А. Ильинская высказала предположение о том, что культура скифского времени в лесостепном Левобережье, в отличие от Правобережья, сложилась на иной культурной и, вероятно, также этнической основе. Такой основой могла явиться позднесрубная культура, один из ярких центров которой известен в бассейне Северского Донца.

Доклад «Хронология памятников Лесостепи в скифскую эпоху» прочел П. Д. Либеров.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные памятникам пред斯基фского и скифо-сарматского времени Крыма и Кубани: «Таврские памятники эпохи бронзы и раннего железа» С. Ф. Стржелецкого, «Исследования Неаполя-Скифского в послевоенный период» П. Н. Шульца, «Позднее скифское государство» Э. И. Соломоник, «Скифские курганы Крыма» Н. Н. Погребовой, «Из истории связей Скифии и Фракии (по материалам Крыма)» А. П. Манцевич, «Синдика в VI—IV вв. до н. э.» Н. В. Анфимова, «Этапы развития культуры населения Среднего Прикубанья скифо-сарматского времени» К. Ф. Смирнова.

Собственно сарматам, кроме обобщающего доклада К. Ф. Смирнова «Итоги и перспективы сарматской археологии в советской науке», был посвящен доклад М. И. Вязьмитиной (Киев) «Сарматский некрополь с. Ново-Филипповка, Запорожской области».

К. Ф. Смирнов, охарактеризовав успехи сарматоведения в СССР, отметил недостаточную изученность сарматских памятников на территории Украинской ССР. Изучение сарматов Северного Причерноморья является в настоящий период одной из важнейших задач сарматской археологии. Огромное значение для изучения сарматов имеют археологические исследования на территории великих строек коммунизма, приведшие уже в 1951 г. к открытию новых памятников сарматской культуры.

М. И. Вязьмитина рассказала об одном из таких памятников, открытых при строительстве водохранилища на р. Молочной. Здесь был обнаружен сарматский могильник, в различных по устройству погребальных сооружениях которого находилась многочисленная местная и привозная посуда, оружие, изделия из металла, стекла, камня, пасты и кости времени рубежа н. э. Могильник принадлежал рядовому сарматскому населению, частично уже осевшему в долине р. Молочной и поддерживавшему оживленные торговые связи с городами Северного Причерноморья. Это население, как установлено на основании устройства могильных сооружений и погребального ритуала, являлось одним из роксоланских племен, передвинувшихся сюда из Приволжских степей. Значение могильника как исторического источника тем более велико, что, как уже отмечалось, сарматские памятники степной полосы УССР еще плохо изучены.

Конференция с удовлетворением констатировала успехи экспедиционных работ по скифо-сарматской археологии на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе и в Поволжье, материалы которых явились основой представленных докладов.

Конференция постановила:

1. На основе марксистско-ленинской теории, гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкоznания продолжать борьбу со всемозможными проявлениями антиисторической «теории» Марра, с различными проявлениями буржуазной идеологии в вопросах скифской и сарматской истории и археологии.
2. Продолжать начавшийся после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкоznанию плодотворный контакт с языковедами по разработке вопросов этнической принадлежности носителей различных групп культуры скифского и сарматского времен.
3. Углублять изучение больших культурных групп и их внутреннего членения в целях более отчетливого выяснения состава племен и народностей скифской и сарматской эпохи и их роли в образовании современных народов СССР и формировании их культур.
4. Глубже изучать социальный строй и пути исторического развития племен — носителей скифо-сарматской культуры.
5. Полнее выяснить характер взаимоотношений скифских и сарматских племен с их соседями.
6. Особое внимание обратить на изучение культуры лесостепной полосы скифского времени в связи с вопросом о происхождении славян, а также на элементы скифской и сарматской культур, вошедших в славянскую и позднее — в русскую культуру.
7. Глубже изучить роль местных племен в истории античных городов Северного Причерноморья и культурные связи этих центров со скифо-сарматским миром.
8. Ускорить создание сводного труда по истории скифов и сарматов на марксистско-ленинской основе и публикацию уже имеющихся материалов, а также осуществить намеченную ИИМК сводку материалов по археологии скифо-сарматского времени. Просить Государственный Эрмитаж ускорить подготовку издания ценнейших материалов из раскопок больших скифских курганов (Солоха, Куль-Оба и др.).
9. Возможно теснее координировать работы родственных институтов и учреждений в разрабатываемой области археологии, особенно ИИМК, Института археологии АН УССР, Крымского и Молдавского филиалов АН СССР.
10. Расширить полевые археологические исследования памятников скифского и сарматского времен, особенно в районе великих строек коммунизма; при этом особое внимание обратить на изучение поселений. Поручить ИИМК АН СССР совместно с представителями других научно-исследовательских учреждений разработать перспективный план полевых исследований в области скифо-сарматской археологии в свете поставленных настоящей конференцией задач.
11. Положить в основу научно-исследовательской работы в вопросах скифо-сарматской археологии творческий метод дискуссий, научной критики и самокритики, считать необходимым периодический созыв конференций по скифо-сарматской археологии.
12. Просить дирекцию ИИМК АН СССР в возможно кратчайший срок издать материалы настоящей конференции.

Конференция явилась дальнейшим шагом вперед в изучении проблем скифо-сарматской истории и археологии.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. П. Третьяков, Некоторые вопросы происхождения народов, ВИ, 1950, № 10; М. И. Артамонов, Труды товарища Сталина по вопросам языкоznания в советской археологии, СА, XV; В. В. Струве, Проблема происхождения нации и вопросы древней истории, ВДИ, 1951, № 2; С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкоznания для развития советской этнографии, СЭ, 1950, № 4; В. М. Сорокин, Некоторые вопросы истории первобытного общества, СЭ, 1951, № 3; С. В. Кисилев, Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина по языкоznанию, КСИИМК, вып. XXVI, а также переводовые статьи журналов «Вопросы истории», 1950, № 8 и «Вестника древней истории», 1951, № 2, 3.
2. А. Монгайт, Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкоznании в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР, ВДИ, 1950, № 3; Обсуждение статей товарища Сталина по вопросам языкоznания в Институте истории АН СССР, в Институте этнографии АН СССР, ВДИ, 1950, № 4; Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам языкоznания, КСИИМК, вып. XXXVI.
-

ПОДГОТОВКА НОВЫХ КАДРОВ АРХЕОЛОГОВ

(Кафедра археологии КГУ)

Л. М. СЛАВИН

Большие успехи советской археологической науки явились результатом коренной идеино-теоретической перестройки археологии, которая развивалась как органическая часть марксистско-ленинской истории общества, с одной стороны, и широко поставленных полевых археологических исследований, принимающих с каждым годом все более широкий размах, с другой. Коммунистическая партия и советское правительство обеспечили все возможности для успешного развития археологических исследований, предоставив для этого большие средства.

Одним из решающих условий успехов советской археологической науки является подготовка новых кадров. Такие кадры готовились в Московском, Ленинградском и других университетах, на специально созданных в 1922 г. археологических отделениях.

В 1939 г. была начата подготовка археологов и в Киевском университете, возобновленная после Великой Отечественной войны в 1945 г. При историческом факультете Киевского университета им. Т. Г. Шевченко была создана единственная на Украине кафедра археологии, которая должна готовить молодые кадры археологов.

Учебный план кафедры по подготовке археологов построен на основе стабильного учебного плана Министерства высшего образования СССР для исторических факультетов университетов. В настоящее время учебный план кафедры содержит 22 дисциплины и учебные мероприятия, распределяющиеся по курсам следующим образом.

1-й и 2-й курсы являются общими для всего факультета. На первом семестре 1-го курса читается общий курс «Основы археологии», ставящий своей целью ознакомление студентов с археологией как наукой и главнейшими чертами основных групп археологических памятников.

Специализация по археологии начинается с 3-го курса по такой программе:

1. Каменный век
2. Бронзовый век
3. Железный век
4. Методика и техника полевых археологических работ
5. Основы топографии и техники графических работ
6. Курсовая работа по темам древней истории СССР
7. Учебно-производственная практика в археологической экспедиции

Программа 4-го курса:

1. Славяно-русская археология
2. Античная археология
3. Музееоведение и краеведение

4. История археологических знаний
5. История искусства докапиталистических формаций
6. Курсовая работа по темам археологии СССР
7. Учебно-производственная практика в археологической экспедиции

Программа 5-го курса:

1. Семинар по археологии первобытного общества
2. Семинар по славяно-русской археологии
3. Семинар по музееведению и краеведению
4. Учебно-производственная практика в музее
5. Учебно-производственная экскурсия по музеям и археологическим учреждениям Москвы и Ленинграда
6. Дипломная работа на археологическую тему
7. Государственные экзамены по археологии

Вся педагогическая работа кафедры в настоящее время целеустремленно направлена на выполнение следующих главнейших задач: проведение всего учебного процесса на основе марксистско-ленинской методологии, при широком использовании трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, освещение роли и приоритета древних народов нашей Родины в развитии человеческой культуры, разоблачение расистских, космополитических, националистических и других извращений в археологии и древней истории, самого широкого использования классического труда товарища И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания», борьба с марристскими антинаучными построениями.

В результате осуществления этой программы студенты получают определенный объем знаний по основным отраслям археологии и музееведения. Курсы и семинары направлены прежде всего на то, чтобы ознакомить студентов с разнообразными разделами археологии нашей страны от древнейших времен до средневековья, т. е. всех тех эпох, единственными или основными историческими источниками для которых являются вещественные памятники. Ни одна более или менее значительная группа археологических памятников не только Европейской, но и в значительной мере Азиатской части СССР не остается вне поля зрения учебной работы. Совершенно обязательным при этом является подробное усвоение памятников Украинской ССР, с которыми наши выпускники встречаются в своей практической работе в первую очередь. Попутно студенты знакомятся с главнейшими чертами археологических памятников зарубежных стран, особенно по тем курсам и эпохам, для которых устанавливаются определенные связи древнего населения нашей страны с древним населением Южной и Центральной Европы, древнего Востока и ряда азиатских областей.

Прививая студентам специальные навыки исследования древних вещей, преподаватели обучают их не только техническому, формальному определению каждого предмета, его типологических и технологических особенностей, датировки, места производства. Главная задача при этом заключается в том, чтобы по древним орудиям производства, предметам домашнего обихода, вооружению, украшениям, памятникам искусства, по комплексам находок и устройству стоянок, селищ, городищ, могильников суметь восстановить картину производительных сил древних обществ, общественных отношений людей, суметь установить конкретные особенности развития докапиталистических общественных формаций на той или иной территории, у того или иного народа. Таким образом, задача заключается в том, чтобы обучить студентов искусству возможно больше извлечь из памятников древности данных об обществе и людях, их создавших.

Обучение сопровождается показом больших достижений советской археологической науки, ее замечательных открытий, методологических

достижений, освещением работ археологов — лауреатов Сталинских премий.

К сожалению, существует целый ряд неясностей по многим очень важным вопросам учебной работы кафедр археологии. Отрицательным оказалось и то обстоятельство, что Министерство высшего образования СССР за послевоенное время не собирало ни разу совещаний по вопросам подготовки новых кадров археологов и музейных работников.

Учитывая насущные потребности практики, кафедра археологии КГУ проявила инициативу и предложила расширить музееведческий раздел учебного плана. Эти предложения были одобрены, и в учебный план кафедры археологии КГУ с 1952—1953 учебного года внесены следующие изменения:

На 2-м курсе вводится общий для всего факультета курс «Основы музейного дела». Таким образом, все студенты-историки будут изучать историю и теорию музейного дела, методику составления и реализации тематических и экспозиционных планов, методику собирательской и хранительской, экскурсионной, лекционной и других разделов внутримузейной, краеведческой и политпросветительной работы музеев.

Вместо одного ранее читавшегося курса «Музееоведение и краеведение» и одной музейной практики вводятся три музееведческих курса и две музейных практики. На 3-м курсе будет прочитан курс «Методика экспозиционной и экскурсионной работы» (с музейной практикой по этой дисциплине на 4-м курсе). На 4-м курсе будут прочитаны курсы: «Хранение, учет и обработка коллекций» (с музейной практикой по этой дисциплине на 5-м курсе), «История музейного дела».

В тематику курсовых и дипломных работ включены темы по истории и теории музейного дела.

Все это несомненно повысит качество подготовки новых кадров специалистов.

Одним из наиболее трудных моментов организации учебной работы является вопрос о программе каждого курса (вопрос о том, что отобрать для курса и от чего отказаться) в связи с лимитом времени и очень большой загруженностью студентов, которые не освобождаются от дисциплин по профилю истории СССР и УССР. Кафедра разработала программы по всем курсам и семинарам. За ограниченностью места мы не можем здесь остановиться на характеристике программ, составленных кафедрой. В этих программах учтен опыт преподавателей нашей кафедры, а также преподавателей археологических и музееведческих дисциплин Московского и Ленинградского университетов, учтены новейшие достижения археологической науки, советской исторической мысли. Однако кафедра не считает действующие программы совершенными и продолжает работать над их улучшением.

Учебный план специализации по археологии и музееведению является дополнением к большому и разветвленному плану факультета, основной задачей которого является подготовка историков-марксистов. Этот план обеспечивает студентам широкие возможности для овладения учением и методологией марксизма-ленинизма, для изучения истории в полном ее объеме — от далекой древности до сегодняшних дней.

Большую роль в деле обучения студентов археологическим и музееведческим дисциплинам играет учебно-производственная практика.

На 3-ем и 4-ом курсах студенты проходят практику в археологических экспедициях в течение месяца каждый год, где они обучаются основным приемам ведения разведочных и раскопочных работ, не только овладевая их методикой и техникой, но и закрепляя полученные на лекциях и семинарах знания. В первые после Великой Отечественной войны годы экспедиционная практика проводилась в Каневском заповеднике Киевского университета, позже она была перенесена в Ольвийский запо-

зедник Академии наук УССР, с прошлого года она ведется в районе великой стройки коммунизма на юге УССР.

Музейную практику студенты проходят в музеях Киева, преимущественно в Киевском историческом музее. Элементами этой практики являются все основные разделы музейной работы: вопросы экспозиции, хранения и инвентаризации музейных фондов, экскурсионной работы.

Наконец, во время трехнедельной учебно-производственной экскурсии в Москву и Ленинград студенты знакомятся с сосредоточенными там археологическими собраниями и с постановкой музейного дела.

Одной из баз учебной работы кафедры является организованный в университете кабинет археологии. В кабинете комплектуется археологическая коллекция учебных образцов главнейших типов вещественных памятников, а также коллекции фотографий, рисунков, демонстрируемых во время лекций и семинарских занятий.

Весьма важную роль в воспитании студентов играет студенческий научно-исследовательский археологический кружок. В кружке обычно состоят студенты, специализирующиеся по археологии (3, 4 и 5-го курсов) и те из студентов 1 и 2-го курсов, которые интересуются археологией. Каждый из кружковцев работает над выбранной им темой под руководством одного из преподавателей кафедры. Тематика докладов весьма разнообразна, чаще всего — это вопросы археологии древнерусских городов, древних славян, скифских племен, рабовладельческих городов Причерноморья и др. Лучшие доклады зачитываются на исторической секции ежегодной общеуниверситетской студенческой научной конференции.

Кафедра практикует и другие формы работы кружка. Время от времени устраиваются встречи кружковцев с видными археологами Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Состоялись, в частности, встречи с археологами лауреатами Сталинской премии проф. Т. С. Пасек, проф. М. К. Карагером, проф. М. М. Герасимовым и др. В последнее время мы стали проводить встречи членов кружка с выпускниками кафедры, являющимися сейчас научными сотрудниками и аспирантами Института археологии или киевских музеев.

Кафедра археологии ведет и научно-исследовательскую работу. Члены кафедры работают над темами по археологии Украины и музееведению¹.

Кафедра участвует в общественной и воспитательной работе исторического факультета и университета в целом. Так, работники кафедры взяли на себя организацию экскурсий всех студентов факультета в музеи и заповедники г. Киева. В 1950—1951 учебном году было организовано 20 экскурсий; в первом семестре 1951—1952 учебного года проведено 16 экскурсий.

Работники кафедры выступают с лекциями и докладами в студенческих общежитиях, на других факультетах, в киевских школах. Начата организация кинопропаганды достижений советских археологов. Создается кинофильм о методике и технике раскопок древних городов.

Преобладающее большинство выпускников (кафедра сделала уже восемь выпусков) работает в областных музеях Украины, многие из них работают в киевских музеях, в частности в заповеднике «Киево-Печерская лавра», Историческом музее.

Значительная часть воспитанников кафедры археологии исторического факультета КГУ учится в аспирантуре Института археологии Академии наук УССР и кафедры археологии, работает научными сотрудниками Института археологии, преподавателями университета. Пять человек уже закончило аспирантуру, трое защитили кандидатские диссертации.

¹ См. статью Л. Д. Дмитрова, публикуемую в этом сборнике.

ции, четыре человека будут защищать диссертации в ближайшее ~~время~~, четверо работает над диссертациями в настоящее время.

В работе кафедры имеются спределенные недостатки, в частности в обеспечении студентов учебниками и пособиями по археологии и музееведению, которых почти вовсе нет. В лекционной работе кафедры иногда имеет место чрезмерное увлечение вещеведческой, фактологической стороной курсов за счет недостаточно широкого исторического освещения той или иной темы, того или иного периода. Порою лекции недостаточно направлены против националистических и космополитических извращений в области археологии и древней истории. Ректорат, деканат и партийная организация университета оказывают всемерную помощь кафедре, повседневно следят за ее работой. Посещение лекций преподавателей кафедры археологии преподавателями других кафедр, рецензирование стенограмм лекций, обсуждение работы кафедры на пленумах факультета — все это способствует повышению идеино-теоретического уровня читаемых лекций.

Очень цenna помощь, которую оказывает кафедре Институт археологии Академии наук УССР, предоставляющий студентам возможность пользоваться своей библиотекой, выставкой, археологической коллекцией, привлекающей студентов к участию в экспедициях. Следует отметить также помощь Киевского исторического музея, являющегося одной из важнейших баз изучения студентами археологического материала и прохождения музейной практики. Эти связи должны быть значительно расширены.

Изживая недостатки в своей работе, кафедра археологии Киевского университета им. Т. Г. Шевченко будет постоянно улучшать подготовку новых кадров археологов и музейных работников.

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ ВУЗОВ УССР
В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ**

Л. Д. ДМИТРОВ

Непосредственной задачей наших высших учебных заведений является не только организация учебно-педагогического процесса, но и научно-исследовательская работа.

Научно-исследовательскую работу в вузах организуют кафедры, которые печатают статьи в «Научных записках» вузов, монографии, диссертации, авторефераты, доклады и т. п. работы профессорско-преподавательского состава, а также лучшие работы студентов.

Научно-исследовательская работа по археологии и древней истории, проводимая в государственных университетах и в педагогических институтах Украинской ССР, представляет возможность дать общий библиографический обзор важнейших ее результатов и познакомить читателей с тем вкладом, который сделан вузами за послевоенное время в области историко-археологической науки.

Киевский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко

VIII научная сессия, Тезисы докладов, Секция истории, Киев, 1951 г.

В издании помещены тезисы трех докладов по археологии и двух по истории, имеющих непосредственное отношение к археологии.

Канд. исторических наук Л. Е. Кизя, «К вопросу истории Киевской Руси в свете трудов товарища Сталина о языке»

Автор констатирует, что советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией, провели огромную работу в области изучения и теоретического обобщения вопросов происхождения Киевской Руси и внесли ценный вклад в дело борьбы против фальсификаторов истории. Однако в результате влияния ошибочных положений Марра некоторые историки (Юшков и Мавродин) продолжали еще утверждать, что термин «Русь» прошел несколько стадий развития и одно время употреблялся для обозначения «классовой организации строителей древнейших городов на Руси». Кроме того, до последнего времени еще существовал взгляд, что Киевское государство возникло не на местной этнической основе в силу имущественного неравенства и классовой борьбы, а в силу внешних причин, по воле князей-объединителей и захватчиков.

Труды И. В. Сталина о языке нанесли всем этим толкованиям уничтожающий удар и дали основание для категорического утверждения, что хотя в состав Киевской Руси и входили некоторые неславянские племена, она отнюдь не может быть отнесена к числу разнолеменных

конгломератов и эфемерных государств типа империи Цезаря и Карла Великого. Киевская Русь была однородным славянским государством, и возникла на местной этнической основе в силу своего внутреннего развития.

Ст. преподаватель М. Д. Мелащенко, «Оборонительные сооружения Ольвии как исторический источник»

Исходя из положения, что оборонительные сооружения рабовладельческих городов-колоний Северного Причерноморья являются важным источником для освещения социально-экономических явлений жизни города, М. Д. Мелащенко утверждает, что мешные оборонительные стены Ольвии говорят о расцвете этого города в первой половине IV в. до н. э. и о начале упадка общественной жизни города во второй половине IV в., особенно в III и II вв. до н. э.

Обострение отношений со скифами, внутренняя социальная борьба, восстания рабов ослабляли, по мнению автора, обороноспособность города.

Вопросы, поставленные М. Д. Мелащенко, не новы; об оборонительных сооружениях Ольвии имеются работы Капошиной и Карасева. Тем не менее и статья М. Д. Мелащенко представляет известный интерес. Насколько можно судить по тезисам, существенным ее недостатком является социологизм. Можно сделать содержание этой статьи более конкретным, если строить основные положения на открытых в Ольвии археологических памятниках. Кроме того, при обсуждении вопроса об оборонительных сооружениях Ольвии нельзя обойти без рассмотрения вопрос об акрополе, существование которого, как известно, частью исследователей Ольвии споривается.

Ст. преподаватель Н. Н. Бондарь, «Торговля Ольвии со Скифией в VI—IV вв. до н. э.»

Доклад Н. Н. Бондаря, насколько можно судить по напечатанным тезисам, является частью его кандидатской диссертации. Он посвящен исследованию торговых связей Ольвии с городами античного мира и с населением Скифии, выяснению границ проникновения греческой и ольвийской продукции вглубь Скифии и установлению характера ольвийско-скифских торговых отношений. Основной задачей работы является опровержение концепций буржуазных ученых, идеализировавших греко-скифские отношения и указывавших на якобы культуртрегерскую роль рабовладельческих городов-колоний.

Главной заслугой Н. Н. Бондаря, несомненно, является обобщение обширного археологического материала греческого происхождения, выявленного в разных местах глубинной Скифии и впервые собранных автором из многочисленных, труднодоступных и в значительной своей части неизданных материалов. Однако автор переоценивает значение торговли между Ольвией и Скифией, не указывая на возможные иные способы распространения греческих изделий, как, например, в виде «даров», которыми Ольвии приходилось откупаться от своих воинственных соседей и т. д.

Недостатком работы Н. Н. Бондаря является и то, что в ней слабо отображена социально-экономическая обстановка глубинной Скифии. Автор уделил много внимания характеристике хозяйственно-экономического развития Ольвии, тогда как о скифах сказано значительно меньше.

Необходимо также отметить, что автором весьма недостаточно использован эпиграфический и нумизматический материал.

Доц. Б. Е. Радзиковский, «Экономические воззрения древнего мира»

Исходя из учения товарища Сталина о базисе и надстройке, автор указывает, что идеология, порожденная соответствующим базисом, в свою очередь оказывает влияние на формирование этого базиса и что рабовладельческий строй античного общества вызвал к жизни определенную экономическую теорию, оказавшуюся в свою очередь активной силой, формирующей и укрепляющей рабовладельческие порядки. Главнейшие представители экономической мысли древней Греции (Ксенофонт, Платон и Аристотель) впервые поставили вопросы о разделении труда, об обмене, деньгах, накоплении, прибыли, процентах и т. п., решая их в интересах рабовладельческого общества. Таким образом, исследование экономических воззрений древних греков и римлян убеждают нас на конкретных примерах в том, что экономическая идеология в древнем мире в руках господствующих классов служила мощным орудием для сохранения прежних производственных отношений даже в тех случаях, когда производительные силы перерастали эти отношения и вступали с ними в противоречие.

Весьма актуальный и содержательный доклад Б. Е. Радзиковскогоносит черты абстрактности и значительно выиграл бы, если бы основывался на анализе конкретных исторических фактов.

Канд. исторических наук Г. Г. Винницкая, «Местные терракоты Ольвии как исторический источник»

Доклад Г. Г. Винницкой является сокращенным изложением ее кандидатской диссертации. Он посвящен вопросу о терракотах, выявленных в довольно значительном числе (более 300 экземпляров) во время археологических раскопок на территории Ольвии и остававшихся до последнего времени не только неизученными, но даже, за небольшим исключением, неописанными и неопубликованными.

Публикуя все выявленные ольвийские терракоты, сведения о которых разбросаны по многочисленным и малодоступным архивам и литературным источникам, а также музеям Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Николаева, и подвергнув их технологическому и стилистическому анализу, автор первый пришел к выводу, что большинство этих терракотов (75%) является не привозными, а местными ольвийскими изделиями, изготовленными в мастерских коропластов.

Возникшая в основном в архаическое время ольвийская коропластика применялась на всех этапах существования Ольвии, причем в каждом периоде ольвийские терракоты, как устанавливает автор, имеют свои художественные особенности, направленные в целом к созданию реалистических изображений. Особенного же развития изготовление терракотов в Ольвии достигает в эллинистическое время.

Терракоты являются надежным источником наших сведений о быте населения Ольвии, в частности об одеждах, головных уборах, украшениях ольвиополитов, и дают некоторые сведения об их религиозных убеждениях. Поэтому дальнейшее изучение находок терракотов Ольвии, а равно и других городов Северного Причерноморья необходимо для заполнения тех пробелов в изучении истории культуры скифо-сарматской эпохи, которые еще имеются в науке.

Однако следует отметить, что основной тезис содержательной работы Г. Г. Винницкой о том, что 75% известных терракотов местного изготовления, несмотря на все произведенные анализы, не доказан вполне убедительно и требует дополнительных исследований.

Л. М. Славин, «К изучению каневского Поднепровья в археологическом отношении».

В своем докладе, напечатанном в виде кратких тезисов, автор констатирует на основании конкретных материалов, что каневское Поднепровье — один из наиболее насыщенных, «если не самый насыщенный», древними памятниками районов УССР. В недрах его находятся остатки многочисленных и разнообразных археологических памятников, начиная от стоянок первобытных охотников и вплоть до городищ времени Киевской Руси.

Однако несмотря на такое большое научное значение Каневской группы археологических памятников, она все еще остается мало изученной. Автор считает, что «развертывание и усиление работы университетского Каневского заповедника, а также организация археологического отдела при историческом факультете открывают широкие перспективы и возможность начать в недалеком будущем систематические археологические раскопки на каневском Поднепровье».

Наукові записки, том, IX, вип. 5, Труди Канівського біогеографічного заповідника, № 8, Київ, 1950.

В издании помещены две статьи, посвященные описанию и исследованию археологических памятников Каневщины.

В. А. Богусевич, «Древнейшее славянское поселение на Пилипенковой горе».

Статья содержит описание раскопок поселения зарубинецко-корчеватской культуры, произведенных в 1948 г. вблизи Канева, на Пилипенковой горе. В раскопанной части обнаружены остатки пяти наземных жилищ, причем в трех случаях были открыты остатки очагов. Подковообразный очаг одного из жилищ отличался значительными размерами и был сложен из камня. По мнению исследователя, не исключена возможность, что открытое сооружение было культовым жертвенным местом данного поселения. Внутреннее пространство жилищ обильно насыщено остатками глиняных сосудов и костями домашних животных. Среди керамического материала выявлена привозная античная амфорная керамика конца I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. Это свидетельствует о значительных торговых связях местного населения с причерноморскими городами, возможно Херсонесом и Босфором, в постескифское время. Нахodka амфорной ручки с клеймом, вероятно византийского времени, свидетельствует о длительном существовании поселения.

На основании найденных вещей и костных остатков автор считает, что жители этого поселения занимались охотой и рыболовством, а также, вероятно, земледелием, хотя непосредственных доказательств этого пока не выявлено.

Исследуя ряд аналогичных памятников, автор замечает, что раскопки на Пилипенковой горе «положили начало исследованию поселений корчеватской культуры», носители которой, по его мнению, возможно, были предками летописного племени полян.

Как публикация материалов раскопок поселения корчеватской культуры статья В. А. Богусевича имеет большое значение. Интересны также и выводы автора, которые, однако, в ряде случаев проблематичны. Недостатком можно считать несколько путанное использование автором терминологии: он говорит то о корчеватской культуре, то о корчеватской «стадии», то о «типе».

М. Брайчевский, «Древнеславянские памятники Каневщины».

В этой статье автор, отмечая, что Каневщина занимает особое место среди других районов Среднего Приднепровья по количеству известных здесь находок времени первой половины и середины I тысячелетия н. э., останавливается на предметах ювелирного производства, пальчатых или лучевых фибулах, браслетах с расширенными концами и других предметах, приписываемых антам. Эти вещи встречены на Каневщине не только в виде случайных находок, но также и в кладах, которые, как справедливо отмечает автор, до сих пор мало изучены.

Указывая на местное производство этих предметов, что подтверждено находкой мастерской в с. Грищинцах, автор ставит вопрос о связи антских вещей VI—VII вв. с культурой полей погребений, которую он и считает принадлежащей собственно антам. В связи с этим автор приходит к заключению, что «концепция раннего средневековья, так называемой эпохи великого переселения народов, должна быть пересмотрена. Не готы, гунны, авары и прочие кочевые народы, побывавшие в качестве случайных гостей на территории Северного Причерноморья в III—VII вв., являлись ведущей исторической силой, определявшей основные линии культурного развития, как это думали буржуазные ученые. Такой ведущей исторической силой было то местное земледельческое в своей основе население, которое с глубокой древности занимало пространство Среднего Приднепровья, т. е. восточные славяне. Археологические памятники Каневщины говорят нам об этом со всей убедительностью».

Поставленная в этой статье М. Ю. Брайчевским антская проблема весьма актуальна. Поэтому, хотя некоторые высказывания автора звучат еще не вполне убедительно и не могут считаться достаточно аргументированными, они должны быть в дальнейшем разработаны.

Недостатком статьи является отсутствие иллюстраций.

*

Необходимо также отметить студенческие работы, напечатанные в изданиях Киевского университета¹. Так, в брошюре «Студенческие научные работы, Сборник VII, История и филология» напечатана статья студ. 2-го курса исторического факультета Г. Г. Винницкой «Археологи в художественной литературе». Как показывает само заглавие статьи в ней автор, ознакомившись с многочисленной художественной литературой, в которой фигурируют археологи, краеведы, коллекционеры, знакомит читателя с образами и типами их. Статья представляет интерес не только для археолога, но также и для литератора.

В брошюре «V научная студенческая конференция 23 апреля—5 мая 1948 г.» напечатаны тезисы доклада студ. 4-го курса исторического факультета Е. В. Максимова на тему «Значение и место скифов в жизни Ольвии». Насколько можно судить по кратким тезисам, автор в своем докладе отмечал, что местное население Северного Причерноморья сыграло весьма важную роль в факте возникновения, а затем и существования Ольвии, будучи той средой, в которой жила Ольвия и от которой в значительной степени и зависела. Состояние социального развития скифов не могло не оказать влияния на исторические судьбы Ольвии, поскольку процесс разложения первобытно-общинного строя Скифии, ускоренный благодаря торговой деятельности греков, сначала способствовал расцвету, а затем и упадку Ольвии.

¹ Обзор печатной продукции других вузов УССР будет помещен в следующем сборнике.

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

(Обзор археологических материалов)

И. Г. ШОВКОПЛЯС

Киевский государственный исторический музей по богатству археологических материалов (свыше 300 тыс. предметов) является одним из крупнейших музеев нашей страны и самым крупным на Украине.

Экспозицию музея, в том числе его археологических отделов, ежегодно посещают десятки тысяч трудящихся со всех концов Советского Союза. Только в 1951 г. музей посетило более 110 тыс. человек. Экспозиции археологических отделов посещает большое число организованных групп (в 1951 г.— более 2000). Экскурсанты — учащиеся школ и техникумов, студенты вузов, курсанты военных училищ, солдаты Советской Армии, рабочие, колхозники, служащие — на памятниках материальной культуры закрепляют свои знания древней истории нашей Родины. Над фондовыми материалами постоянно работают ученые Москвы, Ленинграда, Киева и других городов нашей страны.

Научные сотрудники музея принимают постоянное участие в экспедиционных работах Института археологии Академии наук Украинской ССР¹.

Археологические материалы, собранные в музее, в основном найдены на территории УССР. Все они накапливались на протяжении длительного времени—около столетия—и состоят из материалов отдельных сокровищ и музеев дореволюционного времени, а в большей части — из раскопок археологических памятников, произведенных Академией наук УССР и музеем в годы Советской власти. Среди коллекций имеются также материалы с территорий братских республик — РСФСР, БССР, МССР.

Немецко-фашистские захватчики нанесли музею огромный ущерб. Почти все археологические материалы были увезены в Германию, где значительная часть их оказалась уничтоженной или депаспортизованной, особенно материалы по истории первобытного общества и коллекция с территории строительства Днепрогэса им. Ленина. В 1947 г. музею была возвращена значительная часть его материалов.

Археологические коллекции музея имеют важное значение как первоисточники, освещающие древние периоды истории человеческого общества на всей южной территории Европейской части СССР.

Палеолит. Среди палеолитических коллекций прежде всего следует указать на материалы из раскопок Пушкаревской и Мезинской стоянок.

Материалы стоянки Пушкари I (главным образом кремневые орудия и отходы производства, общим числом более 30 тыс. предметов)

¹: Большая часть материалов из раскопок, проведенных в послевоенные годы, находится в Институте археологии Академии наук Украинской ССР.

обнаружены в 1932—1933 гг. при первых раскопках стоянки (М. Я. Рудинский) и частично опубликованы.

Мезинская стоянка представлена многочисленными и разнообразными кремневыми орудиями и костями животных (более 20 тыс. экземпляров), полученными во время раскопок 1930 и 1932 гг. (М. Я. Рудинский). Материалы не изданы. Из раскопок 1909 г. (П. П. Ефименко) в музее хранятся известные изделия из бивня мамонта, в том числе и предметы искусства (выпрямитель, наконечник дротика, иглы, браслет, «птички» с геометрическим орнаментом и др.).

Иные местонахождения времени палеолита на Десне представлены лишь двумя небольшими коллекциями со стоянок Бугорок и Чулатово 2 (по несколько сот предметов). Из материалов Новгород-Северской стоянки в музее хранятся два «гигантолита» и орнаментированное ребро мамонта.

Палеолит бассейна среднего Днестра представлен материалами, собранными на поверхности со стоянок у сел Врублевцы, Китайгород, Калачковцы, Студеница, Бакота, Калюс, Устье, Сокол и др., Каменец-Подольской области (М. Я. Рудинский), и комплексами кремневых изделий со стоянок Марьиновка I и Демшин, собранными в 1945 г. на правом берегу Днестра в окрестностях с. Грушевцы, Кельменецкого района, Черновицкой области (С. Н. Бибиков, И. Г. Шовкопляс).

Из материалов Кирилловской палеолитической стоянки в Киеве в фондах музея сохранился лишь фрагмент бивня мамонта с известным стилизованным резным изображением. Коллекция кремневых изделий Кирилловской стоянки утрачена в годы Великой Отечественной войны.

Из Амвросиевки, Сталинской области, происходит небольшое количество костей животных и кремней (раскопки 1940 г.). Имеются также материалы из Журавки, Черниговской области (раскопки М. Я. Рудинского, 1927—1930 гг.), и из Гонцов, Полтавской области,— кремни и геологические образцы, а также вещи из других стоянок и палеолитических местонахождений.

Неолит и эпоха меди—бронзы. К наиболее крупным коллекциям этого времени относятся материалы, собранные М. Я. Рудинским в 1925—1927 гг. на дюнах правого притока Десны — р. Смяч, в окрестностях Новгород-Северского. Эта коллекция насчитывает около 9 тыс. предметов (главным образом, кремневые изделия и остатки производства, а также керамика), происходящих с 18 отдельных местонахождений разного времени — от эпипалеолита до эпохи развитой бронзы. Опубликована незначительная часть более раннего материала.

Сравнительно небольшой комплекс материала характеризует неолитическое поселение в урочище Песочный Ров у с. Роговка, Новгород-Северского района.

Среднее течение р. Северский Донец представлено многочисленными материалами, собранными в 20- и 30-х годах Н. В. Сибileвым и С. Н. Одинцовой на неолитических поселениях: Миньевский Яр, Петровское 10, Петровское 28, Бондариха 1, Петровское 4а, Яремовка 1, Изюм 5, Выключевка, Донецкое (б. хутор Наддонецкий), Большая Хайловка и др. (кремневые орудия и их заготовки в различных фазах обработки). Большинство их относятся к поре развитого неолита, а некоторые — к более раннему времени, как, например, материалы с поселений Миньевский Яр, Петровское 10 и Петровское 28. Часть материалов опубликована.

Очевидно, к неолитическому времени следует отнести и материалы из урочища Юрова Гора в окрестностях г. Смела, Киевской области. Небольшие комплексы неолитических материалов, состоящих в основном из кремневых отщепов и законченных орудий, а также обломков глиняной лепной посуды, имеются из ряда пунктов Волынской (Будераж,

Народичи, Чабаны), Киевской (Вишеньки, Чоповичи, Кухари, Иванков), Черниговской (Мезин, Буромка, Пироговка), Сумской (Заболотово) и других областей.

В связи со строительством Днепрогэса в порожистой части Днепра, между Днепропетровском и Запорожьем, с 1927 по 1933 гг. работала специальная Днепропетровская археологическая экспедиция, исследовавшая по берегам Днепра и на его островах десятки древних памятников — поселений и могильников, относящихся к различным периодам, начиная с эпохи среднего палеолита. Материалы, добываясь экспедицией, частично хранятся в Днепропетровском историческом и Одесском археологическом музеях, но большинство их сосредоточено в Киевском музее. Они происходят со следующих пунктов бывшей порожистой части Днепра: островов Кодачок, Стрильча Скеля, Таволжаный, Перун, Дубовый, Похильный, Вовчок, Дурна Скеля; сел Чапли, Днепровское (бывш. Ямбург), Волошское, Вовники, Федоровка (хут. Божков), Кичкас и др.; балок Лоханская, Майорка, Гадючья; Лоханского порога, уроцища Собачки и многих других.

Большинство памятников, представленных этими материалами, относится ко времени неолита и эпохе меди — бронзы. Значительная часть материалов не издана; архивные материалы Днепропетровской экспедиции (дневники, отчеты, фотонегативы, чертежи и др.) хранятся в научном архиве Института археологии АН УССР.

Триполье. Коллекция материалов из раскопок древнеземледельческих (трипольских) поселений на территории Украинской ССР, сосредоточенная в музее, является наиболее крупной во всем Советском Союзе. Коллекция составлена из материалов следующих трипольских поселений: Киев — Кирилловские высоты (В. В. Хвойко, 1895 г.); Киевская область — Ржищев, Балыки (В. В. Хвойко, 1895 г.), Щученки, Жуковцы, Веремье, Стайки, Халепье (В. В. Хвойко, 1896—1899 гг.), Сушковка (1916 и 1926 гг.), Жолудевка и Грушевка (Н. Е. Макаренко, 1925 г.), Томашовка (1925—1926 гг.); Коломийщина I и II (Т. С. Пассек, 1934—1939 гг.); Кировоградская область — Владимировка (Т. С. Пассек, 1936 и 1940 гг.); Винницкая область — Борисовка (Н. Ф. Беляшевский, 1904, 1905 и 1925 гг.), Стена (С. С. Гамченко, 1929 г.), Озаринцы (М. Я. Рудинский, 1929 г.); Черниговская область — Евминка (Н. Е. Макаренко, 1925—1926 гг.); Каменец-Подольская область — Кадиевцы (М. Я. Рудинский, 1926 г.); Житомирская область — Городск (1940 г.) и ряда других.

Количество материалов, относящихся к эпохе меди — бронзы и раннего железа, сравнительно невелико, и собраны они главным образом на поверхности или во время небольших раскопок, проведенных в различных пунктах территории Украинской ССР. Так, территория Киевщины представлена материалами из сел Трактемиров, Зарубинцы, Вигуровщина, Вишеньки, различных пунктов по Днепру в окрестностях Кисева и др.; территория Полтавщины — материалами с уроцища Белая Гора в Полтаве, Кабаковых хуторов и с. Старый Орлик возле г. Кременчуг, а также из ряда пунктов в Пирятинском, Золотоношском и других районах; много отдельных находок подобных материалов имеется также из Волыни, Подолии и других районов республики.

Значительная группа материалов эпохи бронзы (так называемой среднеднепровской культуры) содержится в коллекциях Российской экспедиции (Т. С. Пассек, 1945 г.), а также в дореволюционных и дооценочных сборах на территории современного Каневского и Черкасского районов, Киевской области.

Кроме перечисленных, в фондах музея имеются небольшие коллекции археологических материалов, происходящих с территории РСФСР (изделия из кремня и обломки глиняной посуды из г. Валуйки, Воро-

нежской области, «макролиты» из бассейна верхней Волги и др.). Значительную группу составляют также известные материалы, собранные Н. Ф. Беляшевским в 1898 г. на берегах Западного Буга, на территории бывш. Гродненской и Седлецкой губерний.

Территория Киева представлена значительным количеством разновременного материала, собранного в различных районах города: Куреневке, Соломенке, Оболони, Сырце, Приорке, Кирилловских высотах, Корчеватом, Китаеве, Голосееве и др.

Пред斯基фское и скифское время. К пред斯基фскому времени относятся небольшие коллекции материалов из раскопок зольников в Белогрудовке под Уманью (изделия и отщепы из кварцита, керамики и др., а также две надгробные стелы) и в окрестностях сел Березовка и Буды под Ахтыркой.

К скифскому времени прежде всего относится большая коллекция из раскопок курганов и городищ на р. Тясмин, произведенных в 1890—1914 гг. А. А. Бобринским и в значительной степени опубликованных в его работе «Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела». Материалы этой коллекции происходят из следующих пунктов: Константиновка, Холодный Яр, Гуляй-Город, Журовка, Большой Дерновиц, Староселец, Грушевка, Матронинское городище и др.

Из послевоенных исследований имеются материалы раскопок курганов в с. Макеевка (Е. Ф. Покровская, 1946 г.).

Так называемая Каневская группа памятников представлена материалами из раскопок курганов, поселений и городищ в селах Ксеневка, Куриловка, Тулинцы, Красное, Хазаровка, Бобрицы, Бересняги, Ковали и других, а также из случайных находок в селах Степанцы, Букрин, Трахтемиров, Михайлов, Тростянец, Яблоневка, Липлява, Прехоровка, Хмельное, Григоровка, Луковцы, Грищенцы, урочище Княжья Гора возле Канева, из городов Канев, Ржищев и др.

Из Шарповского городища в музее хранятся материалы разведок и раскопок 1936—1940 и 1946 гг. (И. В. Фабрициус). Небольшие комплексы материалов имеются также из Немировского и Пастырского городищ (разведки И. В. Фабрициус, 1938 г.), а также из отдельных скифских памятников порожистой части Днепра, Кавказа и других районов.

Общее количество предметов, найденных при раскопках памятников скифского времени, превышает 15 тыс.

Ольвийские древности представлены коллекцией керамики и терракотов из раскопок 1909—1928 гг. и материалами, добытыми при раскопках 1935—1941 гг. (свыше 11 тыс. предметов).

Кроме ольвийских материалов, в музее хранятся античные вещи из собраний Хвойко и Ханенко (2054 предмета), а также небольшие коллекции материалов из раскопок Херсонеса и Пантикалея.

Ранние славяне и Киевская Русь. Памятники культуры полей погребений представлены коллекциями материалов из раскопок могильников в селах Корчеватое под Киевом (И. М. Самойловский, 1940 г.), Зарубинцы, Черняхов и Ромашки, Киевской области (В. В. Хвойко, 1900—1901 гг.) и поселений в селах Жуковцы, Киевской области (Е. В. Махно, 1940 г.) и Лука-Врублевецкая, Каменец-Подольской области (Средне-Днестровская экспедиция 1947—1949 гг.). Большинство материалов опубликовано.

Древний Киев представлен различными материалами. В Музее хранятся крупные коллекции из раскопок на территории бывш. Десятинной церкви и Михайловского собора, на горе Киселевке, во дворе школы № 25 (бывш. усадьба Трубецкого), на территории Исторического музея (бывш. усадьба Петровского), на ул. Б. Житомирской № 4/6 и др.

Раскопки Десятинной церкви представлены материалами В. Д. Ми-

леева (1911 г.) и М. К. Каргера (1936—1939 гг.) общим числом около 23 тыс. предметов. Имеются материалы из раскопок 1932—1939 и 1940 гг., составляющие более 6 тыс. предметов (в том числе материалы, относящиеся к культуре полей погребений и времени, предшествующему образованию древнерусского государства). Материалы опубликованы частично.

Имеются также коллекции из раскопок в ряде древнерусских городов: Вышгорода (раскопки 1934—1937 гг. — около 4,5 тыс. предметов), Белгорода (1910 г.— около 2 тыс. предметов), Райков, Переяслава (1945 г.), Княжьей Горы (несколько тысяч предметов) и др.

Кроме перечисленных материалов, в музее хранится значительное число кладов и отдельных изделий из драгоценных металлов, обнаруженных при раскопках поселений, могильников, древнерусских городов, или случайно найденных в различных районах Украинской ССР, относящихся к скифо-сарматскому, раннеславянскому времени и эпохе Киевской Руси.

ПАМЯТИ ПРОФ. С. А. СЕМЕНОВА-ЗУСЕРА

8 ноября 1951 г. в Харькове после тяжелой и продолжительной болезни скончался профессор Харьковского государственного университета доктор исторических наук Семен Анатольевич Семенов-Зусер.

С. А. Семенов-Зусер родился 4 августа 1887 г. в Павлограде, быв. Екатеринославской губ., в семье учителя. С 1907 г. он занимался в Петербургском лесном институте, затем в Археологическом институте, который успешно закончил в 1914 г.

Преподавательскую деятельность Семен Анатольевич начал в 1915 г. чтением лекций на Знаменских курсах в Петрограде.

В 1920 г. он занимался полевыми археологическими раскопками на территории Ольвии и ольвийского некрополя. Материалы этих раскопок были частично опубликованы в кратком «Отчете о раскопках в Ольвии в 1920—1921 гг.» (ГАИМК, т. X, вып. 5, 1931 г.).

С 1926 г. С. А. Семенов-Зусер в Ленинграде читал лекции в педагогическом институте, университете и ряде других высших учебных заведений, а с 1929 по 1933 г. был ученым хранителем Музея антропологии и этнографии АН СССР.

В 1930—1933 гг. Семен Анатольевич провел археологические раскопки в Крыму, где исследовал мегалитические сооружения. Результаты этих работ были им опубликованы в статье «Таврские мегалиты» (Нау-

кові записки Державного педагогічного інституту за 1940 р., т. V, Харків) и в ряде статей научно-популярного характера.

В 1931 г. С. А. Семенов-Зусер опубликовал одну из своих основных работ «Родовая организация у скифов Геродота» (ИГАИМК, т. IV, вып. 1, 1931 г.). Семен Анатольевич одним из первых в советской археологической литературе сделал попытку охарактеризовать общественно-экономические отношения у скифов.

С 1937 г. и до последних дней своей жизни С. А. Семенов-Зусер возглавлял кафедру древней истории и археологии Харьковского государственного университета. Эти годы были наиболее плодотворным периодом в его разносторонней научной деятельности.

Основное свое внимание в эти годы он уделял проблемам, связанным с историей античных городов Северного Причерноморья, результатом чего явились работы: «Торговый путь к Ользии» (Ученые записки ХГУ, т. XIX, 1940 г.) и «Физическая культура и здравища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья» (Нзл. ХГУ, Харьков, 1940 г.).

Во время Великой Отечественной войны С. А. Семенов-Зусер вместе с университетом эвакуировался в г. Кзыл-Орда (Казахская ССР), где заведывал кафедрой всеобщей истории Объединенного украинского университета.

После возвращения из эвакуации в Харьков Семен Анатольевич возобновил свои полевые археологические исследования, участвуя в ряде экспедиций Института археологии АН УССР.

В 1945 г. он провел небольшие раскопки курганного могильника скифского времени в Люботине (Харьковская область), а с 1946 по 1948 г. руководил ежегодными раскопками памятников салтовской культуры. В результате многолетних раскопок катакомбного могильника, городища и селищ в с. Верхний Салтов (Харьковская область) им был собран богатый фактический материал, позволяющий характеризовать различные стороны жизни местных алан.

Помимо накопления нового фактического материала, С. А. Семенов-Зусер за последние годы напечатал и ряд обобщающих работ: «Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности» (Памятники истории, экономики и культуры древнего Северного Причерноморья, вып. I, ХГУ, 1947 г.) и «Скифская проблема в отечественной науке» (Опыт историографии скифов, ч. I, ХГУ, 1947 г.). Монография «Скифская проблема в отечественной науке» была защищена С. А. Семеновым-Зусером в 1948 г. в качестве докторской диссертации.

Большой и плодотворной была деятельность Семена Анатольевича в области подготовки новых научных кадров. Под его руководством были написаны и защищены в Харьковском университете четыре кандидатские диссертации. Своих учеников С. А. Семенов-Зусер всегда привлекал к большой совместной научной работе.

В лице С. А. Семенова-Зусера советская историческая наука потеряла крупного специалиста в области древней истории и археологии Северного Причерноморья.

Б. А. Шрамко

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ В 1952 г.

Р. И. ВЫЕЗЖЕВ

В 1952 г. Институт археологии АН УССР продолжает проводить широкие полевые археологические исследования главным образом в районах великих строек коммунизма.

Для исследования памятников, расположенных на Днепре, в зоне Кауховского водохранилища, еще в 1951 г. были организованы три экспедиции.

Горностаевская экспедиция (Д. Т. Березовец) продолжает раскопки курганного могильника эпохи бронзы и скифского времени, расположенного в с. Кут, Днепропетровской обл. Экспедиция закончила разведку археологических памятников на левом берегу Днепра от пос. Каменка-Днепровская до с. Любимовка, Херсонской обл.

Никопольско-Гавриловская экспедиция (А. В. Добропольский) в с. Золотая Балка, Херсонской обл., продолжает раскопки поселения рубежа н. э. В текущем году был открыт и частично исследован бескурганный могильник этого поселения. Отряды экспедиции исследуют: в с. Михайловка, Херсонской обл., поселения эпохи ранней бронзы и в с. Осокоровка, той же области, погребения ранней и поздней бронзы и поселение эпохи культуры полей погребений.

Бериславско-Кауховская экспедиция (Л. Д. Дмитров) продолжает раскопки городища рубежа н. э. в с. Любимовка, поселения культуры полей погребений в г. Берислав, Херсонской обл. и поселений эпохи поздней бронзы и периода Киевской Руси в с. Змеевка, той же области.

На территории будущего Кауховского водохранилища работали также отряды: Бериславский палеонтологический (И. Г. Пидопличко) и отряд Степной скифской экспедиции, исследовавший скифское городище в пос. Каменка-Днепровская и городище рубежа н. э. в с. Гавриловка, Херсонской обл. В этих же пунктах были частично исследованы открытые в 1952 г. могильники культуры полей погребений.

В районе строительства Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов в 1952 г. работает шесть экспедиций, из которых три: Степная скифская (Б. Н. Граков), Керченская (В. Д. Блаватский) и Северо-Крымская (П. Н. Шульц) — являются совместными экспедициями Института археологии, ИИМК АН СССР и Крымского филиала АН СССР.

Южно-Молочанская экспедиция (А. И. Тереножкин) продолжала начатые в 1951 г. исследования курганов, относящихся к эпохе бронзы, а также позднескифских, сарматских и позднекочевнических погребений, расположенных у с. Терпение, Запорожской обл.

Мелитопольско-Терпениевская экспедиция (М. Я. Рудинский) продолжает исследование Каменной Могилы у с. Терпение.

Снигиревско-Ингулецкая экспедиция (Л. М. Славин) продолжала исследования курганов эпохи бронзы и поселений первых веков н. э. в с. Снигиревка и Афанасьевка, Николаевской обл.

Степная скифская экспедиция проводила исследования курганных могильников в районе г. Большой Токмак, Запорожской обл.

Северо-Крымская и Керченская экспедиции изучают археологические памятники, расположенные по трассе Северо-Крымского канала.

В других районах республики работали следующие экспедиции: Ольвийская (Л. М. Славин), исследовавшая Ольвию и ее ближайшую периферию; Черниговская (Д. И. Блифельд), совместно с Эрмитажем исследующая в Чернигове славянские курганы; Днестровская (В. И. Довженок), проводившая раскопки поселения культуры полей погребений в с. Иванковцы, Каменец-Подольской обл., на месте, где были обнаружены идолы; Переяслав-Хмельницкая (М. К. Каргер), совместно с ИИМК АН СССР исследовавшая памятники периода Киевской Руси и могильник культуры полей погребений в г. Переяслав-Хмельницкий; Днепрогэсовская (М. Я. Рудинский), ведущая исследование памятников неолита и эпохи бронзы в районе оз. Ленина. Экспедиции открыты неолитический могильник в с. Вовнин, Днепропетровской обл.; экспедиция Большой Киев (П. П. Ефименко), проводившая разведочные работы на поселении эпохи бронзы в с. Погребы, Киевской обл., исследования оборонительных сооружений ряда славянских городищ и раскопки вала XI в.

в Киеве; Волынская, проводящая раскопки славянского городища в с. Колодяжное, Житомирской обл., и разведку памятников эпохи раннего железа в Волынской и Ровенской обл.; Средне-Днепровская (А. И. Тереножкин), исследовавшая поселение раннескифского времени в с. Собковка, Киевской обл., и проводящая разведку в районе г. Смела; Галичская (В. И. Довженок), производящая раскопки древнего Галича.

Самостоятельные разведывательные отряды: Амвросиевский (П. И. Борисковский) и Копычинецкий (И. К. Свешников) исследовали палеолитические памятники Приазовья и памятники эпохи поздней бронзы и раннескифского времени в Тернопольской обл.

Поступила в редакцию
27 сентября 1952 г.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории.

ВИ — Вопросы истории.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

ОАК — Отчеты Археологической комиссии.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.

СА — Советская археология.

СЭ — Советская этнография.

Труды... АС — Труды... археологического съезда.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Археологические работы на великих стройках коммунизма	
Институт археологии АН УССР на великих стройках коммунизма	5
А. В. Добровольский, Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г.	8
А. И. Тереноцкий, Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища	15
М. Я. Рудинский, Каменная Могила	21
Доклады и сообщения	
В. А. Богусевич, Н. В. Холостенко, Черниговские каменные дворцы XI—XII вв.	32
М. Ю. Брайчевский, К вопросу о генетических связях ювелирного ремесла антиков и Киевской Руси	43
Полевые исследования и публикации памятников	
Ю. С. Вязоградский, Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница	50
Д. И. Близфельд, Древнейшее славянское поселение на Черниговщине	53
А. П. Савчук, Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине	56
М. И. Вязьмитина, Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботы, Киевоградской обл.	59
Д. Я. Телегин, Погребения эпохи бронзы на р. Деркул	67
А. В. Бодякский, Памятники палеолитического времени на Днепре, в районе оз. Ленина	70
С. С. Березанская, Г. Т. Титенко, Поселение пред斯基фского времени в с. Собковка	78
Жизнь научных учреждений и музеев	
Е. В. Максимов, Конференция Института истории материальной культуры АН СССР по вопросам скіфо-сарматской археологии	85
Л. М. Славин, Подготовка новых кадров археологов	93
Л. Д. Дмитров, Вопросы археологии и древней истории на страницах печатной продукции вузов УССР в послевоенное время	98
И. Г. Шовкопляс, Киевский Государственный исторический музей	103
Хроника	
Памяти проф. С. А. Семенова-Зуэра	108
Р. И. Вязжев, Полевые исследования Института археологии в 1952 г.	110
Условные сокращения	112

